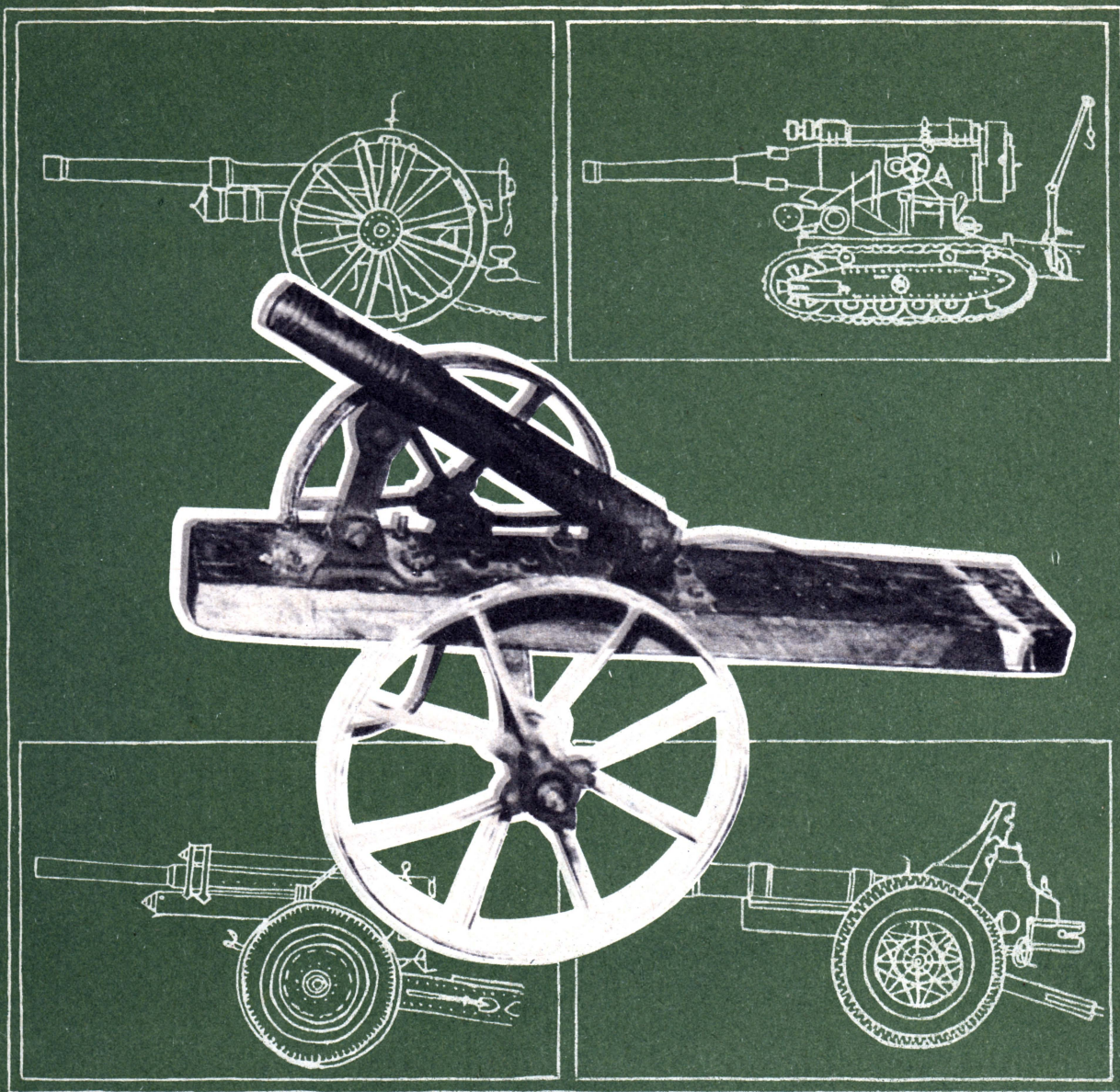

уральский

следопыт

№8 **** 1978

САМОДЕЛЬНАЯ ПУШКА

В 1919 году, когда уральская деревня Воронино была занята колчаковцами, местный кузнец Николай Гурьянович Белоусов сконструировал и тайно сделал в кузне... пушку. Неказистой она вышла, на деревянном лафете-плите, на тележных колесах, но стреляла! Самодельными снарядами-картечинами, но громко и верно.

Свою пушку кузнец Белоусов переправил партизанам. И орудие не раз выкатывали на передовую в боях с беляками...

Когда колчаковцы были изгнаны с Урала, артиллерийская установка кузнеца Белоусова вернулась в деревню Воронино. Десять лет пушка была реликвией села. 7 ноября — в честь праздника Великого Октября и 15 июля — в день освобождения Урала от колчаковцев — из нее салютовали с главной деревенской площади.

Потом о пушке Белоусова забыли, долгие годы она валялась в сарае. Здесь ее и нашли юные следопыты соседнего села — из черемисской средней школы.

В школьном музее, кстати, одном из лучших в Уральском крае, — пушка кузнеца Белоусова занимает почетное место.

В. ПЕТРОВ

На снимке: самодельная пушка кузнеца Белоусова.

в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. Маркуша ГОДЫ И МГНОВЕНЬЯ	2
Б. Вайсберг ЧЕРТЕЖНИК	6
К. Горбенко НЕБЕСНЫЕ МАЛЫШИ	8
Ф. Вибе ГДЕ РОЖДАЕТСЯ ЕНИСЕЙ	10
В. Чемляков СТРАНИЦА ЛЕНИНСКОЙ «ИСКРЫ»	16
Е. Кончин СИБИРСКИЕ ПОРТРЕТЫ СЕСТЕР ШАХОВСКИХ	17
А. Вориводина, Т. Здорик, Ю. Котов СЧАСТЬЕ ЛЮДИ МНЕ ПРЕДСКАЗАЛИ... Стихи	19
Л. Румянцев ДОМ В ТРИ ОКНА. Стихи	20
С. Языков НЕСЕРЬЕЗНЫЕ ДЕТИ. Рассказ	22
Ю. Липатников ДАРЫ МАГНИТНОГО ПОЛЯ	23
М. Киреев ПОД УТРО, 5 ИЮЛЯ...	30
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	34
А. Новиков ТРЕТИЙ НОМЕР. Рассказ	33
И. Пьянков РИФЕИ — МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ	44
И. Каплун КАРМЕЛЮК	49
НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНЕЙКЕ	50
Кир. Булычев ГУСЛЯР — НЕАПОЛЬ. Рассказ	54
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	61
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	64
С. Смирнова ПЕСНИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ...	66
Л. Фомин СПАСТИ ДЯТЛА	67
В. Баныкин, М. Деменок, А. Шпиякин ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	71
В. Толмачев ПРОШЛИ ДЕСЯТЬ РЕК	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 28/IV 1978 г.
НС 11128
Подписано к печати 14/VI 1978 г.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,5
Тираж 275 000.
Заказ 600.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ
Оформление 2-й стр. об-
ложки С. МАЛЫШЕВА

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№8 * 1978

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ГОДЫ И МГНОВЕНЬЯ

**Анатолий
МАРКУША**

Оформление
А. Копысова

*Анатолий Маркуша —
мальчишеский писатель.
И «Важ — взлет!»,
и «Мужчинам до 16 лет»,
и «Чудеса на колесах»,
и «Азбука мужества»
были адресованы мальчишкам.
И вот — книга для девочек.
Она так и называется:
«Желаю счастья, девочки».
Что же случилось?
Мы спросили автора:
Кто или что толкнуло вас
обратиться
к столь несвойственной
вам теме?
— Исключительно — кто...
Читательницы
осадили письмами:
«Чем мы хуже мальчишек?!»
Сначала пытался отшучиваться:
дескать, для девочек не пишу
только потому,
что сам никогда
девочкой не был.
Но корреспондентки оказались
настойчивее меня,
и вот я закончил книгу...
О чем она?
Я старался рассказать
о судьбах замечательных женщин
и дать юным читательницам
примеры,
достойные подражания,
поговорить о дорогах,
ведущих к счастью...
Новая книга
Анатолия Маркуши
выйдет в издательстве
«Детская литература» в Москве.
Мы печатаем
заключительную главу —
разговор об отношении к жизни
ведут в ней девочка
по имени Надя,
прославленная балерина
Нина Владимировна Тимофеева
и, конечно, автор.*

Нас три подруги — Валера, Елка и я — Надя. Вместе мы давно, можно даже сказать, — всегда. Нас водили в один детский садик, потом мы пошли вместе в школу и оказались в одном классе, а теперь тоже вместе заканчиваем восьмилетку.

Мы друг на друга совсем не похожи и, хотя дружим давно, ни разу серьезно не поссорились, а скандалим часто. Только не в том смысле скандалим, что ругаемся между собой, а в том, что сильно спорим. И главное, о чем я хочу рассказать, — это как раз наши споры.

Только сначала, чтобы вам все было ясно и понятно, я должна еще кое-что объяснить про нас самих.

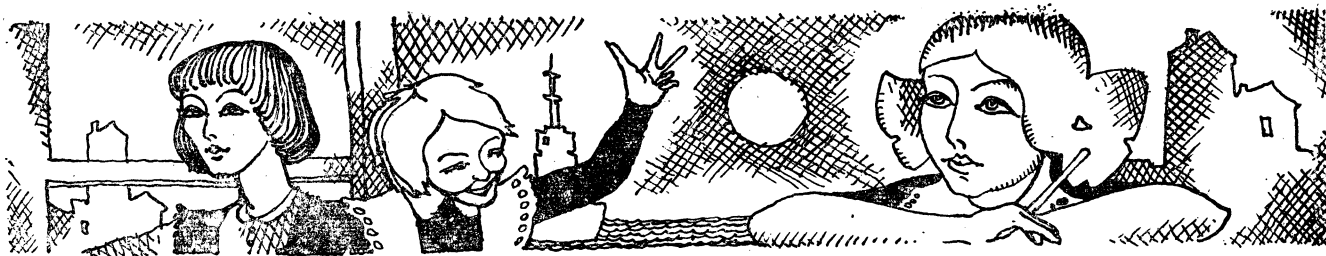
Валера — жутко гордая. Если получит тройку, хотя бы по черчению, немедленно обижается на весь свет. Она больше всего любит, когда ее хвалят и пальцем на нее показывают — глядите, мол, что у нас за чудо! Вообще-то Валера симпатичная девчонка, с ней часто заговаривают даже совершенно незнакомые парни и набиваются знакомиться. Только вы ничего такого в голову не забирайте, просто ей доставляет удовольствие... как бы это получше сказать... стоять на видном месте.

Елка проще человек. Веселая и всегда повторяет: «А-а-а, три к носу!» Это у нее вроде заклинания. Наругала меня мама, обидно и реветь охота: совершенно напрасно, можно сказать, ни за что наругала... А Елка смеется: «Три к носу!» Или кошелек у меня в магазине стянули, я расстроилась... и денег все-таки жалко. А Елка свое: «Три к носу! Не последний день живешь!...»

Про себя объяснить, конечно, труднее, но все-таки скажу: командовать я совершенно не умею и никогда не стараюсь. Мне просто не хочется командовать, и когда Валера начинает нами — Елкой и мной — «руководить», я лично не возмущаюсь и не протестую. Пусть себя!

А теперь я могу рассказать про главное.

Сначала Валера собиралась после школы поступить в высшее мореходное училище и очень возмущалась, почему туда не допускают девочек. Потом она надумала идти в полярные радистки, хотя и это реше-

ние вскоре отменила, и теперь объясняет всем, что ее настоящая мечта — дипломатическая работа!

Знаю: сто раз читала и тысячу раз слышала — все взрослые люди, когда они были еще детьми, мечтали поступить в пожарные, потом сделаться шоферами, потом — летчиками или подводниками, а на самом деле кто стал старшим бухгалтером в жэке, кто — часовщиком, кто — зубным техником, а кто — продавцом гастронома... И ничего удивительного: на практике все выходит совсем иначе. Так уж устроена большая жизнь.

Но Валера не просто меняет свой выбор и мечтает сегодня об одном, а завтра совсем о другом, ей обязательно такое место нужно в жизни, чтобы она, как статуя Свободы или как Эйфелева башня, была на этом месте со всех сторон видна!

Я ей так прямо и сказала, и мы жутко поскадали. Валера возмущалась:

— И что плохого, если даже человек на виду? Важно, чтобы он дело свое хорошо делал, а остальное значения не имеет...

— Хорошо делать дело — это прекрасно! Вот ты в моряки собиралась, в капитаны дальнего плавания прищелкивалась, скажи, что тебя в морской службе, кроме пугавок с якорьками, влечет, что ты узнала из морского дела, ну, хотя бы, что ты прочла? Я уже не спрашиваю, чего ты умеешь, хотя, между прочим, другие в пятнадцать лет и под парусами самостоятельно ходят, и плавают, и ныряют, как рыбы... — так я говорила.

И по существу она мне ничего не возразила, только пыталась примерами «давить».

И тоже! Если Валера в моряки собирается, то образец для нее капитан дальнего плавания Орликова, конечно: Герой Социалистического Труда, знаменитость... А потянуло Валеру на дипломатию — и у нее новая богиня — Александра Михайловна Коллонтай, и первое, что Валера сообщает всем и каждому: «А известно ли вам, что кроме ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени, Александра Михайловна была еще награждена норвежским Большим Крестом ордена Святого

Олафа первой степени с лентой и высшим мексиканским орденом Агвила Ацтека, тоже с лентой?» Произносит эти слова Валера с каким-то придыханием, и в глазах у нее легкая сумасшедшинка появляется...

Я чего хочу доказать? Не само дело или там занятие Валеру притягивает, а почет, известность, слава и все такое... По-моему, так жить неправильно.

— Ты — курица, — говорит мне Валера, — кудахчешь-кудахчешь — и ничего дальше своего носа не видишь...

Елка, может, не совсем прямо, но все-таки на Валериной стороне. Вообще-то какие у Елки планы я точно не знаю, но она тоже время от времени выдает:

— Вот бы балерниной заделаться! Красота... музыка... все тебе аплодируют...

А то и еще почище:

— Интересно, откуда телевизионные дикторы берутся? Хорошая работка! Все тебя знают, все каждый вечер ждуть и ты всем улыбаешься, ты всем — свой человек! И только успевай платье переодевать...

Вы можете сказать: всех раскритиковала, а сама, наверное, хороша! Не отрицаю, у меня недостатков хватает: я копуха ужасная, я соображаю в пять раз медленнее Елки и раза в три медленнее, чем Валера; мне к концу недели школа надоедает больше, чем другим девочкам, и я, можно сказать, еле-еле доживаю до воскресенья; с мальчишками я спорюсь часто и иногда зря, но чего во мне нет, того нет — никакой необыкновенной я себя не считаю и никакого особенного места в жизни не ищу. А точнее — не искала и даже не думала об этом...

Но тут такая история вышла: познакомилась я с одним парнем, подробности значения не имеют, важно другое — в четырнадцать лет его на математический факультет университета приняли. Можете представить?! Талант в нем обнаружили, а возможно, даже гениальность, нового Гадуа признали... Но, если вам ничего об этом не известно, вы и не подумаете о нем чего-нибудь такого... Парень, как парень, — не зазнается, вообще про себя меньше всего говорит... Вот он мне и сказал:

— Человек должен стремиться к звездам, иначе он не оправдывает своего назначения на земле. — И прочитал стихи. Стихов я не запомнил, к сожалению, а смысл у них такой — жила на свете свинья, головы не поднимала, все рылась, рылась и рылась под ногами, пока не превратилась в колбасу, так и не заподозрив о существовании Млечного пути и прочей звездности.

И с тех пор мне беспокойно.

А вдруг Валера и Елка все-таки больше правы, чем я? А вдруг — это важнее, чем мне кажется, — сумею захватить свою высоту?

Когда раньше девочки доказывали мне, как должно быть приятно и хорошо вознестись, я только злилась и лезла с ними скандалить, а теперь... после знакомства с этим математическим вундеркиндом я уже почти готова согласиться... хотя, хотя душой чувствую — не должны они и не могут быть во всем правы...

Письмо продолжалось еще на пяти страницах. Возможно, оно было несколько многословным, но в каждой строчке ощущалось усилие спокойной мысли. И еще я заметил: Надя старалась быть объективной, не обижать подруг зря, честно разобраться в сомнениях и понять — почему «возвышение» (это ее словечко) в одних случаях представляется ей враждебным, а в других — нет.

Заканчивалось письмо девушки просьбой, если возможно, помочь ей разобраться в этом «лабиринте» или же назвать книги, которые надо прочесть, чтобы усвоить всю «тонкую механику жизни и взаимоотношений человека с окружающей средой».

Надя рассказала мне — свое; пожалуй, я тоже расскажу ей свое, — решил я, — а там поглядим, что из этого выйдет.

Не так давно мне случилось провести вечер в беседе с одной из первых балерин страны — **Ниней Владимировной Тимофеевой**.

Двадцать четыре сезона, словно по золотой лестнице, поднимается она от успеха к успеху, и достигла сегодня всех высших степеней признания, отличий, славы...

Вечерело, уставший день медленно отступал на запад и серые грустные облака недовольно морщили лбы — проливаться еще одним дож-

дем или уже на сегодня хватит?.. Мы сидели в темнеющей комнате, и я старался не задавать много вопросов, а попросил: если можете, если хотите, поделитесь с девочками своими мыслями и опытом — как человек приходит к своему счастью?

Рассуждать о счастье, если всерьез, а не лишь бы отговориться — дело далеко не легкое. Я записал рассказ моей известной собеседницы, не «пригладив» в нем ни словечка, не «припудрив» ни одной мысли... Возможно, кто-то обнаружит в этой записи недостатки, ну что ж... но есть в ней во всяком случае одно достоинство — рассказ абсолютно достоверен, а достоверность, не забывая, — основа искренности...

Родилась я в Ленинграде. И до начала войны не очень-то успела подрасти... Маленькой меня вывезли из блокированного города. Я не все запомнила, но одного никогда уже не забуду, даже если захочу, не смогу забыть — голод...

Голод уничтожает человека — и большого и маленького, и талантливого и заурядного, — и не просто убивает, а медленно и безнадежно разрушая человеческую личность... Ты еще дышишь, двигаешься, чувствуешь тепло и холод, слышишь шаги за стеной, но все мысли твои, все существо сосредоточено на одном — хлеб!

Кусочек, корочка, сухарик, крошка... Хлеб! Он кислотный, когда его жуешь... он вызывает слюну, когда на него смотришь... Хлеб! У хлебного запаха нет имени, просто хлеб, особенно свежий, только что из печи, одуряюще пахнет жизнью.

Из блокированного Ленинграда меня эвакуировали в голодную Пермь. И здесь, в свои шесть лет, я вышла на работу. Да, на работу. Я изображала детей на сцене Кировского театра. Хорошо я это делала, плохо — в памяти не сохранилось. Важно другое — и это запомнилось! — мне, шестилетней, дали законную взрослую продовольственную карточку! Как ни противоестественно это звучит применительно к такому маленькому ребенку, работа спасла меня от голода.

Наверное, этих первых воспоминаний могло бы хватить для далеко идущих выводов и самых широких

обобщений... Но у нас разговор — о счастье. И вот я думаю: было в том счастье или нет, в избавлении от голода, в случайном, пусть спасительном заработке? Не знаю. Раскрепощение от унижительного страха — было! Тогда я не могла еще этого понять, но сегодня я это очень хорошо понимаю...

Легко мне никогда не жилось. Золотое, этакое безмятежное, кремовое, идиллическое детство обошло меня стороной. К счастью ли, к несчастью... трудно сказать, тем более, что изменить тут уже ничего невозможно. Сурово я росла, трудно училась и трудно взрослела.

А дальше все так сложилось, что вне сцены, вне балета я постоянно ощущаю себя... не столько женщиной, сколько мужчиной: почему-то мне всегда достается заколачивать гвозди, красить рамы, если в доме ремонт; таскать пудовые сумки, заботиться о ближних, водить автомобиль... Только не подумайте, будто я жалею или пытаюсь поставить все эти «подвиги» себе в заслугу. Просто перечисляю и стараюсь понять — могут или не могут заботы обернуться счастьем?

Нет, не уверена... хотя сознания независимости, равноправия такое положение прибавляет, особенно когда ты успешно справляешься со своими добровольно назначенными обязанностями.

Ну, а то, что я сейчас скажу, прозвучит, простите, несколько вышвенно: я живу балетом. Но, понимаете, это правда, это именно так. Живу!

К сожалению, я не умею рассказывать об этой жизни... «рассказывать» балет противоестественно. Волшебство его бессловесно и потому не может быть выражено ни на каком языке.

Чтобы чувствовать себя уверенной, балерина должна много работать. И, пожалуйста, не воспринимайте эти слова, как общее место — все должны работать хорошо, много и, по возможности, со знаком качества!

Смысл моей работы упрощенно можно объяснить так: танец — живой динамический узор, сотканный из движений, каждое движение должно быть точным, четким и

подконтрольным. Подконтрольность достигается ежедневным, многократным, придирчивым повторением элементов каждого движения. И другого пути нет. В этом и смысл, и главная тяжесть работы: повторение и контроль, повторение и контроль, и снова повторение...

Если вас не смутит определенность итоговой оценки, запишите — в основе высокого искусства балета лежит лошадиная, изнурительная работа.

И обратите внимание: никаких скидок на талант, не говоря уже о званиях, покровительстве, стаже...

Если балерина не потеет, не изнуряет себя на ежедневных занятиях, она, конечно, может довольно долго оставаться и, неплохой, вполне профессиональной танцовщицей, но рассчитывать, а тем более претендовать на большее, ей не придется.

И ко всему еще: каждый раз, выходя на сцену, надо сжигать кусочек настоящей, живой души, той самой, что не восстанавливается никакими силами... Обычно люди говорят с оттенком иронии, что ли: искусство требует жертв, а между тем иронизировать тут не над чем.

Знаете, раза три или четыре у меня было такое странное ощущение после спектакля: все... все кончилось, оборвалось, утратило связь с окружающим... только движение и музыка, звучащая еще в тишине... вроде и никакого притяжения... Такое состояние продолжалось совсем недолго и, как я сказала, посещало меня всего три или четыре раза в жизни.

Если предположить, что именно так и должно ощущаться счастье, то как же обидно мало достается его на нашу долю?

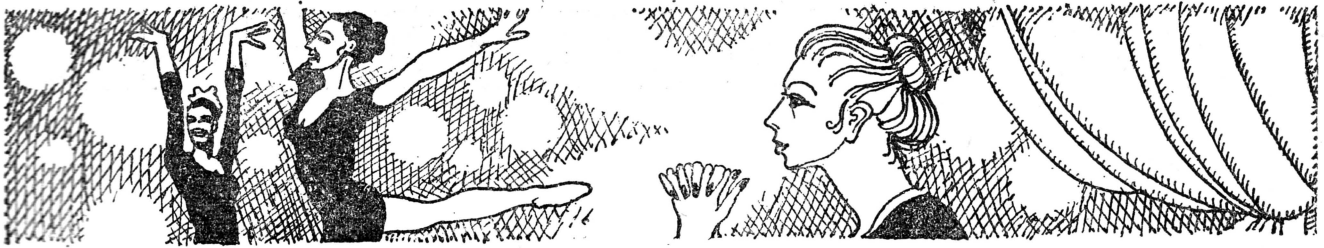
За годы — мгновенья?

Будто и не было ежедневного изнурительного труда...

Нет, что-то тут не так!

Иногда я думаю: всех людей можно, наверное, рассортировать по разным, условным и безусловным, признакам... Ну, скажем, худые и толстые, высокие ростом и низкие, блондины и брюнеты... Все ясно в таком раскладе и все безусловно...

А как же быть с умными и глупыми, образованными и неучами?

Тут ведь далеко не все так ясно, все весьма условно и зависит от того, кого с кем сравнивать...

Но кроме всех прочих людей есть на свете еще и фанатики, они вроде бы сами по себе, и я даже затрудняюсь определить, сколь условное или безусловное это понятие.

Себя я отношу к числу фанатиков.

Искусством я одержима с детства, и жизнь без этой одержимости мне просто не представляется возможной.

Счастье или чистое мучение быть фанатиком? Стоит ли отвечать на этот вопрос, раз, как бы там ни было, мне уже выбирать не дано, выбор сделан.

Не так давно я поступила на заочное отделение театрального института. У многих, вероятно, это вызывает насмешливое удивление или скептическое сочувствие, и то подумать, а чего мне там надо?

Видите ли, я всю жизнь много танцую, часто нерасчетливо трачу и силы, и время. Танцую, выкладываюсь, а жизнь идет и какой-то стороной, увы, проходит мимо! Мне нужно учиться не ради положения, реноме, диплома, и даже не ради того, чтобы иметь возможность встать в позу — смотрите, мол, какая я интеллектуальная! — а чтобы привести в равновесие мысли, чтобы навсегда упущенное в знаниях.

Нет, это, конечно, не большое счастье — сдавать зачеты и волноваться перед институтскими экзаменами, но... это тоже какой-то ракурс, какое-то проявление жизни, имеющее свой вкус, свою особую остроту и, пожалуй, даже известную прелесть...

Мне хотелось быть добросовестной, рассказывая, как человек ищет счастье, не преувеличить и не преуменьшить себя. К сожалению, я не сумела исчерпывающе ответить на ваш вопрос и не виновата в этом.

Как ответить, когда я еще, быть может, не нашла своего счастья? Ищу! Долго скажете... а что сделаешь, если так складываются обстоятельства? Нет, я не жалею и надеюсь искать еще долго... Не так оно легко и не каждому дается в руки — счастье.

Но одно, с высоты моего жизненного опыта, я знаю совершенно точно: человека делают Человеком — труд, искусство и любовь... И прежде всего — труд!

Вот такой был разговор.

Был и минул, а я все думаю: чем удивила или разочаровала, обрадовала или насторожила меня эта встреча и почему так долго не выходит из головы?

Балерина.

Произношу это слово с закрытыми глазами, и перед мысленным взором возникают синь, золотистая бабочка над оранжевым, будто расплавленным цветком, или неправдоподобно прозрачная, отливающая, словно булатной сталью, стрекоза, раскачивающаяся на былинке...

Нежность, поэзия, грация...

Что делать — так уж примитивно мы воспитаны, так прочно подогнаны к общим представлениям, так притерты и помимо воли верны стереотипам.

Но я-то видел ее лицо без грима! Видел сильную, суховатую, вытравленную фигуру женщины... Я не мог оторвать глаз от ее прекрасных, выразительности необыкновенной, рук. Кажется, глядя на ее руки, я впервые в жизни подумал: а судьбы наши родственны — ее — балерины и моя — профессионального летчика.

Совершая свой первый шаг — каждый к своему седьмому небу, — мы подсознательно ощущаем уже тревогу — а до пенсии, в общечеловеческом, осредненном представлении, путь-то совсем недалог... и надо спешить, спешить, спешить; надо работать до горячего пота в глазах, за ушами, до наждачного горла, до черных мух, застилающих небо... надо жить на износ и никаких тебе, то есть — себе, поблажек.

Будет счастье или нет? Так кто ж его точно знает?

Придет слава или облетит стороной? Как повезет, не угадаешь.

А что же будет наверняка? Ради чего все усилия?

Надежда. Ускользящая, неверная, призрачная, обнадеживающая, надменная и снисходительная: все впереди!

И если удастся сохранить веру, если удастся до последнего вздоха,

до крайнего осколочка синевы в зрачках не отчаиваться — ведь все впереди! — тогда счастье...

Никакая высота, Надя, не может повредить человеку, если, конечно, он — человек настоящий. И, я думаю, нет ничего худого в стремлении взять самую высоченную вершину, если только ты ее штурмуешь честно, не подставляя ножку другому.

Найдешь ли ты там, на высоте, свое счастье или нет — вопрос особый. Но тут дело все в том, я думаю, что принимать за свое, личное, персональное счастье.

Мне, например, счастье представляется не тем, что можно скопить, припрятать, сберечь... Я думаю, счастье — это раздавать, раздаривать щедро, не считая и не опасаясь разориться.

И для такого счастья — высота не помеха, скорее достоинство...

Р. S. Ты спрашиваешь, Надя, что читать, дабы усвоить всю «тонкую механику жизни и взаимоотношений человека с окружающей его средой». Я не стану перечислять великие книги великих писателей. Классика в моих рекомендациях не нуждается. Класснику тебе и так не миновать.

Советую, Надюша, читай дневники путешественников! Скотта и Амундсена, Пржевальского и Козлова, Пири и Кренкеля, Потаниной и Нансена... Читай воспоминания не профессиональных литераторов — академика Крылова и Чарли Чаплина, Менделеева и актера Акимова, Рокуэлла Кента и Репина...

Не могу поручиться, что с помощью этих книг ты превзойдешь всю «тонкую механику жизни», но мудрее станешь обязательно.

ЧЕРТЕЖНИК

**Борис
ВАЙСБЕРГ**

Рисунки
М. Паукера

*«Дорогая редакция!
Пришла пора выбирать профес-
сию. Только какую? Нравится мне,
как работают модельеры,— они кра-
сиво одевают людей. Нравятся кон-
структоры — придумывают нам
удобные вещи. Люблю ухаживать и
за животными. Иногда думаю, хо-
рошо бы поработать на ипподро-
ме — по душе конный спорт...*

*И тут же мысль — а почему бы
не устроиться чертежницей на за-
вод? Тем более, что в нашем моло-
дом городе я часто читаю такие
приглашения. Однако боюсь — а
вдруг это скучно? Развей мои сом-
нения, «Уральский следопыт».*

**Ира ДЕМИНА,
г. Шевченко
Мангышлакской области.**

Допустим, в школе у тебя неплохо шли геометрия и черчение. И предположим, тебя не очень раздражало рисование. В таком случае имеет смысл попробовать себя в роли чертежника. Специально этому делу не учат. Просто приходит человек в конструкторское бюро и, если там нужны люди, его берут с испытательным сроком.

Тебе дадут чертежный станок, наверно, старенький, на котором все начинали в свое время. Прикрепят тебя к опытному конструктору, и он покажет, как работает этот станок, как пользоваться рейсшиной и как ее настраивать. Еще научит, как регулировать противовес, устанавливать прямой угол линеек, менять эти линейки и многое другое, не все в один раз.

Вскоре шеф поможет тебе получить у завхоза рабочий инструмент: карандаши — твердо-мягкие, твердые и двойной твердости, — трафаретки, лекала, резинки. И конечно готовальню, опять же БУ — бывшую в употреблении, возможно, с неполным набором принадлежностей. На первое время тебе этого хватит. Покажет шеф, как затачивают карандаши, зачем заостряют резинку и куда закрепляют ватман. У листа четыре

угла, берут четыре кнопки, следовательно, после арифметического деления количества кнопок на число углов, получится по одной кнопке на угол. Так и надо их вкалывать, слегка покручивая пальцем.

Ты почувствуешь, что все это тебе начинает нравиться. Конструкторы вообще народ веселый, знают массу всевозможных шуток, загадок, фокусов, связанных с черчением. Например, нарисуют большой круг и с боков две палочки. Что это значит? Мексиканец в большой шляпе едет на велосипеде — вид сверху. Еще тебе расскажут, что в молодости чертежником на южном заводе начинал Константин Паустовский, и это не помешало ему стать знаменитым писателем.

Наконец, ты получишь первое задание: вычертить деталь, например, нестандартный винт с мелкой резьбой и отверстием под шплинт. Для этого винта достаточно одной проекции, даже без сечения или разреза. Но ты провозишься с чертежом не один час, несмотря на то, что тебе дадут похожий чертеж. И ты мысленно отругаешь себя, что не слишком старался в школе на уроках черчения, считая их второстепенными.

К твоей доске подойдет шеф, и сразу обнаружит ошибки: все начинают с таких ошибок. Здесь линия не видна, там размер лишний, эта цифра получилась «вверх ногами», размерные линии короче, главные — четче. Острые кромки притупить, так и написать в технических условиях, чтобы людям не царапать руки при изготовлении винта.

Но до изготовления еще далеко. Ты исправишь ошибки, и шеф подпишет твой чертеж в графе «Пров.», что означает — проверил. «А ты почему не подписываешься?» — спросит он. — Вот здесь, в графе «Констр.», т. е. конструктор». И ты первый раз в жизни ставишь свою подпись на чертежной документации, да еще в такой графе. Говорят, что графы для чертежника не предусмотрено, потому что сокращенно получается двуногое существо с рогами и хвостом. Ты смеешься вместе со всеми этой старой шутке, приобщаясь в тот момент к славному племени конструкторов. В сущности, опытный чертежник — это начинающий конструктор, все инженеры начинали с простых детализовок.

Твой чертеж перенесут на кальку, снимут копию на множительной машине и передадут в цех для изготовления. На время ты потеряешь его из виду. А пока тебе поручат следующую работу — эскизирование по готовому изделию. Глядя на принесенную из цеха деталь, вероятно,

изношенную, нужно от руки быстро нарисовать чертеж, без инструментов. Видимо, прежний чертеж потеряли, такое бывает. Без линейки карандаш «плавает», штриховка косит, не беда, эскиз — это набросок, главное — снять точные размеры. Вот тут вспоминай, как пользоваться штангенном, микрометром, индикаторной головкой и нутромером.

Ты и не заметишь, как привыкнешь, не отрывая карандаша от листа, без линейки проводить прямые, без циркуля — окружности, без транспортира — углы. Значит, пришла твердая рука и глаз-ватерпас.

Когда шеф передаст тебе узловой чертеж, который он составил, и попросит раздетализовать его, это будет означать, что испытательный срок ты выдержал. С чем тебя и поздравляем. Теперь тебе придется напрячь все свое пространственное воображение, чтобы, глядя на узловой чертеж, представить каждую деталь в объеме. Шеф посоветует нарисовать их для себя в аксонометрии и немножко посмеется над первыми неудачными попытками.

Потом ты усвоишь таблицу допусков и посадок, классы шероховатости и точности. И поймешь, что это не так трудно и вовсе не скучно, как казалось в школе. Потому что теперь все по-настоящему, а не для отметки.

Вдруг раздается звонок: из цеха просят конструктора такого-то подойти к рабочему, уточнить размеры детали. Не сразу поймешь ты, что зовут именно тебя. С бьющимся сердцем идешь в цех и, смущаясь, спрашиваешь, кто вызывал конструктора. Вообще, ты не конструктор, хочешь объяснить ты, а пока только чертежник-детализовщик. Но там некогда разбираться в таких тонкостях.

Подведут тебя к рабочему, и он даст тебе еще теплую деталь. Это и есть тот самый нестандартный винт, который ты чертил в самом начале. А на тумбочке у рабочего лежит твой чертеж, вернее, копия с твоей росписью. И чертеж уже измятый, со следами машинного масла.

Со смешанным чувством восторга и неверия будешь смотреть ты на этот немудрящий винт, родившийся из твоего простого чертежа. Навер-

но, подобное чувство испытывает человек, когда видит первое свое стихотворение в газете и свою фамилию под ним.

Останешься ли ты чертежником и станешь ли ты затем конструктором, покажет время. У тебя еще будет много чертежей, более сложных, и сотни деталей изготовят по ним. Но где бы ни стал потом трудиться, пусть даже и не в технике, тебе всегда пригодится умение чертить и рисовать детали в пространстве, делать эскизы и читать чертежи. И ты на всю жизнь запомнишь, как на твоей ладони лежал винт, который ты когда-то начертил. И был тот винт теплый, почти живой.

Небесные малыши

Напишите о самодельных самолетах и о людях, которые их смогли смастерить своими руками...

А. САФРОНОВ.

д. Мельниково Свердловской области

**Константин
ГОРБЕНКО**

«Самодельная авиация столь же стара, как авиация вообще. Изобретатели всегда что-то строили по своему собственному усмотрению и изобретательскому разуму. И летали на своих аппаратах. Одни летали, другие подпрыгивали, но постепенно дело совершенствовалось...»

В. С. ПЫШНОВ,
заслуженный деятель
науки и техники,
профессор, доктор
технических наук.

Нет, не каждый способен построить своими руками самолет. Не хватает терпения, целеустремленности... Мечта остается бескрылой. Зато человек, создавший летающую машину, обретает веру в себя. Это победитель. Наш рассказ о победителях...

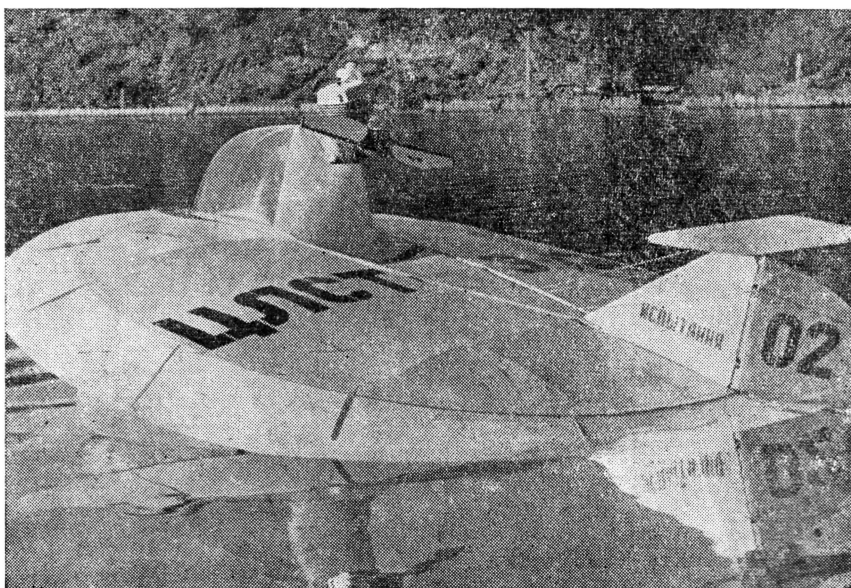
Весной 1964 года в небо впервые поднялся микросамолет «Малыш», созданный юными энтузиастами города Златоуста под руководством Л. А. Комарова. Даже двигатель ребята сделали сами. За четыре года «Малыш» совершил более 800 полетов. В хорошем летном состоянии микросамолет был передан в краеведческий музей. Это один из самых удачных самолетов любительской постройки, созданных в нашей стране.

Начало самодельному авиаконструированию положил в 1923 году летчик В. О. Писаренко, построив авиетку из подручных материалов и частей старых самолетов. И сам конструктор поднялся на авиетке в воздух. В «Истории конструкций самолетов в СССР» написано: «В январе 1924 г. самолет был перевезен в Москву и на нем были сделаны еще сотни полетов. Это был первый советский свободносущий низкоплан, удачно летавший, и достойно удивления то, что построил его летчик, не имевший специального технического образования».

В марте 1923 года было создано Российское общество друзей воздушного флота — ОДВФ. Оно ставило своей целью содействовать и самолетостроению. Был организован первый конкурс проектов маломощных самолетов и двигателей. Некоторые проекты были осуществлены. Построенные авиетки не только летали, но и обнаружили выдающиеся качества. В дальнейшем работу над легкими самолетами поощрял и направлял Авиахим, а затем Осоавиахим.

И появились учебные самолеты. Самолет-амфибия Ш-2 был построен В. Шавровым в домашних условиях на средства Осоавиахима. А затем Ш-2 выпускали серийно, он работал в летных школах и аэроклубах, применялся для почтовых и транспортных перевозок, ледовых разведок. Последние Ш-2 летали в шестидесятых годах.

После войны самодельное самолетостроение вновь ожило. Сотни крылатых самоделок построено за это время. Кроме «Малыша», с которого начат рассказ, в Златоусте под руководством В. Чижева построен микросамолет «ЧИЖ-1», а за ним «ЧИЖ-2». Последний — двухместный самолет. «Аист» В. Вьюгова, экспонировавшийся на ВДНХ в 1966 году, после замены

двигателя и некоторых переделок успешно летает и теперь. Совершенствуя свои конструкции, по несколько самолетов создают М. Артемов и В. Тимофеев из Днепропетровска, М. Колчин из поселка Парфино Новгородской области, С. Галкин из Кизела создает «Ветерок», а в 1972 году — и новый самолет «Шахтер Кизела» на плавках.

Прошел испытания самолет Тугова из Борисполя. Сделан во Фрунзе под руководством В. Дмитриева самолет Х-8 с убираемым в полете шасси, известен биплан «Рязанец-73» конструкции Н. Румянцева и многие другие. Их создатели — люди различных возрастов, профессий.

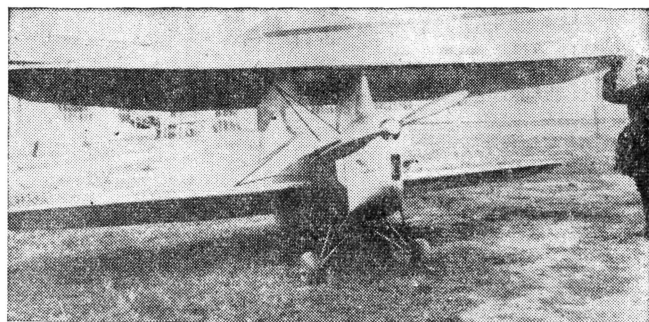
Возможность взлететь перестала быть главной целью конструкторов-любителей. Одно из направлений творческого поиска — разработка аппарата с круглым крылом. В 1950 году М. Суханов создает экспериментальный планер «Дископлан-1», а затем «Дископлан-2». Студенческое конструкторское бюро Московского авиатехникума им. Годовикова под руководством Ю. Макарова построило в 1967 году экранолет «ЭМА-1» с двигателем малой мощности. Появилось еще несколько конструкций с аналогичным крылом.

Теперь любителям посильна работа и над винтокрылыми аппаратами. Вертолеты, автожиры строят студенческие конструкторские бюро и одиночки. Интересен вертолет В. Гетманцева. А. Бабич из Полтавской области провел наземные испытания своего оригинального вертолета.

Один из удачных автожиров построили энтузиасты Волжского автомобильного завода, и всего-то за год. Это автожир «ВЕДА» (по первым буквам фамилий умельцев — Вахрушева, Еремеева, Давыдова и Антонова). В конструкции автожира «ВЕДА» использованы дюралюминий и титан. Двигатель мощностью 40 л. с. собственной конструкции.

А вот статистика любительского авиастроения в нашей стране. В 1945—1959 годы построено 12 любительских конструкций. В 1960—1969 годы — 46 самолетов и 28 винтокрылых машин. А в 1970—1977 годы построено уже 93 самолета и 39 автожиров и вертолетов. В эти данные не входят планеры, дельтапланы и махолеты, которых также построено значительное количество.

Собрать сведения о любительских конструкциях не просто. Помогла заметка в журнале. Откликнулись сотни любителей. Они пишут о мечте построить самолет, испытанных машинах. А кто-то этой заметки не читал, а кто-то не написал из скромности, полагая, что рассказывать следует о летающих самолетах. Но начало положено. Началась как бы цепная реакция. Личное знакомство и длительная переписка автора этой статьи с большинством конструкторов-любителей нашей страны позволили собрать богатый материал: схемы, описания, характеристики и фотографии небесных малышей...

ГДЕ РОЖДАЕТСЯ ЕНИСЕЙ

Феликс
ВИБЕ

Фото автора

Жена глухаря

Утром я проснулся от громкого заботливого хлопанья и цыплячьего писка. Быстро чиркнув молнией спального мешка, приник к выходу из палатки. Метрах в пяти от нас в кустиках жимолости паслось глухариное семейство. Два молоденьких пестро-коричневых глухаренка — величиной, впрочем, с домашнюю курицу — вытягивали шеи и туловища, как бы пытаясь подняться на цыпочки и разглядеть: что это там зашевелилось и зашуршало? Не представляет ли это опасности?

— Что? — спросил Вадим. Он тоже проснулся, но из спального мешка вылезать не хотел. Так уж было в нашем лагере — сначала вставал я, а потом уже Вадим с Женей.

— Глухариха с глухарятами, — сказал я. — Жена глухаря.

Видимо, наши голоса решили дело: опасность! Мать что-то крикнула, и глухарята — фрр-р-р, ффр-р-р, ффр-р-р... как вспышки, как взрывы воздуха, все оказались на крыле! — перелетели на другой берег Черектыра.

Черектыр. Хамсара. Бий-хем... Что это? В каких краях эти благословенные уголки, где в туристский лагерь может забрести глухариное стадо? Где нет-нет и освищет вас любопытный бурундук, а нервная белка вдруг

взлетит на ель рядом с палаткой и зацокает испуганно и недовольно? На свежие следы лосей, маралов и диких коз мы перестали обращать внимание. А вчера, углубившись с Женей в лес, удивились сухой лиственничной лесине — она стояла голая в куче сухой коры, будто разделась, сбросила одежды. Что это? И вдруг на высоте в полтора человеческих роста мы увидели глубокие борозды. Михаил Иванович, стало быть, поразмялся, поточил когти, отметился. Невольно оглянешься: не мелькнет ли в чаще он...

Честно говоря, в это утро я так быстро поднялся потому, что сквозь сон не очень-то разобрал: что это, кохтанье копалухи или уже началось? «Началось» в смысле вчерашнего рассказа Толи Козырева, нашего друга и здешнего охотника. Знаете, когда вам при костре, среди сгустившейся и обступившей со всех сторон холодной темени вдруг расскажут, как тогда-то, в таком-то вот месте (неподалеку, кстати, отсюда) егерь такой-то спал в палатке, и ОН (вы понимаете, кто имеется в виду?) скрутил человека и, извините меня, съел, то по понятным причинам не очень-то уютно спится в эту ночь...

Так где же это?

Бий-хем — это Большой Енисей. Так он называется в Тувинской автономной республике, в Саянах, где он рождается и, сливаясь с Ка-хемом (Малым Енисеем), образует просто Енисей — великую русскую реку. А Хамсара — приток Енисея. Черектыр же — приток Хамсары.

Как добраться туда? Не просто. Сначала поезд Москва — Абакан. (Я присоединился к моим друзьям на Свердловске). Потом автобус Абакан — Кызыл.

Десять часов езды в автобусе через Саяны — это целая поэма. Мы сели в «Икарус» к концу дня. Проехали Минусинск. Совсем неподалеку, в 7—8 километрах от тракта, осталось Шушенское с Ленинским мемориалом.

На рассвете, преодолевая буросерую безлесную пустыню, разрезанную надвое черным асфальтом дороги, наш автобус подошел к Кызылу. Мост через Енисей — и улицы города, обсаженные тополями.

В Кызыле странный памятник — Центр Азии. Большой шар, покрытый бронзовой краской, и вонзенный в него бронзовый обелиск. Кто подсчитал? Исходя из какого принципа? Не говорит ли исключительно удобное расположение Центра Азии именно в столице Тувы, на енисейской набережной о том, что желание иметь свой собственный памятник явно переклестнуло всякие скучные цифровые подробности?..

Енисей — крупная уже здесь река — течет через Кызыл сплошным стремительным перекастом. Как же попасть в верховья? Оказалось, есть

такой корабль. Называется «Заря». Внешне не очень приметный, белый с голубым и красным. Но внутри — отличный салон с зеркалами, самолетные кресла. Однако главное в «Заре» — ее мощные двигатели. Без видимых усилий помчался чудо-корабль против течения...

В одном месте, где-то посредине пути, «Заря» причалила к каменной круче, и стюардесса — девушка в форме, которая усаживала нас в салоне, делала объявления и всячески окружала комфортом, — объявила:

— Все выходят. Порог.

Мы спустились с корабля и пошли по тропинке вдоль скалистого берега. А «Заря», освободившись от пассажиров, покаркалась вверх по крутому перекасту, мимо огромной скалы, попытавшейся преградить путь Енисею. Порог остался позади.

В Тоора-Хеме мы только переночевали. А наутро улетели на Ан-2 еще дальше в глубь Саян — на Хамсару. Хамсара — это река и одновременно поселок охотников-промысловиков и оленеводов из сорока-пятидесяти домов. На картах он обозначен как Чазылар, самое верхнее селение на Хамсаре. Когда нас отвезли на моторных лодках километров за двадцать вверх по течению на красивый мыс с елками у впадения в Хамсару речушки Черектыр, мы оказались на реке выше всех. Если не считать немногих туристов высокого класса, проникших в Туву через водораздел со стороны Иркутской области. На этом вот мысу мы и поставили палатки нашего лагеря, куда однажды утром привела свой выводок пестрая «жена глухаря»...

Это на Северном Урале был такой случай. Радист изыскательской партии передал на базу: «Мясо есть: убили птицу». С базы запросили: «Какую птицу?» Радист был молодой, в таежных делах мало сведущий, слово «копалуха» забыл. Ответил: «Название не помню. Словом, жену глухаря».

Целебный укус

Итак, мы там, куда стремились. Наш лагерь — две палатки. В одной — мы с Вадимом, в другой — Женя с продуктами.

Из Жениной палатки раздается шалашинский бас:

— Дор-рогие товар-рыщи! Мы рады пры-цветствовать вас и в вашем лице...

Это Женя изображает некоего штатного оратора, каждое утро произносящего новую содержательную речь. Писатель-юморист Евгений Шатко в лесу натаскивает себя на бюрократа — исполstat ему!

Композитор и дирижер Вадим

Ломов, наоборот, отрехшись от вековой музыкальной культуры, превратился в заправского бородатого таежника. Поэтому утром у него забота — сделать мне, интеллигенту, ряд замечаний: и костер-то я неправильно разжег, и продукты на ночь не туда положил, и харнусов зря наловил...

Раздается страшный вопль. Это кричит Женя. Он взял себе за правило перед завтраком купаться в Хамсаре. Температура воды градусов семь-восемь, так что удовольствия, видимо, должно выражаться именно таким образом.

Наконец, завтрак. Он у нас не обходится без гурманства. Вадим даже маслины купил в Москве. Я из Свердловска привез помидоры. Очень вкусно это: в далекой тайге — салат из помидоров с луком и подсолнечным маслом! Остальное все попроще: каши различные, консервы, картошка. Ну и рыба, конечно, соленая и жареная, вяленая и копченая, не говоря уже про уху...

Впрочем, я упускаю важный момент. Вся наша жизнь: и разжигание костра, и рыбалка, и любованье пейзажем, и сам завтрак гурманов — все сопровождается комариным звоном. Да что там звоном! Укусами! Нет-нет, да бьешь себя по лбу, по затылку, по рукам. Говорят, в Саянах нет комаров, или мало. Возможно, это общее правило и справедливо, но долина Хамсары — исключение. Здесь комарья хватает. Имея возможность сравнить, скажу, что это хотя и не якутская тундра, но и далеко не лес центральной части страны. Что-то среднее.

Чем нам досаждают комар и вообще кусучее двукрылое (к примеру, мошка — крохотное, но больно кусающее насекомое)? Нервным ли напиранием? Шутка ли сказать: из тебя пьют кровь! Или действительно больно?

Дэта — отличная вещь! Спасибо создателям, с ней — жить можно. Кроме того, мы применяем по крайней мере еще две хитрости. Первая: непроницаемая палатка. Залезешь в нее, выгоняешь двукрылых и вход тщательно закроешь. Это очень важно знать, что ты не беззащитен и всегда ночью сможешь отдохнуть от комариного бесчинства, а когда пожелаешь, то и днем.

И вторая хитрость — учет микроклимата. Ведь среди тальниковых или любых других кустов «коэффициент комариной кусучести» в десятки раз выше, чем на открытом месте. Вот и рассчитывай, чтобы и ветер тебя не переохладил, и комаров отдувало. В этом смысле мы предпочитаем открытые места, но с деревьями, чтобы палатку не слыхком жгло солнцем, и днем при желании там можно было отоспаться не в страшной духоте.

Впрочем, не достаточно ли о ком-

форте? Может быть, определенная доза страданий входит в наше понятие настоящего отдыха? Клин вышибается клином, и когда тебя на смерть загрызает на хамсаринском берегу комар, ты очень сильно отвлекаешься от конфликта, скажем, с каким-нибудь свердловским редактором. А ведь вырвать себя из конфликтной ситуации, подлечить пошаливающие нервы — и есть наша главная отпускная задача. Так что комариный укус не менее целебен, чем пчелиный. Как это в медицине горючат — психотерапия? Двукрылая кусучая психотерапия...

Шесть водопадов

Но вот мы достаточно искусными комарами, вволю наелись ухи и натешились ежедневным лагерным натуральным хозяйством. Нервы в порядке. Речь может уже идти не только о восстановлении сил хилых интеллигентских организмов, но и об общественной заботе. А какая общественная забота, какая проблема вытекает в здешних местах?

В Кызыле было у нас несколько встреч. Одна из них — с заместителем председателя Совета Министров Тувинской республики Михаилом Евграфовичем Абрамовым. Этот плотный, чуть начинающий седеть человек завоевывает симпатию с первых минут знакомства. Так уж получается у них, у людей, всецело озабоченных интересами дела. В данном случае дело это — жизнь целой автономной республики, большое и очень разнообразное хозяйство Тувы.

Мы пишем не экономический очерк, и не об этом речь. Но можно себе представить, как причудливо перекрещиваются в кабинете Михаила Евграфовича проблемы добычи угля и асбеста, овцеводства и оленеводства, даже верблюдоводства или сарлыкводства — выращивания этих удивительных быков с лошадиными хвостами и гривами...

А тут и мы с нашей заботой: какова перспектива верховьев Енисея? Как будут сохраняться эти уникальные места?

Хотя мы и разговаривали тогда чисто теоретически, не видя еще ничего, но так хотелось услышать ответ, вместившийся, скажем, в одно точное слово: заповедник. Однако Михаил Евграфович не ответил однозначно. Вопрос сложен. Мы это хорошо поняли именно здесь, на берегах Хамсары...

К нашему лагерю подплывает Анатолий Козырев, охотник-промысловик. Ему поручено шефствовать над нами.

— Поехали на Хамсаринский водопад, — предлагает он. — Мне в тех местах шишки надо посмотреть.

Анатолий Козырев — среднего роста крепыш, настоящий таежный человек. Так у него все ловко, ладно получается в лесу... Мы с ним первым познакомились в Чазыларе-Хамсаре. В Тоора-Хеме при посадке в самолет нам вручили банку с порошком для передачи ему. И едва мы выгрузились на местном аэродромчике, как я спросил у окруживших Ан-2 людей:

— Козырев есть?

— Есть! — откликнулся Толя.

— Вам тут посылка...

А потом вот стал Козырев для нас почти на целый месяц проводником и таежным товарищем, незаменимым и скромным Толей. И только в самом конце путешествия узнали мы из беседы с управляющим отделением Белек-оолом Улаачы, что Анатолий Геннадьевич Козырев — передовой охотник зверопромхоза.

Про то, как соболоют — добывают драгоценную шкуру соболя, Толя рассказал нам без эмоций, но как-то очень образно.

Представьте себе, как где-то в конце декабря грузит охотник на нарты все, что необходимо ему для месячной жизни в тайге. Мороз — до 50 градусов. Вперед путь в несколько десятков километров.

Соболь необычайно хитер. Поставить капкан — целое искусство. Прежде всего капканы, приобретенные в магазине, надо как следует подготовить: тщательно очистить от смазки и проварить в настое листовничных веток. После этого лучше всего увезти их и бросить в лесу еще летом, чтобы к зиме полностью выветрился металлический и человеческий дух. Брать капкан рукой нельзя — есть для этого специальные рукавицы, тоже проваренные с листовничной смолы. Затем сама установка его, требующая большого искусства и терпения. Лучше всего, не тревожа насту, подкочать под соболиную тропу, под звериный след...

Рабочий день охотника-промысловика не имеет ни начала, ни конца — одно только продолжение. По сути дела, это рабочий месяц. За светлое время надо успеть пробежать на лыжах 20—30 километров — круг, по которому расставлены капканы. Это далеко не та, знакомая нам цивилизованная лыжня, зачастую приходится идти по целлюлозному снегу. Но вот ты вернулся домой, растопил печку-буржуйку, сварил обед, прилег отдохнуть, а через пару часов надо снова вставать: оттаял вытасенный из капкана соболь, пора обдирать шкуру. Еще сон два-три часа и опять подъем — дров ли порубить, снег расчистить, починить снасть и одежду, поесть, подготовиться к новому обходу... Такая вот мельница!

В Чазыларе нас познакомили с тувинской охотницей Даш-Шуру Те-Дембrelь. Сорокапятилетняя женщи-

на со спокойным и выразительным лицом соболоует наравне со своим мужем и лучшими промысловиками-мужчинами Хамсаринского отделения коопзверопромхоза. Грандиозное посрамление нашей городской изнеженности!

Впрочем, соболиная охота нас сильно отвлекла. А перед нами совсем другая задача — добраться до Хамсаринского водопада.

Опять очарование и волшебство сурово-живописных берегов. Верховья реки почти всегда самые красивые места. За каждым поворотом — волнующие открытия.

Шаманья шапка! Толя до этого говорил нам: «За Шаманьей шапкой» или «будет Шаманья шапка»... И вот перед нами крутая гора, украшенная поверху орлиными перьями стремительных елей. Точь-в-точь ритуальный головной убор шамана или индейца.

Удивительна меткость здешних названий. Свое имя у каждого порога. Вот Круглый. Он действительно круглый, как блинчик. Вот Куцый. Он короток и состоит из одного камня-препятствия, проплыл — и радуйся. А Рябой — полтора километра сплошных бурунов у камней. Неоднократно встречается название «шеки». Но это уже не имя собственное: шеки — это когда сплошные отвесные скалы сжимают с обеих сторон реку.

И везде — дикая нетронутая природа, лесные дебри, буреломы, навалы замшелых камней. В иных местах сурово и жутко...

Водопад мы увидели не сразу. Задолго до него Толя высадил нас с Вадимом — облегчить лодку. Мы шли берегом по слабо заметной тропинке, которая нет-нет и терялась в каменных осыпях. Утомительно долго скакали с камня на камень. Потом услышали шум.

Лодка наша стояла под водопадом. Здесь было такое своеобразное сооружение — брусья с катками, по которым можно было затащить лодку на берег-гору, чтобы выйти к реке выше водопада. Так что сразу мы и занялись этим, требовавшим всех наших сил и внимания, делом, а потом уже специально вышли на скалистый обрыв.

Водопад грохотал. Как при землетрясении подрагивала земля под ногами. Вода, взбитая в сплошную пену, низвергалась вниз в два яруса. Торчали омытые водой зубья скал... Глаз силится, но почему-то не мог охватить всей картины сразу, приковываясь к деталям, а душа, наоборот, будто уже заранее вместила в себя все-все. Почему величественное это зрелище так властвует над нами и замороженные им мы готовы часами смотреть, не отрывая глаз? Почему именно в водопаде Природа достигает своего самовыражения с мистической силой?

Вопросы-чувства эти теснятся в груди, но не ждут никакого ответа, только теплая благодарность жизни, подарившей тебе ЭТО, охватывает все твое существо.

И еще одно чувство неизменно вызывало все это бушующее великолепие: желание поделиться радостью созерцания его с другими людьми, со многими, со всеми. Пусть путешественники приходят сюда, приплывают, приезжают и прилетают, пусть смотрят прекрасные водопады Хамсары и ее притоков — зрелище это растит и возвышает душу.

Но тогда, значит, не заповедник? Ведь ему противопоказано туристское многолюдье...

Про рыбу-хариуса

Незнание городским человеком элементарнейших способов рыбалки простирается бесконечно далеко. Упаси бог, я не имею в виду обидеть огромную армию городских рыболовов. Они, несомненно, знают все и даже немного больше. Но рядом с виртуозами рыбной ловли живет и удручающее невежество.

Вспоминаю случай, когда вполне взрослый человек, мой приятель и безукоризненный на работе кадр, выехавший со мной на рыбалку, вдруг сказал, увидя, как я налаживаю спиннинг на щуку:

— Это что? Рыба будет есть железу? Никогда не поверю!

А вот еще два случая.

Неподалеку от нас на реке Уфе, по-летнему кишевшей рыбой, остановился на ночевку плот с двумя туристами из Ленинграда. Я как раз чистил рыбу. Уловив на себе взгляды, спросил:

— Уху едите?

— Только из консервов.

— Почему?

— Где ловить, не знаем. И на что...

В другой раз группа туристов, многие километры идя по Понь-Ю до Шугора (приток Печоры) и дальше, с трудом вылавливала случайного хариуса. Нам, за день до этого появившимся в этих краях, пришлось угощать свежей рыбой наших незадачливых соседей. Не грустно ли?

Ей-ей, рыбалка — большая радость человеческой жизни. Один из немногих оставшихся нам более или менее безобидных способов (сразу же после «смирненной охоты» — сбора

грибов) почувствовать себя добытчиком на лоне природы, как-то проявить себя в борьбе за существование. Хотя бы поиграть в эту борьбу, пощекотать дремлющий инстинкт...

Впрочем, может быть, и не в этом дело. Рыбалка позволяет нам общаться с природой активно, жить с ней и в ней, любоваться ею, занимаясь делом, а не просто выступая праздным наблюдателем и любователем. Искусственно это как-то — встать пораньше по будильнику, чтобы увидеть восход. Подняться же чуть свет на рыбацкую зорьку — очень хорошо, и восход солнца, утренняя свежесть и другие чудеса природы будут тебе обязательной и заслуженной наградой.

Кроме того, сам процесс ловли рыбы очень увлекателен и интересен. Умение доставляет здесь большую радость. Поклевка, подсечка и вываживание рыбы — мгновения неподдельного счастья! Нет, не даром существует присловье: «Бог не засчитывает в счет жизни часы, проведенные на рыбалке». Дарит их, стало быть, нам, не вмешиваясь со своими бесконечными тяготами в нашу недолгую забаву и радость.

Представьте себе: вы вооружены хорошей длинной удочкой. Длина

«Зая» карабкается вверх.

Привал на диком берегу.

удочки очень важна, особенно при ловле хариуса. Рыба пуглива, она прекрасно видит и рыбака, и его снасть, и, чувствуя что-то неладное, старается держаться подальше, если вообще не ускользнуть. А длинная удочка позволит забросить соответственно длинную леску туда, где рыба еще не успела ничего заметить и испугаться.

На конце лески — крючок безо всякой наживки.

— У нас на червяка никто не ловит, — не без аристократизма заявил нам один хамсаринский рыбак.

Но это и не голая «железка», как на щуку. Крючок оформлен, переделан в «мушку». Любой хариусник может за считанные минуты соорудить такую мушку из петушиного

пера и ниток. Перо иногда заменяют медвежьей шерстью или каким-то другим (даже искусственным!) мехом. Цвет ниток — важен. Удачно подобранный цвет несомненно способствует улову. На Хамсаре лучше всего шли коричневые нитки. Такова брюшко наиболее распространенных здесь и любимых хариусом живых мушек. А намотанные на цевье крючка нитки образуют именно брюшко насекомого.

Мушка сделана. Вы забрасываете ее на перекат и пробуете — ведете вверх по течению и волнам переката. Мушка прыгает с волны на волну, как живое насекомое, упавшее в воду. Не отличишь.

И вдруг — на конце лески тяжесть. Хариус обманулся и взял.

Удочка гнется в дугу, а вы уже видите рыбу, ее большой, веером, спиной плавник. Спротивляясь, рыба даже выпрыгивает из воды, но удочка и леска пружинят и не отпускают ее. И вот хариус бьется на гальке берега. Победа!

Конечно, все это — упрощенное описание. Скоро сказка сказывается... В технологию ловли входит еще целая теория о выборе места ловли. В идеале это — конец переката с какой-нибудь глубинкой, где рыба может и отдохнуть от быстрого течения, и подкараулить сплывающую добычу. Но в зависимости от времени года хариус держится и в начале переката, и на самом перекате. Прибавим сюда еще разный характер рек, неповторимое своеобразие каждого места, разное время дня, разную погоду, умение и интуицию, наконец, просто удачу. Так что радостный крик этот: «Победа!» достается нам не так-то просто и потому драгоценен вдвойне и втройне.

В литературе о хариусе есть одно противоречие. Статьи о том, как его ловить, пестрят советами подкрадываться к хариусному месту чуть ли не по-пластунски, ползком, подкидывать мушку только из-за куста, чтобы не обнаружить себя и не спугнуть поклевку. То есть речь идет о сверхосторожной рыбе, и это верно. Но читаем у Брема: «...часами выстаивает на одном и том же месте, головою против течения, причем часто позволяет себя даже вытаскивать из воды руками...» Руками! Парадоксально, но в интересах истины надо признать, что и это описание не лишено оснований. Есть у хариуса какие-то часы (или дни?), когда он, словно впада в задумчивость, долго стоит на месте, естественно головой против течения, забыв обо всякой осторожности. Так в свое время на Печоре возле нашего лагеря под нависшей березой два дня часами стоял днем небольшой хариус. Мы подходили к нему вплотную, рассматривали и фотографировали — он пренебрегал опасностью. Если его отгоняли, он через некоторое время возвращался.

Ну, пора уже, наверное, завершить эту трогательную поэму о ловле хариуса. Скажу только в заключение, что рыба эта очень вкусная. И в ухе она прекрасна, и в слабосоленом виде (готовность уже через сутки), и уж, конечно, во всяком копченом.

Хочется, чтобы как можно больше людей испытало это острое счастье удачной рыбалки. Такая река, как Хамсара, — просто драгоценная находка для спортивной рыбалки.

Значит, опять не заповедник?

Есть проблемы, решить которые должно лишь время. Скажем, правильно ли будет сказать сегодня: да, заповедник? Вряд ли.

Итак, проблемы

Смотрите: одно только Хамсаринское отделение Тоджинского коопзверопромхоза сдает в год шкурку белки и соболя на 50—60 тысяч рублей, собирает в большом количестве кедровые орехи, смолу лиственниц, ягоды, ловит рыбу. То есть приносит государству доход. Хочется думать, что его деятельность не наносит непоправимый ущерб лесу и рекам, а скорее есть естественная дань природы промышленным здесь людям. Орехи ведь все равно пропадут, если их не собрать (Тува, кстати,— это 11 процентов всех кедровых лесов РСФСР), соболь, не в меру расплодившись, бесполезно вымрет в неудачный год, а лось может причинить вред лесу. То есть сегодня ничего опасного в здешних местах не происходит. Природа сосуществует в естественном своем состоянии с бо-

Кипит и пенится Хамсара.

лее или менее разумно промышленным человеком.

А заповедник? Это ведь только расходы государства на охрану флоры и фауны. Целесообразны ли будут они? Ведь, чтобы охранять громадные здешние территории, потребуются егеря не меньше, чем сейчас охотников-промысловиков. От кого охранять? И не будут ли эти егеря такими же охотниками, но уже не для государства, а для себя?

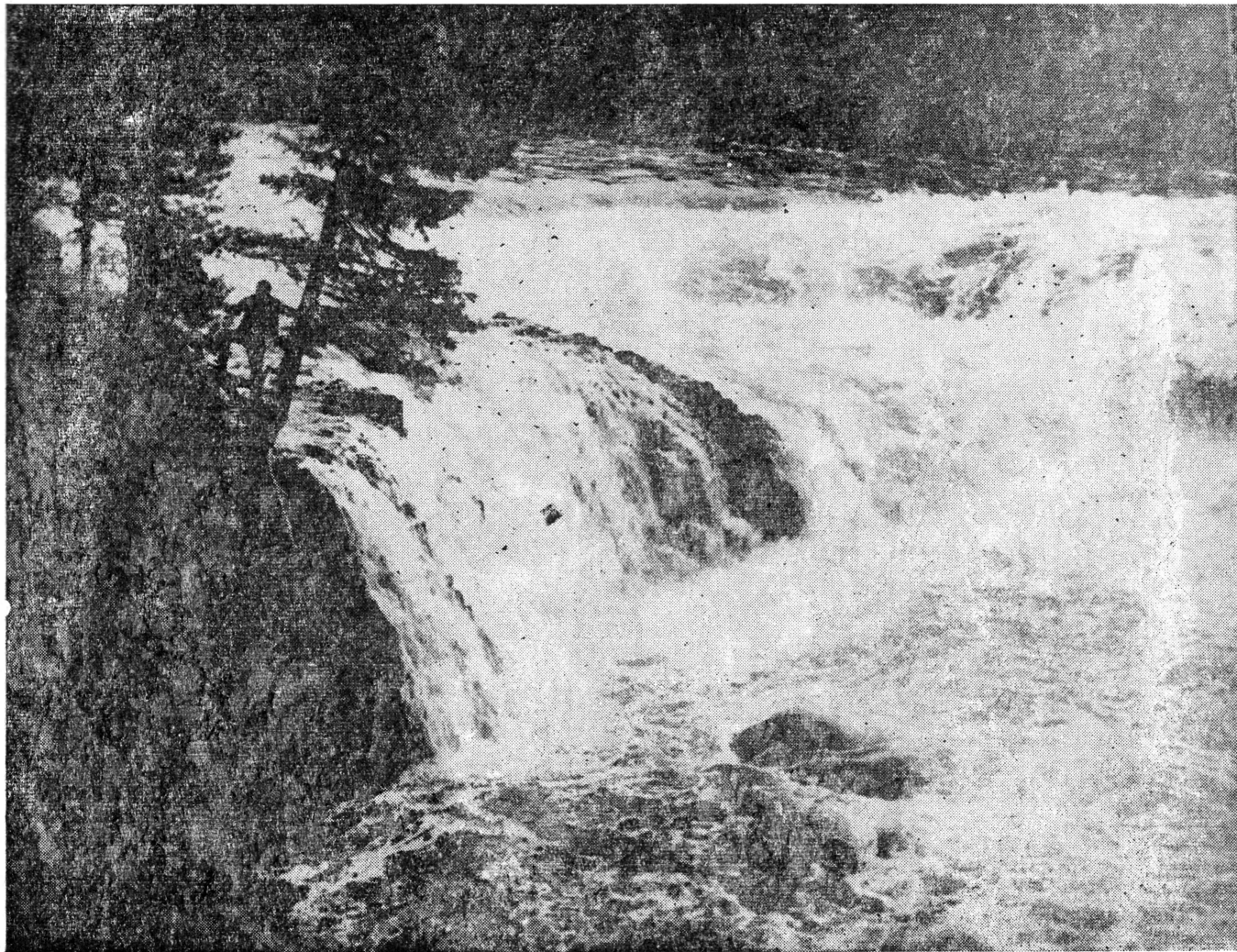
Кроме того, сама перестройка несомненно чревата всякими нежелательными событиями и сдвигами, которые могут навредить окружающему миру сильнее, чем годы постепенно совершающегося процесса привычной жизни. Ей-ей, страшно все это трогать, нарушать от века существующее положение. Так было, пусть так и будет пока, и изменения, которые неизбежно коснутся здешних мест, пусть будут постепенны и осторожны.

Заботясь о сохранении уникаль-

ного природного комплекса, Совет Министров Тувинской АССР ограничил промысловую добычу ценных видов рыб в реках Малый и Большой Енисей, включая их притоки и озера, с ними связанные. Кроме того, закрыт доступ туристов в некоторые районы, в том числе и на Хамсару. В отношении рыбы дело обстоит абсолютно правильно. С туристами же обошлись, возможно, слишком сурово.

Туристы вряд ли причиняли вред верховьям Енисея. Пути их по здешним местам определены реками, и продвижение слишком стремительно, чтобы найти не только дни—часы для запрещенной охоты или рыбалки.

Формула запрещения, обычно применяемая в разных местах в подобных случаях, чаще всего продиктована невозможностью предложить что-то лучшее и не всегда дает искомый результат. Например, формальное прекращение доступа в зна-

менитую Капову пещеру в Башкирии привело лишь к тому, что сотни туристов лишились проводников и несколько сезонов бродили (а, может быть, бродят и до сих пор?) под землей, рассчитывая только на себя. Рисунки времен палеолита и прочие сталактиты и сталагмиты пещеры оказались в гораздо большей опасности, чем до принятия охранных мер.

Еще в нашем хамсаринском лагере, непосредственно в условиях высокой комариной кусучести и угрозы медвежьего вторжения, при обсуждении всех этих противоречий, Владимир, исключительно «таежный» человек, сказал:

— Национальный парк!

Тогда мы, честно говоря, не очень отреагировали на эту его глупую мысль. Я все подчеркивал нравственную сторону вопроса: организация и законоположения—одно дело, а самое главное—в самом человеке.

На протяжении одного поколения сломилось наше представление об окружающем мире. Закончилась круговая оборона от злых сил природы, началось время бережно-сыновнего к ней отношения. Так я считал и чувствовал тогда, да и сейчас так считаю. Но сегодня я также думаю, что и законодательная регламентация поведения на лоне природы нам не помешает. Одного прекрасного душа мало.

Словом, прошло время и, как это часто бывает, та фраза Вадима стала приобретать все большую и большую значимость. Именно: а почему не национальный парк? Ведь статус национального парка как раз, видимо, и дает возможность объединить необъединимое: и радость приобщения людей к природе, рыбалке и, возможно, даже охоте и в то же время полную гарантию сохранения в неприкосновенности природного чуда. То есть безусловная охрана, охрана прежде всего, но с разумным допуском туристов и отдыхающих, со строгим регламентом их маршрутов и поведения. Нетронутое богатство чистого воздуха, прозрачной воды, первозданной тишины, уникальных водопадов и ландшафтов должно быть сохранено навсегда.

...Самолет Ан-2 поднимает нас в воздух. До свидания, Хамсара! Сверху видятся игрушечными и легкодоступными горы, озера—вся тайга.

Озера и реки, холмы под нами, горы и облака вдаль, на горизонте,—прекрасный пейзаж. В сердце прощальная грусть и—радость, что есть в нашей большой стране такой удивительный, суровый и прекрасный уголок—верховья Енисея.

Страница ленинской «Искры»

В деревне близ Уфы обнаружен подлинник первого номера ленинской газеты «Искра».

Работница Уфимского речного порта Мадина Мингазова приехала в гости к родственникам в деревню Староисаево Нуримановского района. Разбирая домашний архив свекра Г. А. Мингазова, она обнаружила в одной из старинных книг пожелтевший от времени, потертый на сгибах листок. Это была, как оказалось, первая страница газеты «Искра» за 1900 год со статьей В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения».

Находка была передана в Башкирский республиканский краеведческий музей. Полуистертый типографский оттиск нуждался в реставрации, необходимо было также установить его подлинность. Сотрудники музея обратились в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Там специалисты, реставрировав газетный лист, подтвердили: найденный экземпляр «Искры» от декабря 1900 года—один из подлинников марксистской газеты, издававшейся за

границей под руководством В. И. Ленина.

Как рассказывает 70-летний Г. А. Мингазов, в конце 1917 года в Староисаево приезжал известный революционер, большевик Багау Нуриманов, приходившийся родственником главе семьи. Он передал газету отцу Г. А. Мингазова и наказал хранить ее.

В октябре 1918 года Багау Нуриманов был расстрелян белогвардейцами. (Район, где родился этот пламенный большевик, впоследствии был назван его именем.) А газета, полученная из рук Багау Нуриманова, так и хранилась в доме Мингазовых шестьдесят лет...

— Весьма любопытен тот факт, что на обнаруженном листе напечатана только одна страница газеты «Искра»,—высказывает свое мнение по поводу уникальной находки краевед, автор книги «Н. К. Крупская в уфимской ссылке» Г. Ф. Павлюченков.—Распространение оттиска одной лишь газетной страницы может быть объяснено следующим образом. «Искра» печаталась не только за границей, но и в подпольных типографиях в России. В частности, типография в Баку получила из редакции «Искры» матрицы, с которых печатался тираж.

Поскольку напечатана только первая страница первого номера «Искры», убедительным кажется такое предположение. Огромную ценность представляла передовая статья В. И. Ленина «Насущные задачи нашего движения». Это была программная статья, и надо было познакомить с нею как можно большее число людей. Возможно, в таком виде газету легче было пересылать на места...

Виталий
ЧЕМЛЯКОВ

ПОКЛОН ПРИРОДЕ

*Не останавливай мгновение,
если не можешь
сделать его вечным.*

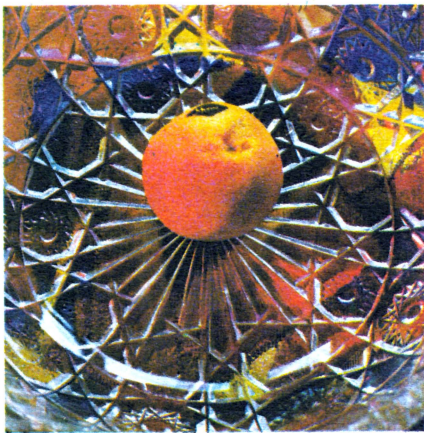
(Шутят фотографы)

Владимир Холостых — кандидат технических наук, преподаватель Уральского политехнического института. И он — фотохудожник, участник многих выставок в нашей стране и за рубежом, его слайды публикуют солидные фотографические журналы.

Не раз мы с Владимиром не по канонам искусствоведения, а так, по-домашнему, безоглядно и вольно говорили о художественной фотографии, о красоте природы — об очевидной прелести березовой рощи и неочевидной привлекательности какого-нибудь крохотного жучка...

Шли, бывало, к сути разговора издали. Вот куда как остра теперь проблема охраны природы. Всюду говорят о рациональном использовании природных ресурсов. А недавно один ученый на международном симпозиуме сказал нечто непривычное: надо, мол, добрые

люди, защищать также непреклонно и духовные ресурсы природы. Ведь ломая из-за железной руды гору, мы разрушаем, лишь смутно догадываясь об этом, и вдохновляющий пейзаж с замечательной горой. Черпая из океана рыбу и другую трепетную живность, мы не успеваем хорошенько подумать, что одновременно вычерпываем и красоту океана. Не к тому сказано все это, что пора красоту природы поставить выше пользы от нее. Человек не может не пить земные соки. Да и есть ли она вообще абсолютно безопасная эксплуатация природы? Есть. Эстетическая! Даже самое злое око не может загрязнить пейзаж, как жадно ни вперяйся оно в чарующие дали. Красота лесов и степей неисчерпаема, сколько на нее ни гляди, ее от этого не убудет. Все это слишком очевидно. Как хочется, чтобы как можно больше людей вот

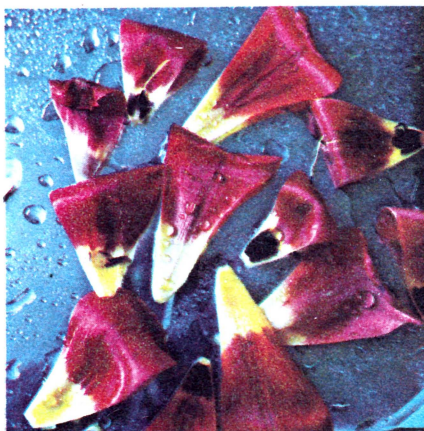
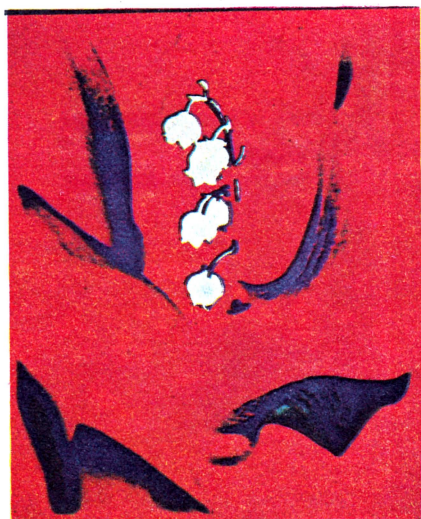
так эксплуатировали природу — с мольбертом, с фотоаппаратом, с магнитофоном для записи птичьих песен. Умей мы все так же трепетно и зорко видеть красоту земную, как ее видят художники, наверняка бережнее бы использовалась она — угленосная, рудоносная, нефтеносная наша Земля.

И тут мы с Владимиром начинали горячо открывать неиспользованные, на наш взгляд, ресурсы земной красоты, изначальной художественности пейзажей и травинки. Вспоминался знаменитый альбом рисунков растений и мельчайших животных немецкого естествоиспытателя прошлого века Эрнста Геккеля и его восхищенные слова: «Природа вскармливает на своем лоне неисчерпаемое количество удивительных созданий, которые по красоте и разнообразию далеко превосходят все созданные искус-

ством человека формы!» Но ведь мы-то теперь часто не успеваем толком оглядеть даже города в молниеносных авиапутешествиях, где уж нам наклониться над землей, над медлительной гусеницей и стихнуть в изумлении: как декоративна ее извивающаяся спинка! Мы еще любимся в стремительном турпоходе солнечной равниной, но всех ли волнует золотая равнина осеннего листа? Мы пленяемся еще восходящим светилом, но подолгу ли мы смотрим на пленительный шар апельсина, прежде чем снять с него кожуру?

И далее мы с Владимиром фантазировали! Мир един. Неделима и красота его. Она и в малом, и в большом. Проникновение науки в микромир началось более двух веков назад с изобретением микроскопа. Быть может, искусство тоже проникнет вслед за наукой и в эту

непривычную сферу прекрасного. В мир кристаллов, махоньких существ, в мир исчезающих малых частиц красоты. Появится карманный микроскоп, и тогда и неисследователи станут наблюдать невидимую красоту. А что — четкие конструкции таких мельчайших соседей человека по планете, как радиолярии, уже давно увлекают художников. В мировом искусстве возникло направление — структурализм. Оно исследует, как прекрасно устроено все земное. Огромная земля красива благодаря красивым частичкам, из коих она сотворена... Но тут мы возвращались из нафантазированного микромира, жалея, что не можем слетать в него, сказочно уменьшившись, на пылинке-самолете, и все там увидеть своими глазами, и сфотографировать самое поразительное — ну, например, предсказанные физиками электронные облака...

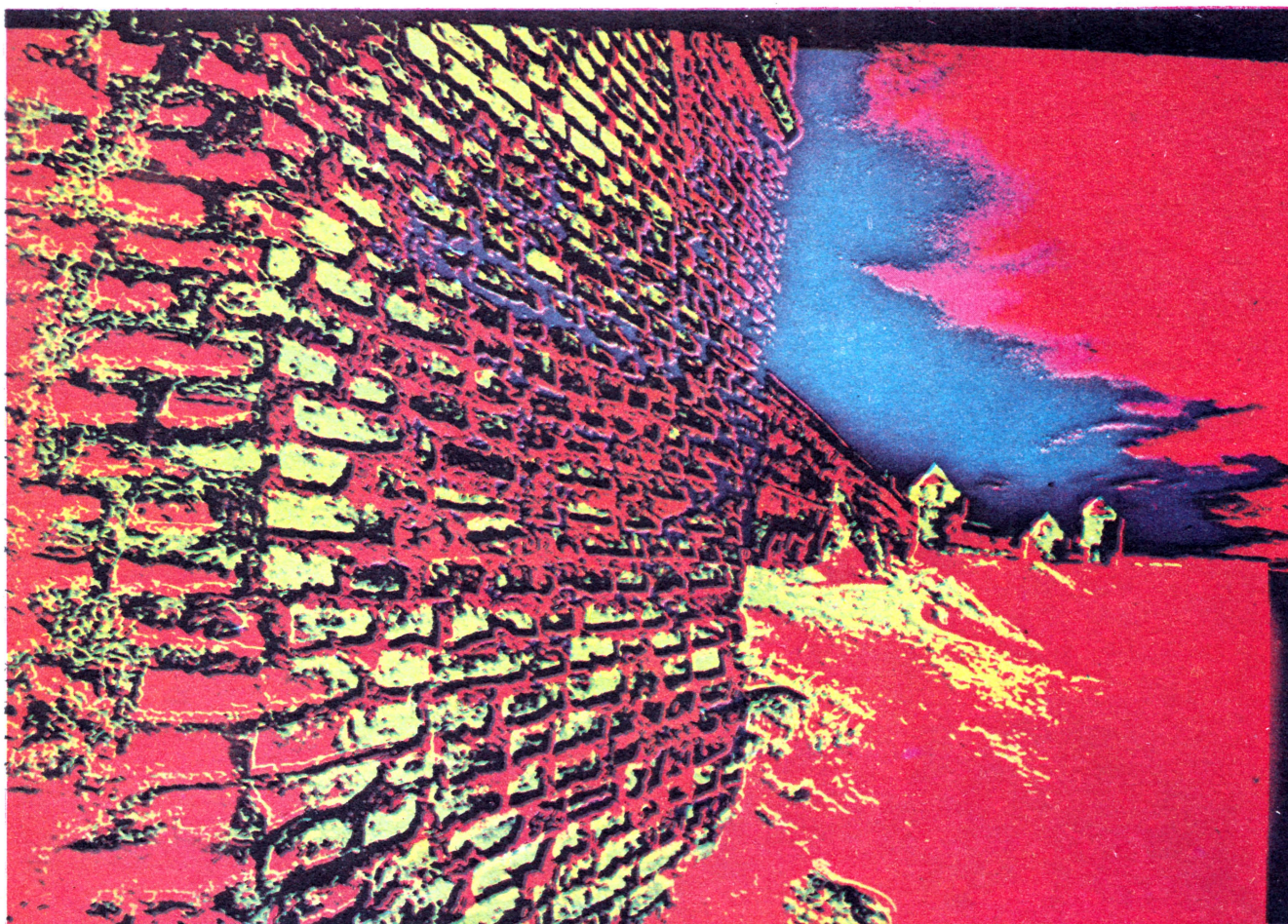
Я спрашивал Владимира: почему он с таким увлечением фотографирует то, что многие не замечают? Меня покорила серия его слайдов с необыкновенными, расколотыми, как стекло, каплями воды. Фотографы дружно снимают мир, отраженный в капле воды. В полновесной дождевой капле отражается дом, или автомобиль, или человек. Есть такой фотографический прием. А Владимир показал не мир в капле, а каплю в мире. На его слайдах таинственно самостоятельные капли летят в темном, загадочном, словно космос, пространстве. Эту многозначную работу мастера взял на вечное хранение один всемирно известный художественный музей. «Так почему вас, Владимир, простите за невольную шутку, все же «понесла», так увлекла вода?» — спросил я. — Тема моей кандидатской диссертации была «водяной». Называ-

лась так: «Гидродинамика и теплоотдача при течении тонкого слоя жидкости по вертикальной стенке». У химической промышленности — непреходящая нужда в аппаратах, умеющих быстро охлаждать жидкости. А когда вода остынет скорее? Когда станет течь тончайшей пленкой. А где тонко... В общем, надежных формул для расчета теплоотдачи при течении жидкости пленкой не было. Существующие методы наблюдения за бегущей водой не удовлетворяли. Однажды я стал мыть в ванне стекло, пустив на него из крана струю воды. На стене затрепетала тень. И я понял, что происходит. То был кинотеатр, в котором для меня демонстрировался фильм о воде! Ведь пляшущие тени — это были тени воды, бегущей по стеклу. Так в моей научной работе появился свой метод теневой визуализации. Проще говоря, я стал

фотографировать тени воды, а для этого придумал специальную киноустановку. Впрочем, меня, действительно, слишком увлекла вода...

...У Владимира Холостых как у фотохудожника окреп очень внимательный взгляд на окружающее, он видит мир в превосходных подробностях. Его слайды, публикуемые на вклейке журнала, говорят о зоркости и доброте фотографического ока, они рассказывают, как бесстрашно цветет лесная земля, как мудра стена древней крепости, как близок гигантскому солнцу слабый кленовый листик и как роскошны лепестки. Кажется, Владимир Холостых взял в руки шар Земли, и, неторопливо поворачивая его, подробно-подробно рассматривает, боясь пропустить и единую былинку на нем...

А. КОПАЙСКИЙ

Сибирские портреты

Евграф
КОНЧИН

Ф. Тулов. Портрет Прасковьи Михайловны Муравьевой с дочерью Софьей.

1830-е годы.

Ф. Тулов. Портрет Варвары Михайловны Шаховской.

1814 г.

Александр Николаевич Муравьев, основатель первых тайных антиправительственных обществ «Союза Спасения» и «Союза Благоденствия», сыгравший выдающуюся роль в декабристском движении, был личностью замечательной, колоритной. 10 июля 1826 года он был осужден по VI разряду на шесть лет каторжных работ, замененных ссылкой в Сибирь без лишения чинов и дворянства. Но все же приговор был неожиданно суровым. Дело в том, что следственный Комитет по царскому распоряжению решил не «отсылать

к суду» тех членов тайных обществ, которые отпали от них до 1821 года. Муравьев же вышел из «Союза Благоденствия» еще в 1819 году. Тем не менее в нарушение постановления его судили и приговорили к жестокому наказанию.

Отправили его вначале в Якутск, затем в Верхнеудинск. Сказано было «отправить с фельдъегерем, наблюдая, чтобы он ехал в телеге, а не в своем экипаже; буде жена его пожелает с ним ехать вместе, то ей в том отказать, дозволив только отправиться за ним вслед».

сестер Шаховских

Жена Муравьева Прасковья Михайловна (Шаховская) с четырехлетней дочерью Софьей выехала в Сибирь тем же летом 1826 года. Она была одной из первых жен декабристов, последовавших к месту ссылки мужа, хотя в рассказах о женах декабристов ее имя не упоминается.

Прасковью Михайловну сопровождала в Сибирь сестра Варвара — невеста ссыльного декабриста Петра Александровича Муханова, бывшего штабс-капитана, даровитого писателя, «образованного и неглупого добряка».

Дружная и сплоченная семья Шаховских оставалась верна благородным традициям. «Крамольными мыслями» отличалась она, открытыми симпатиями к революционерам. Холодно относилось к Шаховским царское правительство. Негласный надзор был установлен за всей их почтой. Николай I приказал собрать сведения о настроениях семьи Шаховских. Ему доложили, что сестры — а их было семеро — имеют весьма «свободные суждения». Поэтому в 1831 году Бенкендорф передал московскому обер-полицмейстеру, что император потребовал «присматривать, в особенности, кто из молодежи к ним ходит...»

Варвару Шаховскую близкие ласково звали Бабет. Она, по словам декабриста Андрея Евгеньевича Розена, «во время своего пребывания при родной сестре в Верхнеудинске и Иркутске была неутомимой защитницей и утешительницей всех наших узников читинских». Андрей Евгеньевич имел в виду и то, что Варвара организовала тайный пункт пересылки писем декабристов из Петровского завода в Москву и Петербург — в адрес Е. Ф. Муравьевой и матери Якушкина — Н. Н. Шереметьевой, которые и рассылали их по назначению.

Но власти, в первую очередь Николай I, подозревали ее в более серьезном преступлении. И вот почему. Затесался в дом Муравьевых в Иркутске провокатор и авантюрист Роман Медокс. Он прикинулся влюбленным в Варвару и поэтому часто навещался к Муравьевым. Как бы случайно оказывался в кабинете

Александра Николаевича, как бы случайно заглядывал в его бумаги. Муравьев сразу раскусил проходимца, да и Варвара неприязненно принимала его ухаживания.

Медокс оставил подробный, без литературного дарования написанный дневник и несколько подробных доносов. Шпик уверял Бенкендорфа и самого царя в том, что здесь, в Сибири, затевается новый антиправительственный заговор. Центром его в Иркутске является, по его «твердому убеждению», семья Муравьева, а Варвара Михайловна Шаховская для того и приехала в Иркутск, чтобы стать посредницей между сосланными государственными преступниками и их единомышленниками в Москве.

Бенкендорф и царь чуть было не поверили в заговор. А здесь еще перехватили погаенные письма, которые пытались переслать, минуя строжайшую и обязательную цензуру, опять-таки Варвара и Прасковья Муравьева. Они хотели переправить письма Петру Муханову в ящике с семенами, имевшим двойное дно. Разразилась страшная гроза, которая чуть ли не окончилась очень скверно для Александра Николаевича Муравьева, бывшего тогда, в июне 1833 года, тобольским губернатором.

Прасковья и Варвара решили взять всю вину на себя. Умно, великодушно поступила в столь опасном положении Варвара.

«...Зная о моих желаниях, он (А. Н. Муравьев) всегда старался доказать мне все их безрассудство и неисполнимость, — пишет она Бенкендорфу. — Он сделал все от него зависящее, чтобы заставить меня отказаться от моего решения, и я по крайней мере могу сказать в свое оправдание, что пока я могла опасаться, что необдуманый поступок с моей стороны мог причинить ему какой-то вред, не позволила себе никакой попытки к осуществлению моих желаний... Неожиданное известие о выходе (Муханова) на поселение вдруг поколебало твердость моей души. Убежденная, что всякие браки разрешаются в Сибири, что все препятствия теперь от-

пали, я, забыв всякие соображения, позволила себе увлечься и совершить поступок, имевший столь печальные последствия. Я не смогла устоять перед соблазном написать моему несчастному другу... Кто на свете, ощутив близость счастья, нашел бы в себе еще силы отказаться от него, быв несчастной, как я, в течение всей своей жизни...».

Варвара очень хотела счастья, обыкновенного женского счастья. Почти десять лет она прожила подле тех мест, где в заключении и на поселении пребывал ее любимый, но ей даже не удалось ни разу его увидеть. В августе 1833 года Муханов просит разрешения вступить в брак с Варварой Шаховской, но ему было категорически отказано.

Варвара Шаховская сопровождала затем семью Муравьевых в Тобольск, в Вятку. Умерла она 24 сентября 1836 года. Погребена в Симоновом монастыре в Москве.

Драматическая судьба несчастной женщины!

Тонким психологом оказался крепостной художник Федор Андреевич Тулов, изобразивший Варвару Шаховскую в 1814 году. Портрет отыскала в Государственном Историческом музее искусствовед Светлана Ивановна Горелова. Она, кстати, и открыла почти неизвестное ранее творчество талантливой и своеобразной живописца Ф. Тулова — весьма интересное явление в истории русской живописи первой половины XIX века.

Полотно считалось безымянным, было совершенно забыто, никогда не упоминалось в печати и никогда нигде не публиковалось. На портрете — некрасивая женщина. Но чем пристальнее вглядываешься в ее изображение, тем больше притягивает оно. Чем? Широко открытыми добрыми, какими-то всепонимающими и всепрощающими глазами, умным лицом, освещенным внутренней, глубоко скрытой страстью, пламенем скрытых желаний, коим не суждено было осуществиться.

Необычна и биография портрета, также прежде совершенно неизвестная. Рассказ о нем есть в дневнике Елизаветы Александровны Шаховской, сестры Петра Муханова. От-

рывки из него публиковались в сборнике «Голос минувшего» за 1920—1921 годы.

К приговоренному к каторге Петру Муханову пришли свидетелься в Петропавловскую крепость Елизавета Александровна с мужем и его сестрами — Шаховскими.

«При нашем свидании Бабет дала брату свой портрет чрезвычайно удачный,— пишет Елизавета Александровна.— Нам очень трудно было передать его, так как крепостной адъютант был тут. Но в то время, когда я, повернувшись к нему спиной, обнимала брата, Валентин успел положить ему на грудь портрет...» (Валентин — брат Варвары.)

Туловскую картину узник хранил при себе в Свеаборгской и Выборгской тюрьмах, затем в Шлиссельбурге. С портретом невесты приехал Муханов на далекий каторжный Петровский завод.

После Муханов был поселен сперва в Братском остроге, затем — в селении Усть-Кудинское, что в 24 верстах от Иркутска.

Петр Муханов скоропостижно умер в Иркутске в феврале 1854 года. Почти все его имущество было роздано друзьям — ссыльным поселенцам. Портрет же, по каким-то глухим преданиям названный «сибирским», переслали в подмосковное имение Шаховских Белая Колпь, откуда он и попал в Исторический музей.

Федору Тулову принадлежит и неизвестный ранее «Портрет Прасковьи Михайловны Муравьевой с дочерью Софьей». Обнаружила его та же Горелова в архиве Шаховских, который хранился в отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина. Нашла как произведение анонимного художника, отобразившего кого-то из семьи Шаховских. Удалось узнать, что по фамильным легендам портрет написал какой-то сибирский живописец в 1830-х годах в Иркутске или Тобольске. Вероятно, поэтому его тоже называли «сибирским».

Кто же изображен на картине? С. И. Горелова сразу же узнала лицо Прасковьи Михайловны, так хорошо ей знакомое по другим туловским изображениям. Да и в живописном письме произведения приметила знакомые туловские особенности: его цветное решение, композиционное построение, некая туловская угловатость фигур. Исследовали портрет в лаборатории, сделали анализ состава красок, грунта: сомнений никаких — Тулов! И мазки его, и манера наложения белил...

Итак, Тулов! Тулов никак не мог писать Прасковью Михайловну в Сибири! Почему? Да потому, что Муравьева никогда не покидала места сибирского изгнания и умерла в ссылке. Поэтому, естественно, не могла позировать Федору Андреевичу Туло-

ву, который безвыездно прожил в подмосковном имении Белая Колпь и в Сибири не бывал. Этот факт бесспорен.

Тогда как же отнестись к данным технического и стилистического анализа картины, которые безоговорочно утверждают туловское авторство? Как совместить столь весомые доказательства с документальными сведениями, которые напрочь эти доказательства опровергают? Казалось, что эта загадка неразрешима.

В литературе о художниках, работавших в Сибири в начале и середине прошлого века, не упоминается ни одного автора, похожего на Тулова. В Иркутском художественном музее и в Тюменской картинной галерее тоже не знают живописца, письмо которого и круг тем чем-либо напоминали произведения Ф. А. Тулова.

Еще один серьезный аргумент отвергал «сибирское авторство» портретов. Дело в том, что царское правительство категорически запрещало кому-либо «снимать портреты» с государственных преступников — декабристов, с их жен, которые последовали за ними в ссылку. Известна скандальная история, что приключилась со шведским художником Карлом Мазером. Он в начале 50-х годов в Сибири пытался зарисовать некоторых декабристов. В Тобольске он пожелал написать жену участника восстания на Сенатской площади Александра Михайловича Муравьева (однофамильца Александра Николаевича). Гости вызвали в полицию и заставили спешно покинуть город. Муравьева же строго предупредили.

Тогда кто же и как изобразил Прасковью Михайловну в сибирской ссылке?

Тулов! Доказали его бесспорное авторство реставраторы.

Полотно реставрировали долго, ибо находилось оно в очень плачевном состоянии. Когда, наконец, живопись отчистили от грязи и позднейших наслоений, то заметили на ней еле приметную подпись, которую и разобрали-то с трудом. Она гласила: «Написано Федором Туловым...». Сохранилось, к сожалению, лишь три слова из длинного, по всей видимости, предложения. Остальные же слова, указывающие на время и, возможно, особые обстоятельства рождения портрета, исчезли навсегда. Поэтому и приходится гадать, как, где и когда Федор Андреевич написал эту картину.

Очевидно, художник создал портрет по памяти, пользуясь своими ранними портретами Прасковьи Михайловны. Подтверждает это и такая немаловажная деталь: изображенной здесь Муравьевой никак не дашь сорока в ту пору лет — ну, тридцать, не больше: то есть она запечатлена такой, какой ее запомнил художник. А вот с Софьей живописцу пришлось

сложно, поэтому и глядится она со своим странно-взрослым лицом почти манекеном.

Обращает внимание и фон картины — якобы сибирские заснеженные горы. Но совершенно ясно, что автор не имеет о них реального представления — они весьма условны.

Таким образом, портрет написан Туловым в Белой Колпи, а затем, по всей вероятности, отослан Муравьевым в Сибирь. Когда же Александр Николаевич вернулся из ссылки, то привез и картину, которая и стала называться «сибирской». Такой и осталась в памяти его потомков.

Это последнее изображение Прасковьи Михайловны. В Сибири она заболела туберкулезом. Совсем занемогла в Вятке, куда Муравьевы переехали по «миловному» высочайшему повелению в конце 1834 года.

В начале января 1835 года, когда Прасковье Михайловне стало совсем худо, Александр Николаевич просит царя из-за тяжелой болезни жены перевести его на юг. Но Бенкендорф помнил его письмо любимым словечком Николая I: «еще рано». Для Прасковьи Михайловны было уже поздно: она умерла 29 января, через несколько дней после наложения «сиятельной» резолюции. Муравьеву разрешили сопровождать тело горячо любимой жены в Белую Колпь, но строжайше запретили заезжать в Москву. Поэтому он даже не смог присутствовать на похоронах, которые состоялись в том же московском Симоновом монастыре, где через несколько месяцев будет похоронена и ее сестра Варвара...

Счастье люди мне предсказали...

Рисунок
М. Тарабукиной

**Алла
ВОРИВОДИНА**

Счастье люди мне предсказали,
Быть счастливо наказали,
Но не дали на счастье сроки
Те соседки, мои пророки.
Удивлялись, меня встречая,
Головами слегка качали.
«Всем-то, дочка, в отца ты вышла,—
То и дело от них я слышала,—
Хороша-то собой, пригожа,
Как же ты на него похожа!»
Я под взглядами их алела
И соседок своих жалела.
Есть приметы к дождю и ветру,
Только к счастью приметы нету.
Но хотелось мне очень-очень,
Чтоб пророчество было точным.

Не мудрствуя, не лукавя,
В полях и среди сосен
Холодные ветры славят
На все голоса осень.

А рядом дожди с шумом
Развешивают сети.
У осени есть думы,
Пронзительные, как ветер.

**Юрий
КОТОВ**

Обелиски у дороги

Ее повозки, танки мяли.
Ее фугасы рвали, жгли.
Ее — до одури латали:

По ней к востоку —
отступали,
И в орденах —
на запад шли...

Людские судьбы —
магистраль.
По ним
эпоху
выверять!

...Как много звезд
из вечной стали,
И все тебе,
дорога-мать!..

**Татьяна
ЗДОРИК**

«Поверхностное ограничение кристалла... носит компромиссный характер, так как его симметрия является результатом сложения двух симметрий: самого кристалла и образующей среды.»

Научный трактат

Как малы доли бытия
В том, что могло, но вот — не стало:
Реальностей в потенциалах,
И у людей, и у кристаллов.
Без удивления и я
Читаю здесь и узнаю,
Как будто бы от века знала,
Что грань застывшая кристалла
Лишь оттого и гранью стала,
Что в нужную среду попала,
Как говорят — «вошла в струю».
На ней лишь отблески глубин,
Лишь вскользь запечатлен объем,
Но лишь по ней мы узнаем
Число несбывшихся вершин.
Несовершенное и движет,
Лишь им, насущным, и живем:
Мы все, как айсберги,
По шею в несовершившемся плывем.

Листья

Дом в три окна. Калитка. Тихий сад.
Сюда писал он матери и клену.
Признание — «был и не был виноват» —
вitalo пухом, болью затаенной.

Что помнишь, клен? Наверно, не слова,
а нечто, не постигнутое нами.
Так песни, что поют тетерева,
мы только тщимся передать словами.

И синь Оки, пронзительная синь,
видна ль тебе, проросшему у тына?..
Тут ширь такая — хоть ополовись,
не оглядеть любую половину.

Нет, старый клен, тебе свое дано:
по осени багряно засветиться
и уронить прошедшего звено —
несчитанные ласковые листья.

Светла округа от твоих щедрот,
дом в три окна, усадьба у обрыва,
а от избы к усадьбе поворот,
и неизбежно горький, и счастливый...

Лист на ладони теплится огнем,
из жилок в жилы ток передается.
Не в том ли суть, чтоб стать живым звеном
меж тем, что есть, и тем, что не вернется.

Причитания

Ладушки-ладушки,
жили мы у бабушки,
жили мы у дедушки,
был Кузьма-соседушка.
Ладил он игрушки,
туески да кружки.
Весь такой березовый,
с бороною розовой.
Дед внучонка пестовал,
по избе с ним шествовал.
Бабка из картошки
жарила лепешки.
Папка наш на Одере...
А корову продали.
Жили мы да прожили,
съели пояс кожаный...

Лебедушка-крапивушка,
где ж тут будет силушка...

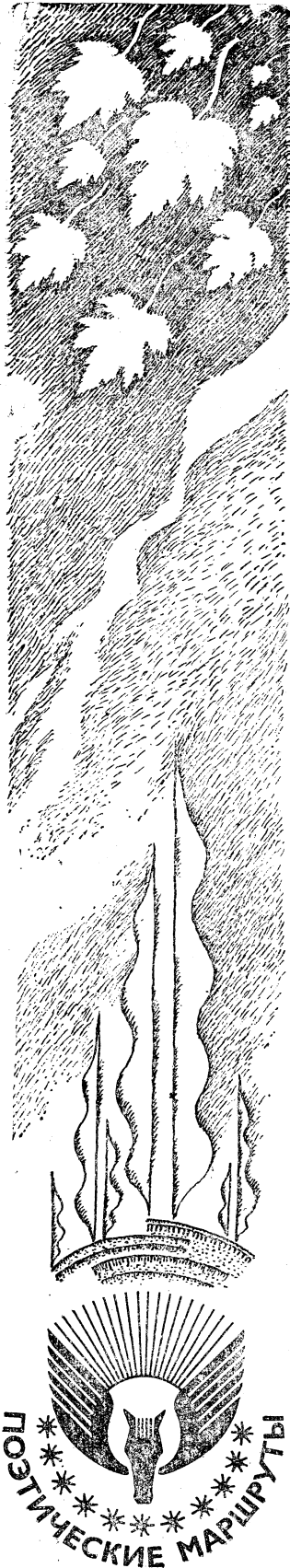
Ладушки-ладушки...
Нет теперь ни бабушки,
нет теперь ни дедушки,
ни Кузьмы-соседушки.
На окошке льдиночка...
Кабы встать мне, сыночка,
я бы пол повымела,
я бы пол повымыла.
На окошке льдиночка.
Да была б крупиночка,—
вынули б задвижку,
кинули б дровишки.
Кашу бы пахучую
заварили к случаю.
Ведь война кончается,
люди возвращаются.
Может, невредимый
едет к нам родимый?..
Нам дожждаться надо
нашего солдата.
Может, хлеб в котомке,
может, сала ломтик...

Ты не спи, не спи, сынок,
скоро папка на порог.
Поиграй, маленький,
с мамкой своей слабенкой.
Ну, давай же, чадушко,—
ладушки-ладушки...

Поздняя весна

Откуда во мне ожидание чуда?..
Пронзителен ветер, и небо сварливо,
и город продрог от ненастья и гуда...
Откуда во мне ожидание дива?

Быть может, от почки, набухшей упруго
предчувствием солнца и зелени клейкой.
От чьей-то улыбки. От чистого звука.
От свежеекрасненной пестрой скамейки.

Три окна

Рисунки
В. Меринова

И это край земли?
 Ни купола впритык,
ни звезд у самых ног,
 ни страшного обрыва...
Прошелестел травы потертый половик,
и одуванчик дернулся пугливо,
под сгнившею щепой угрелся шампиньон,
кузнечик замер, как бегун на старте,
паук седьмую муху взял в полон...
Да, это край земли.

А дальше — все в асфальте.

Когда-то будет так:
 придет последний год,
а я не буду знать отпущенного срока,—
что взведены часы и начался отсчет
до старта в бесконечное далеко...

Когда-то будет так:
 придет последний май
с его салютом, скорбью и молчаньем.
Листвой поющей, буйством птичих стай
и радостью извечного начала.

А я не буду знать отпущенного срока,—
что взведены часы и начался отсчет
до старта в бесконечное далеко...

И август подойдет,
 последний август мой —
пора грибов и росной косовицы.
В ручье прозрачном хариус литой
глядеть на звезды будет, как молиться.

А я не буду знать отпущенного срока,—
что взведены часы и начался отсчет...

Грядет зима.
 В последний раз метель
споеет мне за окном, как любо ей на воле,
и стихнет, прошептав, чтоб я не трогал ель
в усладу новогоднему застолью.

А я не буду знать отпущенного срока...

Мчат поезда по двоепутью.
Встречаются. Мелькают окнами.
И — врозь...
 Минувшее минуте
из обоюдных вихрей соткано.

Пахарь

За плугом шел он бороздой
и налегал на рукояти.
Уже сутулый и седой,
в зените славы и проклятий.

Век девятнадцатый — в отвал,
двадцатый — слева, целиною.
Он эту землю истрадал
наедине с самим собою.

Он граф и все-таки мужик.
Он притча света и синода.
Богат и все-таки должник
родного поля и народа...

Не понукает он коня,—
в свои грехи глядит сурово.
Все тяжелей к исходу дня
дается истинное слово.

Усталостью изрежен шаг,
набухли жилы, руки грузны,
и продувает злой вешняк
скорбленную солью блузу.

Упасть бы наземь, прорасти
искомой правдою, как хлебом.
Но нет конца на том пути,
любовью взрыхленном и гневом.

А впереди — что век, что миг,—
непокоренно покаянна,
среди неясностей своих
России ясная поляна.

НЕСЕРЬЁЗНЫЕ ДЕТИ

Сергей
ЯЗЫКОВ

Рассказ

Рисунки
Н. Лазаревой

После шестого урока в восьмом «В» было классное собрание, где говорилось, что скоро экзамены и пора браться за ум. Антон играл в «морской бой» и голосовал, не вникая, за что голосует.

Февральский вечер наваливался на город. Он был темен и холоден. Думалось о неблизком еще лете, о том, что у мамы скоро день рождения и надо где-то достать цветы, а денег — только три рубля, накопленные с завтраков, еще о чем-то думалось.

Потом собрание кончилось, и Антон, выбравшись из веселой и шумной толпы одноклассников, побежал к автобусной остановке. Там уже стоял друг Вовка — они жили рядом и добирались домой всегда вместе.

Старенький холодный автобус уныло тащился по улицам, вздыхая, чихая и охая на выбоинах.

— Жуть! — говорил Вовка. — Как вспомню про эти экзамены — жить не хочется!..

Антон молчал. Он продышал в замерзшем окне глазок и теперь смотрел на проползающие за окном окраинные домики, на их крыши в шапках снега, на трубы, из которых в холодное, темное небо тянулись серые прямые дымы.

Автобус заскрипел, застонал тормозами и остановился.

— Нагорная! — хрипло объявил водитель.

Двери в морозной бахrome с грохотом открылись, ворвался новый холод, а за ним вошли люди: женщина, подталкивая впереди себя толстого от шубы мальчишку; за ней, невозмогая непослушное тело, пьяница с веселыми глазами; последней вошла девочка в ярко-красной шапке и села напротив Антона.

Дверь лязгнула, и автобус снова покотился среди сугробов.

Вовка уставился на девочку в красной шапке и умолк. Так проехали еще одну остановку.

— Красивая! — зашептал Вовка, толкая Антона коленкой. — Посмотри!

— Отстань...

— Нет, честное слово, ты посмотри! Только осторожно! Даже красивей Ленки.

Антон опустил голову и из-под ресниц взглянул на девочку. Так получилось, что глаза их встретились. Антон растерялся, мотнул головой и не сумел превратить свой взгляд в случайный... Так и смотрели глаза в глаза, пока Вовка не захихикал и не сказал:

— Здравствуйте! А вам далеко ехать? — и восторженно лягушкой Антона ногой.

Девочка не ответила.

Антон нахмурился и снова отвернулся к окну. Глазок уже затянуло морозной пеленой — ничего не разглядеть за окном.

— Ничего, да? — зашептал Вовка.

— Отвяжись, — буркнул Антон. Он снова украдкой взглянул на девочку. Она смотрела за окно, а Антон смотрел на нее. Долго.

— Пошли! — Вовка поднялся. — Сейчас наша будет...

— Мне дальше, — почему-то сказал Антон.

Вовка хлопнул его по плечу и выпрыгнул на стылую улицу.

Снова ехали, молчали, смотрели украдкой друг на друга.

Потом девочка вышла. Антон — тоже, и, как привязанный, пошел за ней, прячась в ночной морозной тени, и шел, пока она не свернула к домику, укутанному снегом.

Она вошла туда, и окна домика засветились, а Антон остался стоять у калитки.

«Солнечная, 31», — прочитал он.

Нужно было идти домой. И было непонятно, зачем он шел по незнакомой улице за незнакомой девчонкой...

Антон крутнулся на месте, шмыгнув замерзшим носом и зашагал назад, к остановке. Но чем дальше он отходил от Солнечной, 31, тем медленней и нерешительней становились шаги.

Навстречу ему какая-то сердитая женщина

тащила за руку упрямого мальчишку. Тот упирался и канючил, что не хочет домой.

— Простите... — Антон обратился к женщине и смутился. — Простите, вы не скажете... Вот в этом доме — Солнечная, 31... Там живет девочка... Вы не знаете, как ее зовут?.. — И окончательно растерялся, узнав в женщине директора своей школы.

— Смирнов? — удивилась та. — Что ты здесь делаешь? И так поздно?

— Гуляю... — смущенно сообщил Антон.

— Это вместо того, чтобы готовиться к экзаменам?!

Мальчишка воспользовался разговором, вырвал ладошку из руки матери, отбежал к забору и спросил оттуда:

— В каком доме?

— Александр! — строго и деловито произнесла директриса. — Немедленно домой! И ты, Смирнов, тоже! В твоём возрасте не за девочками надо бегать, а уроки учить!

— Светка ее зовут! — крикнул Александр. — Она...

— Александр! — перебила его директриса. — Иди сюда!

— Да-а! — капризно сказал Александр. — Все еще гуляют!..

— Александр! Ты слышал, что я тебе сказала? Сию же минуту — домой!

«Бедный Александр!» — подумал Антон, повернулся и зашагал к остановке.

« $(A+B)^2=...$ » — пишет на доске Ленка — самая красивая девочка в классе.

« $(A+B)^2=...$ » — пишет в тетради Антон и думает: «Что они нашли в ней?.. Разве у Ленки такие же хорошие и почему-то грустные глаза? Нет, у Ленки глаза зеленые, со смешинками... Дурацкие глаза!»

— Смирнов! Почему не записываешь?

« $(A+B)^2=...$ » — снова начинает писать Антон...

Чему равно?

« $...=a^2+2ab+b^2$ », — пишет на доске Ленка.

«Ерунда какая... — думает Антон. — Интересно, что она сейчас делает?»

— Скоро у вас экзамены, — с укором говорит учительница, — а вы и ухом не ведете!

— Мы ведем ухом!

— Иванов, не остри! — одергивает учительница. — Остришь будешь на экзамене! Если получится...

Иванов вздыхает.

— А завтра, Иванов, если не подстрижешься, в школу можешь не приходишь!

— Спасибо, Марь Пална! — говорит Иванов. — А послезавтра?

— Иванов! — в голосе учительницы грозные раскаты.

Языков Сергей Станиславович родился в Свердловске в 1959 году, здесь же закончил десятилетку, работал на заводе слесарем, затем — разнорабочим в географической экспедиции АН СССР. Сейчас он лаборант в школе. В нашем журнале публикуется впервые.

— Да постригусь я! — обещает Иванов. — В монахи...

Все смеются.

«... $=a^2+2ab+b^2$...» — пишет Антон. — Здравствуй, Света! Ты, наверное, меня не помнишь, вчера мы ехали вместе в автобусе, а потом я шел за тобой до дома. Меня зовут Антон...»

— Смирнов, к доске!

Антон не слышит — он пишет письмо в тетради по алгебре.

— Тошка! — пихает его Вовка. — Тебя вызывали.

— Смирнову не до алгебры! — печально констатирует учительница. — Что ему квадратные двучлены? Что ему экзамены?.. Ты чем там занимаешься, Смирнов?

Антон молчит.

— Ну-ну... Пиши уравнение!

Антон выходит к доске. «Когда я увидел тебя... — думает он, — мне захотелось...»

— Напиши нам формулу квадрата разности двух чисел, — говорит учительница.

«...мне захотелось все смотреть и смотреть на тебя...»

— А минус бэ в квадрате... — подсказывает Вовка.

« $(A-B)^2$ », — пишет Антон. — ...У тебя глаза такие грустные...»

— У кого глаза грустные? — потрясенно спрашивает учительница. — Ты что издеваешься?

Восьмой «В» рыдает от хохота.

— У меня глаза грустные, — говорит Антон. — В предчувствии экзамена... — и краснеет.

Но никто ничего не понял — все свято верят, что да, Антон издевается, вернее, шутит... Все в восторге! Антон сегодня — герой восьмого «В».

— Сядь, Смирнов! Два!

— А кто это — Света? — спрашивает Вовка и кивает на тетрадь.

— Не твое собачье дело, — огрызается Антон и до конца урока смотрит в окно, а на перемене дописывает решительно: «Я буду ждать тебя на мосту через канал... — он считает дни: завтра — пятница, письмо может не успеть, послезавтра у мамы день рождения, — ...в воскресенье, в 12 часов дня, я буду ждать, приходи, надо поговорить... Антон».

Он мерз на мосту через канал два часа, радуясь и пугаясь каждой красной шапки. Но это были другие люди, а Света не пришла. Антон до вечера бродил по городу, замерз, устал и, вернувшись домой, наругал маме.

Мама заплакала.

Антон хотел снова уйти, громко хлопнув дверью, но потом притих, попросил прощения и бормотал: «Ну, мамочка! Я больше так не буду!» — и по-щенячьи тыкался носом маме в плечо.

Они помирились, счастливые, и весь вечер болтали о чем-то, Антон решил даже рассказать про Свету, но мама вдруг спросила с улыбкой, не влюбился ли он, и Антон рассердился и стал кричать, что нет, не влюбился, и что это его личное дело. И они опять поссорились...

Уроки он, конечно, сделать не успел.

— Не знаю, о чем вы думаете, — строго говорила директриса. — До экзаменов — три месяца! Потом одумаетесь, да поздно будет. Так на всю жизнь неучами и останетесь.

— Господи! — сказал Иванов громким шепотом. — Скорей бы на пенсию!

Восьмой «В» робко захихикал — сдерживало присутствие директора.

— Вот именно! — сверкнула директриса глазами. — Это ваша мечта! Какой-то непробиваемый инфантилизм! Какая-то духовная спячка! Вы взростеть думаете? Вы собираетесь становиться серьезными?

Класс молчал.

— Акселераты! — загрустила директриса. — Рост — под потолок, а ума — как у первоклассников...

— Мы — такие... — согласился Иванов, но засмеяться никто не решился.

— Ну, давайте — по душам! — предложила директриса. — Вот сорвали вы сегодня урок...

— Мы не срывали!

— Одиннадцать человек не готовы к уроку — это не срыв?

— Так это же случайно!

— У вас такие «случайно» каждый день! Ну, а дальше-то как жить будете?

— Молча! — сказал Иванов.

— Замолчи! — приказала директриса. — Не выводи меня из себя! Ну, что вам от жизни надо? Вот тебе, например, Балуюв?

Вовка пожал плечами.

— Во-первых, встань, когда с тобой старшие разговаривают!

— ...по душам! — добавил Иванов.

Вовка встал.

— Ну, Балуюв! Не знаешь?

— Нам бы — отдать по способностям, а получить по потребностям! — выкрикнул Иванов.

— Иванов! Выйди из класса!

— Вот и поговорили о смысле жизни! — сказал Иванов, выходя. — Очень было интересно...

— Ребята! Ну подумайте! — потребовала директриса. — Учение — ваше главное дело, ваша обязанность перед обществом! — И, уже глядя на Антона: — А не девочек по вечерам

проводить, как кажется некоторым, фамилии которых я называть не буду...

— Можете назвать! — сказал Антон.

— Молодец! — сказала директриса.

— Что?

— Молодец, что сознался.

— Сознаются, когда виноваты, — зло ответил Антон. — А я ни в чем не виноват. Во всяком случае, перед вами...

— Что за тон? — возмутилась директриса. — Ты с кем разговариваешь — с подружкой своей? Встань!

Антон встал.

— Будьте добры не затрагивать больше эту тему, — сказал он.

— Да уж позволь мне самой решить, какие темы затрагивать, а какие — нет! — директриса покраснела и улыбнулась натянуто.

— Вам никогда не приходило в голову, — Антон сжал кулаки, — что вы ведете себя, как купцы?

— Кому это — вам?

— Вам — взрослым. Мы лоботрясы и лентяи, а ваше дело — наставлять нас на путь истинный... Да? А хотим мы или не хотим, чтоб нас наставляли — это не важно, да? Вы все знаете — что хорошо, что плохо. У вас — права, у нас — обязанности? — И, срываясь на крик: — Но ведь это же несправедливо! А мы тоже, если хотите знать, думаем о вас не очень радостно!

— Это что-то новое! — сказала директриса. — И что — все так думают?

В классе была тишина — не та, скучная и замкнутая, когда не хотят говорить, а упрямая и напряженная, когда думают, собираясь сказать.

— Я так думаю! — хрупким басом признался Вовка.

— Ну, разумеется, Балуюв, разве можешь ты думать самостоятельно! Когда тебя спрашивали, ты почему-то молчал.

— Причем здесь это! — вмешалась Ленка. — Антон правду сказал. Просто вам ведь неинтересно, что мы думаем про вас! Вот вы и считаете, что мы дети и ничего не замечаем.

— Ну-ка, прекратите этот базар! — потребовала директриса.

— Вы же сами хотели — по душам! — ответили ей.

— Не доросли еще до такого разговора! — сердито крикнула она. — Смирнов! Чтоб сегодня же мать в школе была! — и она ушла, хлопнув дверью.

— Подумаешь! — бубнил Вовка, запрыгивая в автобус. — Мне здесь перезимовать четыре месяца — и ту-ту! В мореходку! Пусть других воспитывают!

Антон был зол и мрачен.

— Нет, ты молодчина! — смеялся Вовка. — Я бы побоялся! Дома попадет?

— Ерунда! — сказал Антон, запахивая поплотнее куртку.

Автобус скрипел и охал.

«А вдруг! — думал Антон, совсем забывая школьную историю. — Она же тогда на этой остановке вошла...»

— Нагорная! — объявил водитель, и дверь открылась с привычным грохотом.

Кто-то вышел. Кто-то вошел.

Он сразу увидел ее! Она была не одна — с ней была какая-то женщина с усталым лицом.

«Наверно, мама...» — догадался Антон.

— Смотри! Смотри! — толкнул его Вовка. — Опять она!

— Вижу, — сказал Антон.

— Жалко, не одна! А то бы поговорили — ведь почти знакомые! Слушай, это, наверно, мамаша ее. Похожи как!

«Совсем непохожи! — подумал Антон, вглядываясь: у женщины были тонкие губы и морщинки вокруг глаз. А глаза... Глаза — похожие. Печальные, серьезные...»

Антон осторожно взглянул на девочку, пытался позвать ее взглядом. Но Света смотрела в белую плоскость окна, смотрела упрямо, не отводя глаз, будто боялась увидеть что-то или кого-то. «Это она потому, что мама рядом, — радостно догадался Антон. — Может, она и не пришла, потому что мама не пустила?»

Потом появился какой-то мужчина — знакомый Светиной мамы. Они тихо говорили о чем-то, и, выходя вместе с Антоном и Вовкой, мужчина крикнул:

— Тогда я позвоню вам — завтра!

«Значит, у нее телефон есть! — понял Антон и заволновался. — Телефон есть...»

— Мам, тебя к директору вызывают! — сообщил он с порога. — Где у нас телефонная книга?

— Ты опять натворил что-то! — рассердилась мама.

— Нет, просто говорил по душам... — и начал искать пухлый телефонный том.

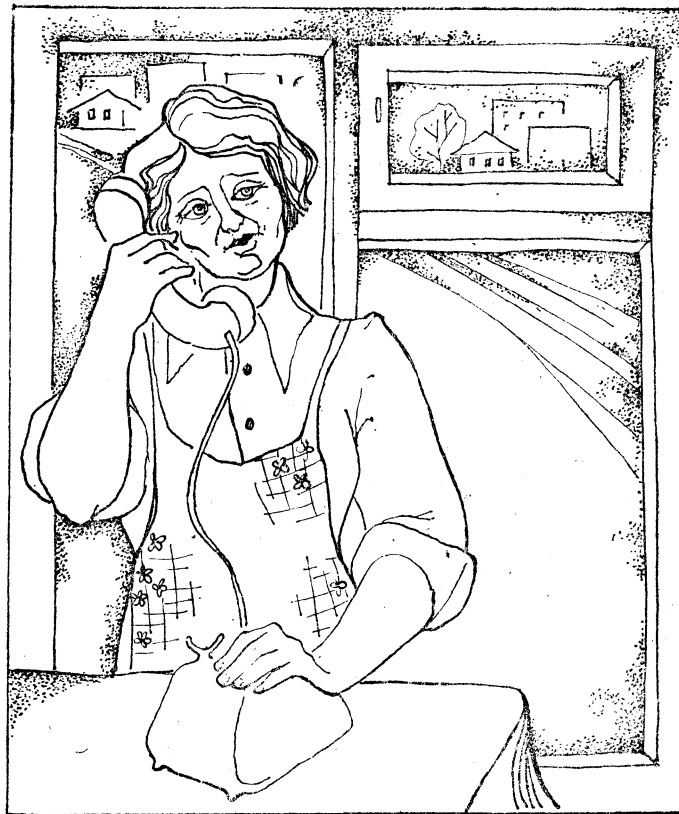
— Мог бы и промолчать, — вздохнула мама. — Никому еще разговоры по душам пользы не приносили...

— Что ж, тогда молчать всю жизнь? — спросил Антон.

— Горе мне с тобой! — сказала мама. — Ничего ты еще не понимаешь! Иди ешь...

— Я все понимаю, — возразил Антон, перелистывая справочник. — А есть я не хочу.

— Сильно нагрубил?

— Да не грубил я! Ты иди — она ждет!

Мама ушла в школу. Антон залез с ногами на диван и уткнулся в книгу, а сердце стучало где-то в горле.

Столбики фамилий — из страницы в страницу, а рядом — адреса. И надо найти единственный — Солнечная, 31... А книга — толстенная. Антон спешил, скользил глазами по строчкам. Но и времени прошло немало. Он перелистал уже больше половины, когда внезапно, уже пролетев по странице, почему-то решил вернуться... Ну да — вот он: Солнечная, 31... Иливицкий Г. С. Какой Иливицкий? Почему Г. С.? Да ведь это — отец! Значит, она — Иливицкая... Иливицкая Света... Красиво... 31-07-27... Ну...

Антон встал и на негнущихся ногах пошел к телефону.

«А что сказать?» — думал он.

«Здравствуй», — вот что!..

А потом? Потом — суп с котом!

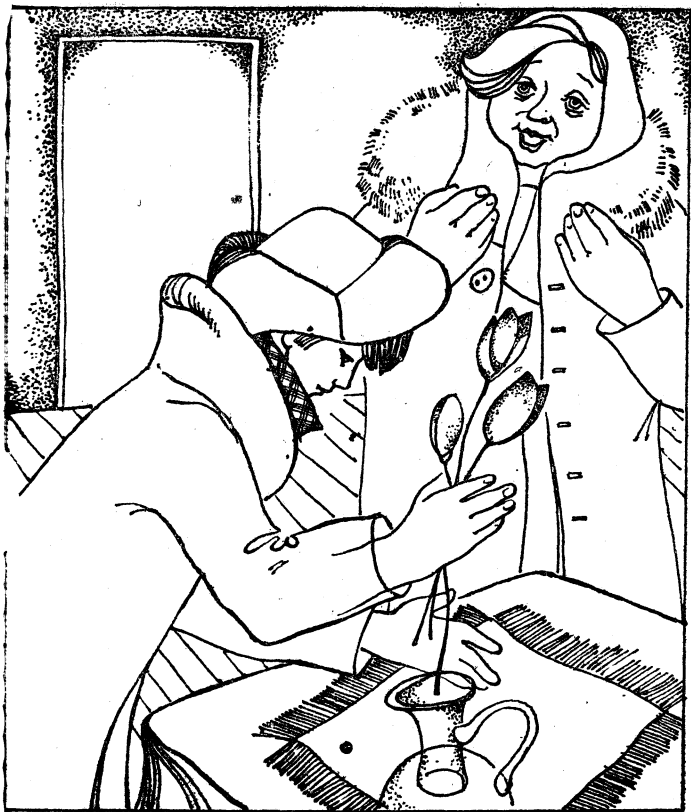
Потом: «Я ждал тебя в воскресенье... Ты получила мое письмо?..» И еще... Нет, это потом... Совсем потом...

Ну, три-четыре... Антон набрал номер. Длинные гудки — и сердце колотится...

Только бы мама не вернулась!

— Алло?

— Здравствуйте... — говорит Антон.

— Здравствуйте,— отвечает ему женский голос.

Антон решает положить трубку, но говорит почему-то:

— Будьте добры, позовите Свету... Пожалуйста...

В трубке молчат.

— Алло! — говорит Антон. — Алло!

— Вы — Антон? — спрашивают в трубке.

— Да, — говорит Антон, пугаясь.

— Это вы написали Свете письмо?

— Да, — говорит Антон чужим голосом.

— А зачем вам Света?

— Поговорить.

— Антон...

— Слушаю... — говорит Антон.

— Я очень вас прошу... Света тогда весь день плакала... Не звоните больше, Антон... И не пишите.

— Почему? — спрашивает Антон.

— Вы хороший мальчик... Не надо... Ни звонить, ни писать...

— Вы не имеете права! — кричит Антон. — Почему?..

— Антон...

— Да... — говорит Антон.

— Света — немая...

— Как — немая? — шепчет Антон и у него начинают дрожать колени. — Почему?

В трубке молчат, и по еле уловимому шороху Антон понимает, что там плачут. И еще он понимает, что ответа не будет — трубку сейчас положат.

— Алло! — орет Антон, всхлипывая. — Подождите! Алло!

— Да...

— Алло! Я знаю! Я это знаю! Ну и что? — орет Антон, стараясь не плакать. — Алло! Можно, я приду? Слышите? — И ждет...

В трубке долго молчат. Потом говорят:

— Приходите...

Гудки...

Антон сдирает куртку с вешалки.

На столе, в вазе, стоят цветы — они были к мамину дню рождения. Антон вытряхивает их из вазы.

— Что? Ты куда? — хватается его за руку мама — они сталкиваются в подъезде.

— Надо! — говорит Антон. — Потом!

У мамы заплаканные глаза.

— Антон,, тебе поставят «неудовлетворительно» за поведение! — сообщает мама. — Ты добился...

— Потом, мамочка! — говорит Антон.

— Тебе дадут плохую характеристику! Ты понимаешь это?

— Мама, я спешу, мне некогда..

— Антон! — сердится мама. — Можешь ты меня выслушать? Ты же такой глупый, ты не понимаешь, чем это грозит!

— Мама, меня ждут!

Антон выбегает на улицу.

— Господи! — говорит мама ему вслед. — Какие дети пошли несерьезные...

ДАРЫ МАГНИТНОГО ПОЛЯ

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

Прежде чем начать разговор, заведующий лабораторией ферромагнетизма Института физики металлов Уральского научного центра член-корреспондент Академии наук СССР Яков Савельевич Щур предложил немного «поиграть в магнитики»...

Он дает мне два маленьких диска (они разве чуть побольше таблеток витамина С), и я должен соединить эти круглые магнитики. Пространство между ними, как живое, пружинит. Никак не могу свести руки. Непримиры кружочки, таящие молчаливую и невидимую силу. словно лапками, отталкиваются друг от друга...

А вот ставится демонстрацион-

ный прибор с главной деталью, напоминающей стульчик пианиста. Ножка его висит в воздухе... Ага! она — магнитная, и отталкивается вон от того, круглого и невысокого печенка, тоже магнитного. Да... Фокус с левитацией, с парением тела над землей, наверно, вполне бы удался и начинающему факиру, надень он под рубаху магнитную кольчугу, а в землю спрячь сильный противомангнит. И полеживал бы он себе на магнитном поле, изумляя публику...

Яков Савельевич прерывает мои фантазии. Мне предлагается взять магнитики, лежащие на пластине. Кружок (размером с пуговицу от мужской сорочки) оторвать не могу.

Кружок (как металлический рубль) поднять тоже не в силах. Кубик (чуть больше кусочка рафинада) отщипнуть тоже не удается. Такие экспонаты на выставке можно и не закрывать стеклом витрины, не исчезнут...

Шур предлагает заглянуть в окуляр детского диапроектора, который экспериментаторы для своих нужд несколько переделали. Вижу, как Шур острым концом карандаша-магнита черкает на стекле, а потом тупым концом карандаша мигом снимает все свои почеркушки. Слышу пояснение: на стекло нанесена магнитная пленка, писать и стирать написанное здесь, значит, намагничивать и размагничивать участки специального покрытия. А я думаю: удобно же было бы педагогу-художнику по ходу мысли на уроке делать беглые зарисовки и тут же снимать их неслышным прикосновением. Шли бы чередой зрительные образы педагога перед аудиторией...

Шур ставит на стол прибор, похожий на конторский арифмометр. На концах двух коротких валов, положенных торец в торец, небольшие диски. Меж ними вставляется лист бумаги. «Крутите!» Крутить? Но стойте-ка, раз диски разъединены и никакой муфты не видно, то движение с вала на вал не должно передаваться. Изю всех сил кручу валики в разные стороны. Диски ни разу не провернулись по отношению друг к другу, не пробуксовали. Валики — как один валик. Они состыкованы магнитными полями дисков.

Теперь у Якова Савельевича в руках словно бы головка от электродрели. Он приставляет к ней не сверло, а острый, с изгибом наконечник. Оказывается, это хирургический инструмент. Им извлекают из травмированного глаза металлические предметы. Магнитный клюв склеивает с глазного яблока инородные частицы. Принимаю в руку этот хирургический инструмент. В другой руке у меня такой же инструмент, но с заводским магнитом. Физики сделали явно более легкий, этим можно без напряжения работать. Они усилили магнит, вещь стала легче...

И еще. Оригинальный прибор. двух пружинках прикреплены

магнетики. К левому подвешивается гиря побольше, к правому — поменьше. Пружинки растянулись, и магнетики вошли в колодцы массивной части прибора — в электропечь. Она включается. Термометр показывает пятьдесят, шестьдесят градусов. И семьдесят... Бац! — правый магнитик маленькую гирю не удержал, уронил. Понятно: это от жары он ослабел, ведь все магниты при высокой температуре размагничиваются. А левый магнитик держит большую гирю при ста пятидесяти, при трехстах градусах... Он сделан из многокомпонентного материала — теплостойкого. Долгожданная находка для техники, для самой широко распространенной техники. Измерительных приборов с магнитными элементами тьма. И приходится всюду ставить термостаты, и многое делать для того, чтобы приборы не перегревались и не размагничивались. Случись же с ними такое, на точность их измерений полагаться нельзя. Много проблем снимут жаростойкие магниты.

Впрочем, вот мы уже и начали наш разговор о важной роли магнитов в технике. На нынешнем общем собрании Академии наук СССР ее президент академик А. П. Александров, подводя итоги работы академических научных учреждений за прошлый год, назвал несколько крупных достижений отечественной фундаментальной науки. И одно из них — заслуга свердловских физиков, магнитологов, которые получили новые и очень работоспособные магнитные материалы. Уральцы — лидеры в этой области. Уральские магниты разнообразнее и сильнее. А это позволяет проектировать более компактные машины и приборы. Вспомните то стекло с магнитной пленкой, на котором Яков Савельевич черкал магнитным карандашом и тотчас все убирал одним движением. Так вот, если на такую пленку наносить крохотные знаки тончайшим лазерным лучом, то мы получим новый, очень емкий способ записи информации в блоках памяти электронно-вычислительных машин. Наши ЭВМ четвертого поколения, возможно, так и будут записывать все, что им надиктуют люди, лучом света на магнитной пленке. А компьютер на таких маг-

нитных пленках должен быть гораздо меньших размеров. Это первейшая задача — миниатюризация ЭВМ.

А как можно использовать магнитную муфту, показанную только что Яковом Савельевичем Шуром? Хотя бы в такой ситуации. В какой-то заводской камере или резервуаре с агрессивной массой должна работать какая-нибудь растворемешалка. А электромотору там быть нельзя — выйдет из строя. Что же, будем крутить мешалку сквозь стены резервуара. Нацелим магнитный диск, укрепленный на валу электромотора, туда, где магнитный диск мешалки. Магнитные поля сцепятся. Вот и муфта.

А магниты, проявляющие такое откровенное взаимоотталкивание, где может быть от них польза? Это нечто иное — невидимый подшипник. Воздушный. Ведь то, что нам нужно вращать, висит в воздухе, опираясь на магнитное поле, а не на что-либо трущееся. Это вечный подшипник, потому что постоянные магниты практически вечны.

Уральские магниты — не счастливая случайность. Существует школа уральских магнитологов, она начала складываться полвека назад. И лишь в одной лаборатории ферромагнетизма Института физики металлов Уральского научного центра работают около тридцати кандидатов и два доктора наук. Они освещают путь к достижению истин, применимых в технике, изучая глубинное свойство земного вещества — магнетизм.

ПОД УТРО, 5 ИЮЛЯ...

**Михаил
КИРЕЕВ**

Рисунки
С. Сухова

Десятиклассник из города Нижней Туры Свердловской области Михаил Киреев ушел на войну 27 июля 1941 года. Ему не было и восемнадцати.

А пришел с войны в Нижнюю Туру двадцатитрехлетним солдатом-победителем. Вернулся в родной город и сразу же ушел на строительство Нижнетуринской ГРЭС. Однажды выбранной профессией монтажника не изменяет до сих пор.

Всю войну школьник Михаил Киреев вел дневник. Всю — потому как всю и прошел. И видел ее глазами солдата, судьба которого от первых поражений до первых побед, от плена в лагерях Франции, Штутгарта, Нюрнберга до участия в движении Сопротивления, побега и окончательной Победы в апреле 1945 года в Австрии являла собой пример стойкости русского характера.

Все в записках Михаила Андреевича подлинно — имена, даты, события.

Он готовил фронтовые записки специально для журнала. Работу прервали старые раны. Глубоко сидели осколки, но дали о себе знать...

Весной, в марте, перед операцией, Михаил Андреевич зашел в редакцию «Уральского следопыта». Он сказал, что доведет работу до конца.

Первая часть записок — о становлении солдата — публикуется ниже.

Апрель — май 1941 г.

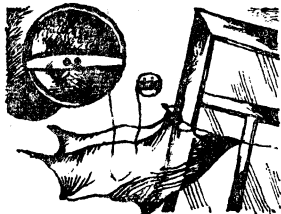
Приходили Сергей Степанов и Юрий Дейнеко, наш секретарь ВЛКСМ. Уговаривали вернуться. Я ушел из школы, бросив 10-й класс 11 апреля 1941 года. Меня сильно обидел учитель математики Степан Прокопьевич Баев. Он сказал, что я уделяю много внимания моей соученице Музе Туркеевой. И приказал, чтобы я прекратил ей делать всякие услуги и не мешал учиться. И это при всем классе, где было 30 девчат и 10 парней. Вернуться я наотрез отказался, хотя на самом деле сильно переживал, что так случилось. Брат Аркадий и мама велели поступить на работу, коли я бросил школу.

На работу я не поступил. Возраст мал — не берут. Пристроился к деду Бабурицу, кладем в домах новые печки и ремонтируем старые.

21 июня 1941 г.

Сегодня выпускной вечер моего 10-го класса. Приглашали. Я отказался: не хочется портить настроение учителям. Бродил весь вечер по берегу пруда, где была школа. Позднее встретил Музу, проводил домой. О школе старался не говорить. Она укоряла меня в глупом упрямстве. Успокаивало одно, что со своими 9 классами я все равно сумею поступить в летную школу.

Домой пришел поздно. Спал плохо, от обиды снилась всякая белиберда.

22 июня 1941 г.

Завтракали, когда услышали голос нашей соседки Веры Пуртовой. Она кричала на всю улицу: «Петька! Ведь мой Петька там». «Ой, боженьки, что будет с моим Петькой?». «Ой, Петька!» «Ой, люди добрые, что же это такое?» Продолжая кричать, она подошла к нашим окнам и еще громче закричала: «Васильевна! Васильевна!» «Что тебе?» — спросила мать, подошедшая к окну. «Да ты, что, матушка, еще ничего не знаешь? Ведь война!» — еще громче кричала она. «А мой Петька уже там. Да и у тебя трое мужиков», — не умолкала она. Так мы с братом узнали о начале войны. Потом и по радио выслушали официальное сообщение... Война.

23 июня 1941 г.

Взяли по очередному набору брата Аркадия, с ним вместе ушли мои соученики Веня Хмелев, Леня Абакумов и товарищ старшего брата Василия Вениамин Селезнев.

27 июня 1941 г.

Получили повестки идти в армию я и старший брат Василий. Мне нет еще и 18 лет, но есть незаконченные 10 классов образования. Знаю: мы сильнее врага, будем биться на его территории. Надо торопиться, а то окончится война быстро, как финская, так и не успеешь и отличиться. Настроение боевое. Вот где мы покажем себя годными для Родины! Чувствую себя в приподнятом настроении.

29 июня 1941 г.

Получили направление в Серов, в летную школу. Из Н. Туры нас трое: я, Михаил Мороз, Виктор Попов, двое с поселка Ис — Меринов Виктор, Игошин Николай.

Июль 1941 г.

После медкомиссии и мандатной нас осталось трое: из Н. Туры я один, с поселка Ис — В. Меринов и Н. Игошин. Приступили к занятиям, которые длятся 10 часов. С непривычки распорядок кажется тяжелым. Но радость, что я в армии, облегчает все трудности. На фронте дела неважные, но это все временно. Нам не верится, что мы не можем устоять. Это какая-то хитрость нашего командования.

Август 1941 г.

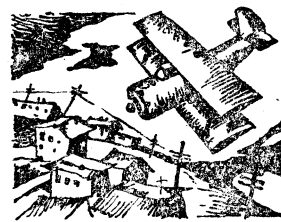
Мы все учимся. Перешли от наземной подготовки к полетам. День теория, день полеты. Внимательно следим за сводками информбюро. Наши все отступают. Не пойдем, в чем дело.

Сентябрь — ноябрь 1941 г.

Бывает ли у кого такой радостный день, как у летчиков? Я сравнивался с птицей! Даже не верится, что в день рождения мне исполнилось 18 лет и в этот день я совершил самостоятельный полет на У-2. На фронте явно

что-то не клеится. Немцы все идут и идут вперед. В чем дело? Ничего не понимаем. Нам это странно и до глубины души обидно. Ведь мы такие сильные. Мы уверены, что воевать должны на его территории, а тут на своей не можем справиться. Настроение скверное, но задумываться некогда. Учеба занимает все время.

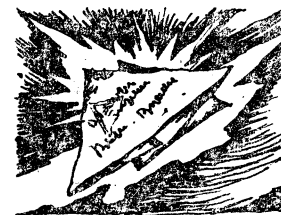
Влилось много курсантов из эвакуированных школ. Один даже с орденом Красной Звезды. С какой завистью смотрели мы на него! Этот человек побывал в боях. Летаем через день. По-прежнему беспокоят дела на фронте. Многие, в том числе и я, подали заявление об отправке на фронт. Было общее построение школы. Выступал перед нами начальник учебно-летного отдела, наш земляк из Новой Ляли Василий Осипович Янчевский. Похвалил за патриотизм, но потом так отчитал, что называется, разложил по косточкам. Чувствовали себя пристыженными. Какие мы наивные, что наше присутствие на фронте изменит обстановку. Вывод он сделал правильный: «Каждому овощу — свое время».

Январь 1942 г.

Многие наши инструктора Кольков, Пильщиков, Янчевский улетели на фронт. И так, первые наши представители отправились на фронт. Нам тоже хочется быстрее кончить учебу. Но программа есть программа. Летаем, невзирая на погодные условия, не обращая внимания на мороз. Как говорят наши техники: «Пока берут моторы высоту».

Лучшие машины тоже забрали на фронт. Восстанавливаем из «железного» яда, на которых давно не летали. Сегодня при заходе на посадку у меня порвало масляный бак. Сел, но машина вышла из строя. Хорошо, что это произошло не в зоне пилотажа.

Март 1942 г.

Ничего особенного не произошло. Учеба и учеба. Получил письмо от брата Аркадия. Пишет, что рад за меня. Просит не забывать, что нам с ним народ доверил самое лучшее оружие: самолет и танк. Об этом надо помнить и сделать как можно больше для победы. Ему-то хорошо, он уже скоро настоящий танкист, а мне до настоящего летчика еще очень и очень далеко. Но надо ждать и учиться. Завидую ему. Мне по-прежнему кажется, что война кончится раньше, чем я стану летчиком. А фронтовые дела стали лучше.

Май 1942 г.

Подходит к концу учеба на У-2. В моей летной книжке одни красные квадратики, совсем редко — зеленые. По-прежнему не верится, что наши фронтовые дела идут не так, как мы думали. Как я ошибался, когда думал, что война кончится без меня и без всех нас, с кем учимся. Теперь мы думаем по-другому: война может быть и после

нас. Там убивают. Читаем и слушаем о героях воздушных боев. Как мы еще далеки от настоящих летчиков, все равно что цыплята рядом с орлами.

Июнь 1942 г.

Год, как уехал из дому. Чувствую себя уверенней, нет той детской стеснительности, что была раньше. Технику пилотирования сдал на «отлично», с отличной осмотрительностью. После экзаменов получил документы, где указано, что я — пилот. До вызова в училище разбегаемся по своим райвоенкоматам.

Узнал печальные новости. Убит Юрий Дейнеко, погиб в звании лейтенанта Сергей Степанов, Анатолий Крылов. Тяжело ранен Михаил Мороз. Убит наш сосед Леонид Кузнецов, Андрей Карякин, одноклассник Володя Моксунов. Пришел раненый школьный товарищ Мансур Хайбуллин. Много эвакуированных. Весь поселок в трауре.

Август 1942 г.

На фронте дела неважные. Немец все идет вперед, особенно на юге. У меня настроение отвратительное, чувствую в поселке себя чужим. Многие мои сверстники погибли. Многие ранены, а я дома. Получил письмо от Янчевского. Пишет, что в полк попасть без специальной подготовки нельзя. Ездил в райвоенкомат. Сказали — жди. Надо будет — призовем.

Ноябрь 1942 г.

Меня вызвали в военкомат. Предложили ехать в Москву, в штаб военно-воздушных десантных войск. Приехал в Москву, направили в п. Люберцы.

Декабрь 1942 г.

В авиаполку я почувствовал себя не в своей тарелке. Летчики здесь опытные, обстрелянные, хорошо знающие ночные полеты. А я даже днем не летал на большие расстояния. Взяли вторым пилотом. В районе Старой Руссы должны были сбросить питание для радиостанции людям, находящимся в тылу у немцев. Походили в районе сброса более 40 минут, но, не получив сигнальных знаков, вернулись, не выполнив задания. На обратном пути попали под зенитный огонь, но все обошлось. После этого полета я понял, что пока с моими знаниями на фронте, да еще в авиации, делать нечего. Начальство решило отправить меня в Москву, в штаб ВВС. Получив документы, я стал добираться на попутных машинах. Только приехал, полк подняли по тревоге. Погрузились в автомашины. Поехали мы через Москву в неизвестном направлении. Сначала думали, что едем на один из подмосковных аэродромов для загрузки в самолеты и десантирования — дивизия имела хорошую десантную подготовку. Кто я против этих бывалых парней? Слаб пока. Но мысли о фронте делают меня как-то внутренне сильнее. Хотя настоящей войны не видел, не знаю. А то, что меня могут убить или ранить, сознание не воспринимало. Дороги все разбиты, а деревни сожжены, торчат одни трубы печей. Раз нам повезло: ночевали в бане, устроенной по-черному. Утром смеялись друг над другом — сильно чистыми выглядели. Нас как будто всех протравили через дымоход. Идем дальше, больше все ночью, днем прячемся в лесах, разжигая малые костры.

Февраль 1943 г.

...Один раз «догнали» нас немецкие бомбардировщики. По команде «воздух» ребята бросились в разные стороны

и залегли. Я остался на дороге и как дурак смотрел на пикирующие самолеты. Ясно видел: от самолетов отделяются маленькие черные предметы и, быстро увеличиваясь, летят вниз. Следовал сильный взрыв. Тогда я понял, что это бомбы, и упал. Но пока самолеты делали второй заход, я вскочил и бросился прочь с дороги, прыгнул в какую-то яму, попавшуюся на пути, и угодил на человека. Тот огрызнулся, но из ямы не выгнал. Так и пролежал на нем всю вторую бомбежку. Когда встали, оба онемели. Передо мной возник мой друг детства и сосед Георгий Старцев. Из короткого рассказа я понял, что он уже дважды был в боях. Много говорить не пришлось — оба спешили в свои подразделения... Наша рота потерь не имела. Впервые увидел артиллерийские установки «катюши». Шло много прославленных Т-34. До линии фронта было, видимо, недалеко. Слышен и гул артиллерии. Днем дороги пустые, идем в основном ночью. Проходим деревню Астратово и Погорелое. Здесь попал под бомбежку наш штаб дивизии. За деревней — свежие могилы...

20 февраля 1943 г.

Ночью пришли на передовую. Немцы непрерывно светят ракетами, до того светло, хоть книги читай. Сменили какую-то пехотную часть, довольно долго стоявшую здесь. Нам достались хорошие блиндажи и траншеи. Вот она огненная черта. Завтра или через день мы вступим в настоящей бой. Может быть, он будет отмечен в сводке информбюро. Что ждет меня и моих товарищей? Добился ли того, к чему стремился? Только не там, где хотел... Но успокаивает одно: какая разница, где воевать? Самое главное — надо сделать как можно больше.

Кругом много хороших ребят, все связано с авиацией, у некоторых более десяти прыжков с парашютом. Тревожно и неприятно становится на душе, когда подумаешь, что многих завтра не будет в живых, в том числе, может, и меня. Как многие, я выбросил деревянный пенальчик, именуемый посмертным паспортом. Я не представляю, что такое бой, и мне легче, чем тем, кто уже побывал и был ранен. Как я понял из рассказов бывалых товарищей, надо смотреть в оба и делать то, что тебе положено делать в бою, а не думать о смерти.

23 февраля 1943 г.

День Красной Армии. Холодный рассвет. Мерзнут руки. Мы пошли в наступление. Я плохо помню, что и как началось. Помню артогонь с обеих сторон. Рядом со мной бежали и падали люди, бежал и падал я. Слышал душераздирающий крик какого-то бойца, пробегая мимо него. А меня увлек с собой наш комсорг батальона Ленья Костарев. Мы с ним преследовали четырех немцев, бежавших в одних кителях. Двоих мы убили, а двое, убегая, скрылись за сараем у дома. Добежал до сарая и повернул за угол. И тут пламя блеснуло перед глазами, ударило по голове. Больше ничего не помню. Война на данном этапе для меня

кончилась. Очнулся в санроте. Говорят, что нашла меня собака, а люди все проходили мимо, так была страшна моя голова. Каска была пробита, а лицо все в крови; с такой обезображенной физиономией похоронная команда и не подобрала меня. Пролежал в санроте несколько дней. Рана оказалась легкой, и меня не отправили в тыловой госпиталь.

Март 1943 г.

Из санроты меня перевели в комендантский взвод дивизии. Нашу часть сменили, и мы стали выходить в тыл из района боев. По дороге часто попадаются могилы наспех похороненных бойцов.

Однажды на привале я для отдыха выбрал место под густой елкой. Когда осмотрелся, то увидел, что из-под снега торчат новые серые валенки. Встал и тут увидел на стволе ели свежий затесок, на котором химическим карандашом написано: «Петр Широков, 1922 года рождения, убит 8 марта». Здесь я увидел впервые красноармейцев и командиров, одетых в форму с погонами. Их, оказывается, ввели в армии недавно. Командиры стали называться офицерами, а красноармейцы — солдатами.

Май 1943 г.

Время идет быстро. Давно ли были бои и холода, а теперь тепло, кругом все светит и зеленеет, как настоящее лето. Ходим в караулы и наряды по связи. Укрепляем свою оборону. Работаем, как землекопы. Окапываемся и окапываемся. Залезли в землю, как кроты. Помню первую бомбежку, когда простая ямка спасла мне жизнь... А здесь, по всей видимости, будет что-то серьезное. Часто приезжает большое начальство. Живем в блиндаже, выкопанном у края оврага, где много орешника. Местность красивая, ничего не напоминает войну.

Июнь 1943 г.

Получил письмо из дому. Пишут, что жизнь там тяжелая. Работают по 12—18 часов в сутки, а иногда и не ходят домой. Что же, война — для всех война, да еще такая, как с фашистской Германией, на которую работает вся Европа. Брат Аркадий пишет, что он давно в боях. Сообщает, что убиты лейтенанты-танкисты — мой соученик Веня Хмелев, Леня Абакумов и Вениамин Селезнев. А я все приглядывался к танкистам, которых встречал, не попадется ли кто из них. Теперь мне некого ждаль, разве что судьба сведет с Аркадием. Очень жаль ребят, хотя я и сам на их положении. Но оставшийся в живых последний всегда переживает больше. На его совести остается единственное, чтобы успокоить себя и не чувствовать себя виноватым, и это единственное: ты можешь, ты обязан отомстить! Это — предстоящие бои, в которых надо быть достойным их. Живые остаются в долгу, перед мертвыми.

Июль 1943 г.

Погода стоит чудесная. Сегодня повар Евменьев сварил компот из неспелых яблок. Смеху было над евменьевским компотом. Все, кто его пробовал, делали такую кислую физиономию, что, если глянуть, в это время в зеркало, то никто сам бы себя не узнал. Но Евменьев упорно доказывал его пользу и даже старался не морщиться, когда пил.

Мы чувствовали приближение грозы. Немцы участвовали свои налеты, особенно первого июля был массированный налет ночной на Курск. С полком была установлена двойная кабельная связь и по новым маршрутам. Получили новые позывные. Радистам запретили выход в эфир даже для проверки.

Под утро, 5 июля, я проснулся от сильной артиллерийской стрельбы, которая была необычна по времени и, главное, велась с нашей стороны. Нам всегда было известно о начале наступления, но тут даже связисты ничего не знали. Часов в 5 утра начала мощный артогонь немецкая оборона, ранее молчавшая. В небе появилась немецкая авиация. Она не доходила до расположения, а бомбила впереди расположенные войска. Но гул раскатов доносился до нас, и в небо поднимались большие черные дымки. Все части полка и дивизии были приведены в боевую готовность. И стало известно, что немцы перешли в летнее наступление между городами Орел, Курск, Белгород. Наша часть стояла, никуда не двигаясь. Восьмого июля приняли под знаменем полка вторичную присягу, и каждый на индивидуальном листе присяги подписался, дал клятву: «Ни шагу назад». Мы видели идущих раненых, но не видели ни одного отступающего подразделения. В разговорах с ранеными мы не чувствовали панического настроения. Все их рассказы можно свести в одно: «Это фашистам за 1941 год». Мы шли в контр наступление. Но нас поразило, что сменная нами часть не покидает переднего края, остается вместе с нами. Их мало и чуть ли не половина — легко раненые. Пока пользуемся ихней связью. Ввязались в сильные бои за станцию Поньры. Кругом все горит, кругом пламя и взрывы мин и снарядов. Станцией овладели. Идем дальше. Но как тяжело дается это «дальше!» О еде и сне перестали думать, просто некогда и невозможно. Но силы до того вымотаны, что засыпаем в траншею под любым артогнем или бомбежкой. Лишь тишина — просыпаемся, и не верится, что может быть так тихо на земле. Спим урывками, едим сами не знаем когда и что, сутками нет возможности умыться. Мы несем потери. Убито двое из нового пополнения, ранен Безхлебный, старший сержант Черепанов, ранены весельчак и танцор туляк Митя Борисов, Яша Харламов. Но радость наступления как-то сглаживается тяжестью потерь. Когда я подошел к носилкам, где они лежали, они улыбнулись мне и сказали, что очень жаль, что мало повоевали. Я их начал успокаивать, но понял, что это ни к чему. Эти люди не нуждались в успокоении. Тут Борисов даже пошутил. Он попросил, чтобы Яша Харламов сыграл на гитаре, а он бы сплясал, как бывало раньше. Но какая все же несправедливость или ирония судьбы. Яков, игравший на гитаре, был ранен в руки, а Митя, плясавший отлично, лежал с перебитыми ногами. Попрошались, спешу в полк, со мной попутно идут кинооператоры. Немцы сильно контратакуют, не считаясь с большими потерями.

Но мы беспрерывно наступаем. В сутки проходим пятнадцать — двадцать километров. Это надо смотать и разматывать минимум десять километров кабеля. Людей во взводе осталось немного, пополнения нет. Приходится очень тяжело, но мы делаем солдатское дело.

Идем вперед и непрерывно с того дня — 5 июля. Запомним-ка его, этот день, впервые повернувший меня лицом к Победе...

● Фонвизинский след

● Марьяна Горка — Разлив

● Всего один день

● От старины — до сегодняшнего дня

Ребята из литературного кружка Балдонской средней школы Латвийской ССР, просматривая старые архивы, нашли такие записи:

«19/VIII 1789 г. Встав с постели рано, собирался в Ригу, чтобы там только выбриться, ибо в Бальдонах нет ни зеркала, ни бритвы». «...22/VIII. Обедали в Экау, выехав в 6 часов после обеда, приехали в Бальдоны».

— Это же про наше Балдоне! А Экау, наверное, — Кекава!.. — догадались ребята.

Оказывается, по той дороге, где они ходят каждый день, почти двести лет назад кибитка с ящиком и колокольчиком везла больного Фонвизина. Почему великий комедиограф приезжал лечиться именно в Балдоне — выясняли уже потом, всем классом. Еще в 1784—1785 годах, во время своего заграничного путешествия, узнал он о чудодейственных водах.

Благодаря поиску балдонская средняя школа имеет сейчас очень интересные литературные альманахи.

Далеко город Марьяна Горка от знаменитого ленинского Разлива. Между тем, обо всем, что касает-

ся периода жизни вождя в Разливе, белорусские ребята хорошо осведомлены. Сведения эти собраны в «емельяновской папке» следопытами школьного музея.

Василия Александровича Емельянова, старого большевика, жизнь не раз сводила с Лениным. В 1905 году — в Куоккале, Емельянов приезжал туда за партийной литературой. В 1917 году — на станции Белоостров, когда Владимир Ильич возвращался из эмиграции. Рабочий Сестрорецкого завода В. А. Емельянов охранял Ленина, когда тот жил в Разливе. «Он и его жена, подвергая себя и своих детей огромной опасности, укрыли Владимира Ильича, — писал видный большевик А. Шотман, — за голову которого буржуазия ничего не пожалела бы и за укрывательство которого никого не пощадила бы». И после революции, когда Емельянову по делам службы часто приходилось бывать в Москве, он был одним из немногих, кому Ильич собственноручно выписал постоянный пропуск в Кремль.

Ребята из Марьиной Горки задались целью найти всех, кто жив из семьи Емельяновых. Они отыскали брата Емельянова — Николая Александровича. Ребята повезло вдвойне, по-

тому что и Николай Емельянов был лично знаком с Лениным. В Разливе он помогал брату обеспечивать Владимира Ильича питанием. Приезжал к нему и позже, в Кремль.

Об одном из своих приездов он рассказал ребятам:

«Как-то в Финском заливе мы выловили несколько десятков редких рыбостерлядок. Отправляясь в Москву, я взял с собой две штуки и доставил Ильичу живыми для аквариума. Ильич был очень доволен такой редкостью рыбой, тем более из Финского залива. Потом попросил вызвать представителя из детства, где имелся аквариум, и сказал: «Пусть ребяташки позабавятся!»

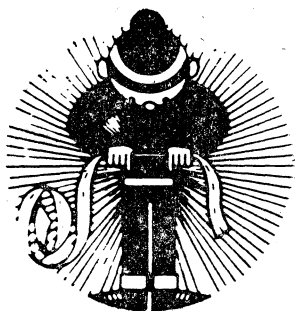
В школьном музее хранятся и воспоминания других людей, знавших Ленина.

К дяде Егору деревенским следопытам дорогу показывать не надо было. Ребята из Урусобинска, что в Гаврилово-Посадском районе Ивановской области, уже знали о многих своих односельчанах — участниках Отечественной войны. И вот неожиданность! — в родных местах оказались

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

защитники Москвы и Ленинграда, участники Сталинградской и Курской битв, штурма Будапешта, Берлина...

Егор Павлович Антонов жил на самом краю села Санково.

— Да ведь я, ребята, на войне-то, можно сказать, и не был...— сказал он, чем немало озадачил следопытов.

— Так ведь вы ранены были?!

— Верно, был... Инвалид войны считаются. А воевал-то я всего один день.

— Как это, один день?..

— Да вот...

Неразговорчив дядя Егор. Но никак ребята не могут смириться с тем, что рассказ так короток.

— А где это было, когда?

— Под Москвой. Осенью сорок первого... Танки на нас шли. А мы не пускали. И все. А чего еще...

— Ну и не пропустили?

— Нельзя было,— простодушно ответил дядя Егор.— Такая наша задача была.

Вот как просто все выходило у дяди Егора... Разве немцы под Москвой пробиться не хотели? Сколько их генералов, может, ломали голову над тем, как прорвать оборону вот на этом маленьком участке, за который грудью стоял земляк? И земляк, в первом же бою получивший тяжелое ранение,— так что и сейчас на теле от осколков живого места нет,— стоял насмерть. И немцы не прошли.

После разговора с дядей Егором ребята поняли, что было главным на

войне. Долго ли, коротко ли суждено было воевать солдату,— а каждый выполнил свой долг до конца.

Стенды рассказывают о заслуженных учителях области, которые работают в школах по сегодняшний день. О педагогах первых лет Советской власти— воспитательнице трудовой коммуны Агнии Ивановне Курочкиной, учительнице школы ликбеза Елизавете Азарьевне Выходцевой и других. Представлены первые книги для чтения, изданные в тридцатых годах.

Удалось найти старые фотографии мужской и женской гимназий, реального училища, первого выпуска слушателей учительского института в 1909 году. Школьные следопыты собрали интересные материалы о томском купце-просветителе П. И. Макушине, открывшем в городе воскресную школу и бесплатную библиотеку-читальню, а в губернии— книжные лавки. Есть и сведения самой большой давности: о том, что первая школа в Томске открылась в 1744 году— это было двухклассное духовное училище; а спустя сто с лишним лет на огромных пространствах Нарынского края были лишь два церковноприходских училища...

Музей истории народного образования создается в самой «молодой» школе Томска— школе № 14, возраст которой всего один учебный год.

● Клуб «Параллели» работает в средней школе № 6 города Красноуральска Свердловской области. Школьные краеведы в последней своей экскурсии в Оренбургскую область «обнаружили» еще два Красноуральска. Правда, это не города, а маленькие деревни, но ребята нашли там новых друзей.

● В таежном якутском селе Абага торжественно открыт памятник семнадцати пионерам, принявшим в 1927 году бой с вооруженным отрядом белобандитов. Об этом интересном случае из истории пионерии наш журнал рассказывал в первом номере за этот год в заметке «Якутские Мальчиш-Кибальчиши». Железобетонное сооружение памятника напоминает пылающий костер.

● Следопыты из украинского села Путиловичи, разыскав родину лейтенанта Н. М. Барышева, написали письмо с просьбой выслать фотокарточку погибшего офицера. Вместо фото из Палеха пришла посылка с портретом героя. Портрет выполнен в палехском стиле художником А. С. Николаевым. Так знаменитые мастера из Палеха отблагодарили следопытов за поиск земляка-героя.

● Пачку старых документов нашли под потолочным перекрытием в старом доме ребята из дальневосточного поселка Ольга. Это оказались приказы и инструкции уездной полиции конца XIX века. Надо полагать, историки найдут в них немало интересного.

● В гостях у пионеров московской школы № 75 побывал бывший военный фотожурналист Михаил Петрович Ананьев. Он привез в школу большую выставку — фоторепортажи военных лет из Бреста, Хатыни, Минска...

● Свое двухлетие отметил музей русского быта при 751-й московской школе. Здесь собрана отличная коллекция старинных предметов — сбруя, люльки, ухваты, коромысла, прялки, серпы.

● Землянка в три наката обшита горбылем. Все в ней осталось так, будто солдаты отлучились ненадолго и вот-вот вернутся. Копилка из снарядной гильзы. Гармонь на топчане. Ручной пулемет у амбразуры... Этот «живой» музей создали у себя следопыты села Сидельниково Омской области.

● Музей Маршала Советского Союза И. С. Конева создают учащиеся средней школы № 1 города Никольска Вологодской области. В Никольске, на заре Советской власти, Иван Степанович Конев работал военным уездным комиссаром, отсюда ушел в 1919 году добровольцем на фронт.

● Литературный музей ленинградской школы № 408 располагает многими любопытными экспонатами. Только более двухсот фотографий рассказывают о жизни и творчестве Анны Ахматовой; есть здесь редкие портреты Пушкина, Есенина, экслибрисы, значки, копии скульптур, автографы.

● В павильоне «Юные натуралисты и техники» на ВДНХ — 362 экспоната. Один из них — парашют, с которым прыгала во время учебы в аэроклубе первая женщина-космонавт В. Н. Николаева - Терешкова,— представлен ярославской средней школой № 32.

● На Алтае вышла книга местного краеведа А. Д. Сергеева «Факел поколений». В ней отражена история следопытского движения, даны сто двадцать маршрутов по местам революционной, трудовой и боевой славы.

ТРЕТИЙ НОМЕР

Рассказ

**Анатолий
НОВИКОВ**

Рисунки
Н. Мооса

Такое вот классическое деление: бортпроводник номер один, номер два и номер три, самый последний. Первые два, обычно, девчонки, женщины. А третий — парень. Вроде меня.

Не мужская работа? А по каким признакам определить: женская или мужская?

За два часа до вылета будь добр, третий номер, явись на коммерческий склад проверить груз: олово-золото, меха, часы, этикетки, трубы, изотопы — да мало ли что. Если вылет в три по Москве, то во сколько мне вскакивать надо? У нас два часа разница... Затем — чемоданы, ящики и авоськи.

Вот так, женская ли эта работа — полтонны добра за пять минут затарить?

А разгружать приходится чаще всего ночью. Летом еще туда-сюда. Но зимой! Торчишь неприкаянно под самолетом где-нибудь в Кирове или Кемерово, Салехарде или Свердловске. Пока грузчики подъедут, пока обстоятельно, согласно центровке, выгрузят — стоишь. А ветер свищет в две тяги. Небо черное, и прожекторы высвечивают тускло и сыро, словно

Новиков Анатолий Иванович родился в 1943 г. в городе Норильске. Рано начал трудовой путь. Работал фрезеровщиком на заводах Саратова и Ленинграда, техником-путейцем в Вологде, радиотехником в свердловском аэропорту. Отслужил в армии, закончил университет, теперь — журналист. «Третий номер» — первая журнальная публикация.

лампочки в подъезде. Грузчики — из люка в люк, как привидения. Только по их ржаной ругани и определяешь — действительность!

Случается, что за ночь, когда задерживается рейс — чаще всего по причине технической, — пассажиры вытаскивают меня несколько раз из теплой постели. Чемоданы требуют, чтобы смотаться на поезд. Идешь, откупориваешь багажник. И так постоянно.

По всему этому я утверждаю, что третий номер обязательно должен быть парнем. Самая мужская у нас работа, что бы там ни говорили. И интересная. Кто поднимался в небо, тому на земле дышать тяжело. Тянет ввысь.

За два года весь Союз облетел вдоль и поперек. Сейчас — на Северном Урале, а завтра — чай буду гонять на цветном базаре Ташкента. Сегодня загораю в Сочи, а завтра — дефилирую перед статуями святых у кафедрального собора во Львове. И так каждый день, не соскучишься. Сегодня — плюс пятьдесят, Душанбе, фрукты-овощи, базарный гвалт, бегодня, а завтра — посиживаю себе на берегу Амура с удочкой, окуней таскаю. Ни тебе забот, ни тебе печалей.

Плохо-бедно — миллиона два на личном спидометре. Свои маршруты я на карте отмечаю. Такая паутина соткана — запутаешься. Нет, наверное, даже среднего города России, где бы не побывал. Ухожу с самолета последним, но успеваю все же обойти в новом городе достопамятные места.

Работаем мы, как уже говорил, тройками. Две девушки еще в нашем экипаже. Не скажу, что красавицы, но симпатии хоть отбавляй! Арину, к примеру, сфотографировали на обложку журнала «Гражданская авиация». Когда на юге выдается денек, идем на пляж. В девчонок моих влюбляются с ходу. Понятное дело. А им когда влюбляться? Сутки в одном городе, сутки — в другом, полдня — в своем. Личного времени — как у солдата. Оттого многие из них не замужем. Поезет, скажем, встретит в полете парня. А через час — привет, прощание. И не известно, когда еще встретятся.

Мои девчонки тоже свободные. Все некогда, некогда, некогда... Впрочем, может, это и к лучшему. Хотя мне по-человечески жаль их. Каждый день сотни людей проходят, тысячи лиц в месяц — и все мимо, стороной. Мы, как актеры на сцене. Все нас видят, нам — благодарности и улыбки. А мы всматриваемся и не видим.

Зато сколько радости при встрече с человеком, с которым раз уже летал, в чем-то помог или просто разговаривал. И ему приятно, если, конечно, человек добрый. Там, наверху, вообще чувства острее, сильнее, настроение четче, и знаешь, что тебе надо, а чего — нет. Это не философия, а как есть на самом деле.

Недавно вот. Летим строго на запад из

Владивостока. Поднимается с кресла капитан. Спрашивает задумчиво:

— На флоте служил?

— Нет, — отвечаю.

— Лицо мне твое знакомо.

— Да нет, — повторяю, — меня бы волной смыло с палубы. Не переносу качки.

— Где-то видел тебя, паренек!

Так и сидел он, догадываясь, где и когда. Потом вспомнил. Пришел на кухню с двумя бутылками армянского. Смеется.

— На, — ставит бутылки на стол. — Я твой должник. Ты же мне в прошлом году помог билеты достать для семьи. Помнишь, в Ленинграде?

— Конечно, — говорю, — помню.

А сам, убей, не помню. Может быть, так оно и было. Или не было.

— Нам пить нельзя, — сказал я ему. — Пригодится, товарищ капитан первого ранга, этот напиток вам.

— Я твой должник, — твердо говорит капитан.

— Ну что ж, — отвечаю. — Вот вы меня и возьмите на свой эсминец, когда нужно будет...

Таких встреч — тысячи. Что бы там ни говорили, а приятно, что тебя помнят.

Ну и жизни! На будильнике — половина второго. Спать хочется. Почти по Чехову. Глаза слипаются — хоть спички вставляй. Будь я большим человеком, дал бы стране выспаться. Всем, не выходя из дома, спать трое суток. Ну, не стране, так третьим номерам. Под угрозой лишения премиальных.

Набегался вчера с мячом, будь он проклят, пузырь. Тело болит. Надо вскакивать. Надо! Когда с кровати не сползаешь гусеницей, а выпрыгиваешь из нее — день легко двигается. Зарядку — по боку. Чаек покрепче, погуще — это дело. Два стакана, и бодрой рысью на предполетный. Вот и зарядка.

Сегодня дежурная медсестра Варечка. Всегда весела. Так и надо. Пульс нащупывает. Записывает. Порядок — семьдесят два удара в минуту — больше не бывает. Даже если нездоров или волнуешь: армейская закалка. А это кое-что значит... До свиданья, Варюшка. Цветов? Обязательно, сколько подниму. Привет!

Теперь на грузовой склад. Коммерческий, как именуется он официально. А всей коммерции — ящичная карусель, дынно-помидорная композиция. Хотя здесь, по правде говоря, всего навалом. Сказочность товарного двора... Так! Вот и мой груз. Уже на машине.

Бригадир, дуб здоровый, лицо черное, грек, наверное. Бровями густыми шевелит — задумывается. Ничего ценного, бригадир? Давай ведомость, посмотрим. Ничего. На этот раз ничего.

Двадцать пять ящиков подшипников да две связи медных прутьев. Это и без моего надзора загрузят, хотя потом надо будет лезть в багажник и пересчитывать. Береженого — бог бережет.

Теперь — в службу.

Так и есть. Народу — не пробиться, не протолкнуться. Но так встречаемся мы редко. Иной раз месяца три летаешь и не видишь соседа по платежной ведомости.

Кто улетает, кто прилетает, кто в резерве. Кто смеется, кто дремлет, кто откровенно, пошкольному, спит. К полудню не останется здесь почти никого, кроме дежурной да инструкторов. Все — в небе, над облаками.

Ага! Как всегда, толчея около Арины. Моего первого номера. Хохочут. Если она начинает рассказывать — поясицу тянет от смеха. Сколько всякой всячины знает: музей впечатлений и событий. И преподнести умеет. Мастер жанра, как говорится. Послушаем.

— Открыли контейнеры, — заливает Арина, — подогрели завтрак. Наташенька накормила два салона. А на третий — мало, недовложили. Сами знаете, пассажиру не объяснишь, что цех виноват. Ему что бортцех, что метеослужба — все аэрофлот. Ну, ладно. Кто-то из экипажа отказался, и мы есть не будем. Андрей,

правда, поел. Он у меня всегда голодный мальчуганчик. Примчится снизу и кричит: «Мать — есть! Может быть, в последний раз!» Думали-гадали, как пять порций курицы на десять разделить. Стали резать и ломать, как в песне поется. Разложили по тарелочкам, гарниру — побольше. Но в «хвосте» компания какая-то веселая сидела. Один аналитик тарелки все осмотрел и говорит вдруг:

— Девушка! Что у нас на завтрак?

— Курица, — отвечает Наташа.

— Да? А я думал — сороконожка!

— Почему? — не сдается Наташа.

— А вы посчитайте, сколько у нее ног!..

Служба хохочет. Умеют девчонки рассмешить. Молодец, Арина!

Ладно, двинусь к самолету: чего доброго, и про меня расскажет что-нибудь. Конечно, расскажет. Но лучше — без меня. Вот первый номер мне выпал! Голос мощный и хорошо поставлен. Лешка-радист точно определил ее во времени и пространстве, словно мерку снял: «Арина — козырь, — сказал он. — И козырь явно выраженный!» И это так. С ней не пропадешь ни на работе, ни на гулянке. Как за каменной стеной. Всякое ведь бывало.

В Хабаровске при нас обсчитали паренька-

задавашку. Губошлепа. Рублей на тридцать. Паренек пьяненький. Вернулся, видимо, с моря вот-вот. От трещниц штаны трещат. С ним — довольно теплая компания прихлебателей. Энтузиасты чужих запасов и сбережений. Третий народец. Рыбак всех поит. Развезло его вконец. Шампанского потребовал. Официантка лицо надула и говорит: «Двадцать рублей. А то не дадут!» Он, несчастный, соглашается: «Все пропью, гармонь оставлю! Гуляй, рыбак!»

Мы — посторонние. Но Арина посочувствовала рыбаку сразу:

— Отдайте человеку деньги!

— Вам-то что за дело? — заскрипела официантка, похожая на сучковатую обнаглевшую палку в переднике. — Ходят тут, по талонам питаются, а туда же. Скажите спасибо, что обслужила!

— Спасибо! — сказала Арина.

Слово за слово, и завелись, шум на весь ресторан. Рыбака Арина отстояла, я его к выходу проводил, от греха подальше. Утром этот тип даже не вспомнит свою спасительницу...

Нет, с Ариной не пропадешь.

— Привет! Добрый день! Здравствуйте!..

Сколько знакомых в этой вокзальной толчее. Не успеваю голову вертикально поставить. Дежурные по встрече, сменные начальники, кассиры, связисты, диспетчеры, переводчицы, электрики, медики...

Вон плывет над толпой громадина — Игнат Скуров. Багажный грузчик экстра-класса. По полю на каре носится со скоростью, максимально приближенной к сверхзвуковой. Чемоданы он не загружает, а сыпает в багажник, словно нет для него земного тяготения. А уж трап подгонит к борту и припаяет — залюбуешься. На шести языках чешет, если дело касается погоды, турнирной таблицы или багажа. Сам улаживает все мелкие международные конфликты. Мастер. Но — без царя в голове.

Раз, по пьянке, собрался домой. После работы. Пешком идти лень. Покатил на трапе. Через все поле на малой скорости, и исчез в тумане. Утром хватились трапа. Забегали. Милиция подключилась к розыску. Ясное дело, отыскали. За шесть километров от аэродрома во дворе Игната. Сам он не помнил ничего. Жена рассказывала, что подъехал где-то в полночь, состыковался со стеной дома и вылез по трапу на чердак.

Думали потом, как его наказать. Под угон транспорта подвести? Мелкое хулиганство инкриминировать? Но где взять тогда такого толкового работника? Так и вышел Игнат сухим из воды.

Носильщики. Веселый народ. Дружный, работающий. Другой бы на месте вон такого старика спать бы завалился после тяжелой ночи. А дед — ничего, «Литературку» читает:

«Интеллигенты клуба ДС». По любому вопросу может с кем угодно поспорить — что твой штатный лектор. С юмором дед. Себя величает «наильником», а работу — вольным промыслом.

Нет, не удастся посидеть с ними, покурить. Механик экипажа идет. Лицо у него толстое, тело полное, походка широкая, а рассуждает тонко. И работает. Во все дыры залезает, все осматривает. «Механик, как сапер, ошибается только раз в жизни, — любит повторять он. — Потом его увольняют». Так он говорит, когда его торопят.

Сегодня летим в Адлер. Это — дело. Больше всего в жизни я люблю купаться. Особенно в море и под душем. Люблю море и тепло. Люблю ящерицей повернуться на горячих камнях. Хороший городок Адлер. Я раз там даже на перепелов охотился. На холмах в густых кукурузных полях много птицы. Саданешь палкой в желтое шествие — и бей влет, чтоб перья сыпались. Хорошая охота в этих желтых кукурузных полях.

«Не озирайся на улицах города и не броди по переулкам», — советовали мудрецы средневековья. А это моя страсть — бродить по улицам неизвестного города. Идешь улочками, любуешься миром. Вглядываешься в лица — ни одного знакомого. Странное ощущение, будто попал за границу. Все иначе: вывески не там и не так приколочены, темп движения другой, смех. Про архитектуру уже не говорю. И в каждом городе — своя походка у пешеходов, свои жесты. Все — не такое.

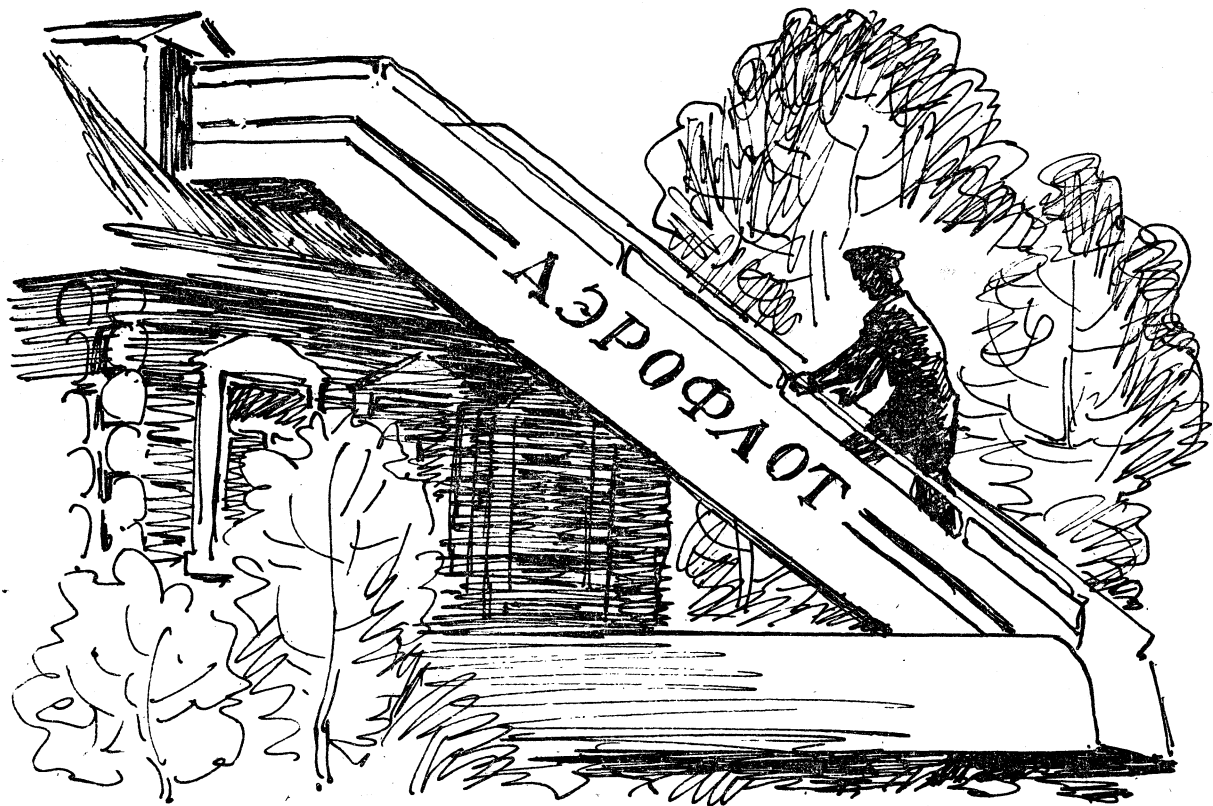
Ладно. Надо опередить механика. Мне следует раньше его попасть на борт. Принять почту, груз проверить, баллоны кислородные и еще тысячу и одну мелочь.

В салоне без пассажиров тихо. Пахнет леденцами и химжидкостью. Леденцы видеть не могу.

На кухне шуршат Арина с Наташей. Когда успели примчаться?.. Как обычно, прихорашивают. Им работать в салоне, на виду. Все должно быть отретушировано. К концу рейса они устанут, привянут. Но тогда пассажиры уже сойдут на землю, а мы отдохнем на берегу моря.

Надо идти вниз. Привезли почту. Как далеко видно с трапа. Разбросаны по зеленому квадрату поля радионавигационные объекты: ближние приводы, пеленгаторы, радиолокационные станции. Выстроились белыми рядами лайнеры, большие и малые самолеты. То и дело какой-нибудь из них вырывается на взлетно-посадочную полосу.

«Привет!» Экипаж прикатил на стареньком автобусе. Поднимаются гуськом по трапу, соблюдая субординацию. Лица у всех красные, пропеченные. Короткий осмотр самолета.

Пилоты — в кабине. Ворочают рули, элероны, закрылки. У штурманов свои заботы. Один Лешарадист вроде не при деле. Включил рацию, настроил, проверил громкоговорящую сеть и спустился вниз...

— Третий номер, третий номер! Ты чего там, али помер?

Это — Игнат! Осваивает поэзию. Но если освоит, то кто же чемоданы грузить будет? Вообще, среди тех, кто обслуживает самолеты, много одаренных людей. Есть даже бывшие знаменитости: поэты, публицисты-аграрники, виолончелисты. В Красноярске или Краснодаре, не помню, подкатывает один на каре. Лицо розовое, улыбка ясная, дух вольный. До запуска несколько минут остается, а он вдруг запел. Арию Ленского. И пел так проникновенно! Пока не допел до конца — не грузил багаж. Оказалось: бывший тенор крупного театра.

Летом, спозаранку, грузить багаж удивительно приятное дело. Игнат исчез в открытом люке. Потом появился, как в кадре, подмигивает. Беру первый чемодан. Ого! Килограммов на двадцать пять. Наверное, книги. Хотя, насколько мне известно, литературу на юг не берут. Прощай, чемодан! До встречи на Кавказе. Второй, третий... семидесятый. Этот с наклейками. Есть время у человека этикетки ляпать... Сто один. Сто два. Все. Финита. Конеч. Баста.

Игнат внутри застегнул ремни предохранительной сетки. Выпал из люка строго вертикально. Кажется, все. Нет. Ждем опоздавшего пассажира. Так почти всегда. Классический вариант, когда сто одного ждут. Коленкин, первый пилот, сейчас мрачно расхаживает вокруг самолета. Можно понять его. Зато дежурная тянет до последней секунды. И ее нужно понять.

Вот и опоздавший. Да ведь это популярный певец! Круги по перрону выписывает, словно блуждающий форвард. Белый костюм измят, галстук на плече.

— Вот и я! Извините! Извините — задержался!

— Пожалуйста, скорее! — говорит дежурная. — Пожалуйста!

Она млеет и горда, что может оказать услугу популярному певцу.

А вот и Коленкин. Он нетрезвых за три с половиной версты чует. Поднимается по трапу и говорит:

— Все. Поехали!

— Меня пропустите! У меня же билет!

— Вы, кажется, выпили?

— Вам-то что за дело? Ну, выпил.

— Отгоняйте трап! — говорит первый.

Второй делает отметку в ведомости дежурной. Та уныло спускается.

— Мне просто необходимо срочно улететь! Пардон! — качнулся к перилам исполнитель.

— Был бы самолет мой, личный, — взял бы вас, — доверительно и мягко говорит пилот. — Инструкция запрещает брать на борт нетрезвых.

— Бюрократы! — кричит певец. — Воздушные бюрократы, черт бы вас подрал!

— Если начальник говорит, что броню проела тля, значит, ее проела тля!

Это Лешка-радист. Всегда у него наготове формула для любой ситуации.

— Вы ответите за это! Я... (следует громкая фамилия).

— А я — Коленкин! — отвечает пилот.

И мы поднимаемся по трапу. Певец мечется вниз, доказывает что-то траповщику. Тот соглашается, кивает. Почему бы и не посоглась?

Прохожу салоном. Жаль, что так получилось вниз. Вообще-то командир наш добрый. Иногда берет, если по срочной телеграмме. А этот тип определенно будет жаловаться.

Мерный гул двигателей, пассажиры — у иллюминаторов. Иду — на меня поглядывают. Ах, не пилот я, не пилот! Рядовой член летно-подъемного состава. Ни одного знакомого лица. Хотя, нет. Вон улыбается скромный паренек с портфелем на коленях. Пятый или шестой раз летим вместе. Какой-нибудь спец. Инженер по холодильным установкам или физик. Тоже мотается бедолага.

Удивительное дело: несколько свободных мест в третьем салоне. Можно и посидеть минут пять-десять.

«Фастен ю белтс! Плиз!» Удобно для душевного спокойствия. Только вот почему на многих наших самолетах английские призывы? Арина напоминает по микрофону всем пассажирам, чтоб пристегнули ремни и не курили.

Самолет идет по рулевой дорожке, выворачивает на старт. Еще раз двигатели запущены на полные обороты, режут. Где-то рядом диспетчер дает «добро» и «счастливого полета». Самолет, как птица перед прыжком в воздух, заваливается чуть на хвост, тормоза отпущены — пошли по прямой. Мелькают бетонные швы...

Полет прекрасен. Ощущение полета. Взлетишь — и словно освобождаешься от всего вчерашнего, будничного. Простор. Солнце — прямо в висок. Бездонная темная синева над тобой. Посмотришь вверх подольше — и холодно. А внизу — зеленым-зелено и желтые пятна. Так легко на сердце. И это уже не борт номер такой-то, а серебряная флейта...

А вот и Арина. Сейчас увидим интересные жанровые картинки. Понаблюдаем отрешенно.

Солдат. Так и знал! Берет одну конфетку, а благодарит, как за пуд.

Рабочий, кажется. Тоже одну берет. Подумал — еще одну. Без спешки, обстоятельно.

Некто в дорогом костюме. Может быть, директор или актер. Вежливо отказывается, кладет на поднос Арине приличную шоколадку. Понимает рафинированная кочерыжка, что к чему.

Две упитанные дамы, продавщицы, вероятно, — на двух пальцах по три золотых кольца. Пальто не сняли, чего-то боятся. И тут — в точку! Гребут с подноса, сколько могут. И разговорчик, слышанный мною не раз: «Бери, Зина, побольше. Бери! Все равно у них остается, и они тащат себе. А мы деньги плотим!»

Ну, люди! Взять леденец, что ли, чтоб не стошнило?

Еще персонаж. Спящий пассажир. Вечно дремлющий. Ночь ли на дворе, день ли — спит. Тридцать часов будем лететь, столько же проспит. Только одно ему надо — чтоб вовремя разбудили.

Зеленый сигнал на щитке загорелся. Вызывает командир. В кабине делом заняты. Гул приглушенный, прибитый встречным потоком. Кругом — праздник приборов. Коленкин плотненько сидит в кресле, руки на штурвале. Скоро и мне сидеть в кабине, работать, может, даже с этим экипажем. Еле пробился на курсы радистов, хотя в армии два года занимался этим же.

За стеклом — белесое марево. Тучи не тучи — обложение какое-то. Локатор чист. Лето. Весенние грозы отплескали, отшумели. Над нами цепь белоснежных гнутых облаков. Застывшее ослепительное шествие. Иногда верится, что все это — твердь. Так и подмывает выскочить, постоять на тучке, пританцовывая. Можно, наверное, соорудить лыжи необычной ширины и легкости и бегать по такому полю в свое удовольствие.

— Как пассажиры, Андрей?

— Чувствуют себя нормально, командир. Не трясет. Жалоб нет.

— Вот и отлично!

Штурман протягивает бумажку с информацией. Прибытие... Скорость... Высота... Температура...

Опять в салоне смотрят на меня. Явление из кабины — порядковый номер «три». Болтанки нет, и пассажиры чувствуют себя молодцами и путешественниками, которым сам черт не брат. Паренек с портфелем снова улыбается. Надо с ним потолковать «за жизнь».

А пока есть время посидеть в третьем салоне у окошечка, подремать неторопливо. Девчонки разогревают походный обед в сотейниках, и от кухни приятно наносит куриным бульоном. И мы летим, летим, закрыв глаза, — парим над цветными квадратами далекой теплой зимы...

Вот так вспышка! Откуда? Взрыв!
Пассажиры повскакивали с мест. Молния?
Горим?

— Оставайтесь, пожалуйста, на местах!
Пристегните ремни. Ничего не произошло!

Кажется, правый движок задымил.
Арина уже здесь. Механик в первом салоне... Снижаемся. Почему так резко?

— Ничего опасного, товарищ. Абсолютно не опасно! Абсолютно!

Кажется, начинается тихая паника. Такое напряжение. Сидят, как на электрических стульях... А лица! У меня такое же... Все? Не может быть! Не может быть. Не может... Я боюсь... Тупо подгибаются ноги. Спокойно! Здесь — дети и женщины... Спокойно, Андрей! Бог не выдаст, свинья не съест...

Не снижаемся — падаем! Тело — вверх, душа — в пятки... Противно, и ничего с этим не могу сделать... Пламени не видно. Сработали огнетушители. Почему мне показалось, что горим?

— Я вам сказал, дорогой товарищ, непредвиденная маленькая техническая неисправность. Совсем небольшая! Говорить о ней противно!

Кто предполагал, что попадем в такое место, где резвятся на воле шаровые молнии. Локаторы были чистыми, сам видел...

Инструкция! Чуть не забыл. В кабину скорее — уточнить. Мой люк — на кухне...

— Ничего опасного, уверяю вас. Небольшой электрический разряд. Как в школе, помните? Между электродами выщелкивается голубая искорка. Тут-тук — и нет ее.

...Это паника... Сидят, как раздавленные... Спокойно, Андрей! Спокойно! Наверное, у меня сейчас лицо утопленника... А девочки — спокойные на зависть и предупредительные, словно ничего не произошло.

Командир даже не обернулся, когда я вошел. Лешка — более изолятора.

— Молния?

Ясно и так! И мы несемся вниз сквозь холодный пар, обволакивающий самолет... Шпарим... Лешка показал рукой. Разряд прошел через нос. Все локаторы и радио — вдребезги. Рванул движок, и еще что-то там произошло. Определить невозможно. Даже на земле причину ищут долго.

Лешка работает с землей по УКВ станции, а в руках у пилотов не штурвалы, а плуги с непомерным пластом тяжелой земли...

— Садимся, Андрей, на запасной аэродром. Земля уже знает. Предупреди девочек, пусть будут повнимательнее. Сам действуй по инструкции.

— Есть! Понял вас, командир!

Отвечаю, словно бы я еще в армии, от испуга, наверное. Поворачиваюсь и выхожу из кабины на сотни настороженных глаз.

Бегу на место. Нет, не бегу. Иду неторопливо, как прежде, чуть улыбаясь, и сам удивляюсь своей выдержке. И улыбаюсь не показно, не во всю ширь и наглядность, а вроде бы своим мыслям, незаметненько вроде бы.

Сейчас от каждого члена экипажа зависит, чтоб не гробанулись. И от пассажиров. Главное, чтоб не метались.

Мой люк. Вот так снижение! Что-то у них там еще кроме движка... Ух! Ноги подгибаются, тело — вверх... Надувной спасательный трап... Вот он... Спец, этот парнишка, — рядом. Помогает... Земля — вот-вот... Чувствую телом...

Весь третий салон уже на ногах. И со второго проталкиваются люди. Мой помощник, знакомый мой спец, усаживает всех на места, сдерживает в проходе людей. Земля уже рядом... Наверное, не выходит шасси, и мы летим без должного торможения...

— Слушай, парень! Открою люк, ты прыгай вниз. Принимай детей, женщин, лови всех. Только не убегай. Не убегай только... Прошу... Я тебе литр поставлю — выпьем. Не слиняй только — разобьются дети. Вот так сделаешь и так — трап раздуется. Но это когда трап — снаружи. Если надуешь сейчас — заткнет все ходы-выходы. Всю кухню. Ты понял, парень? Только не убегай...

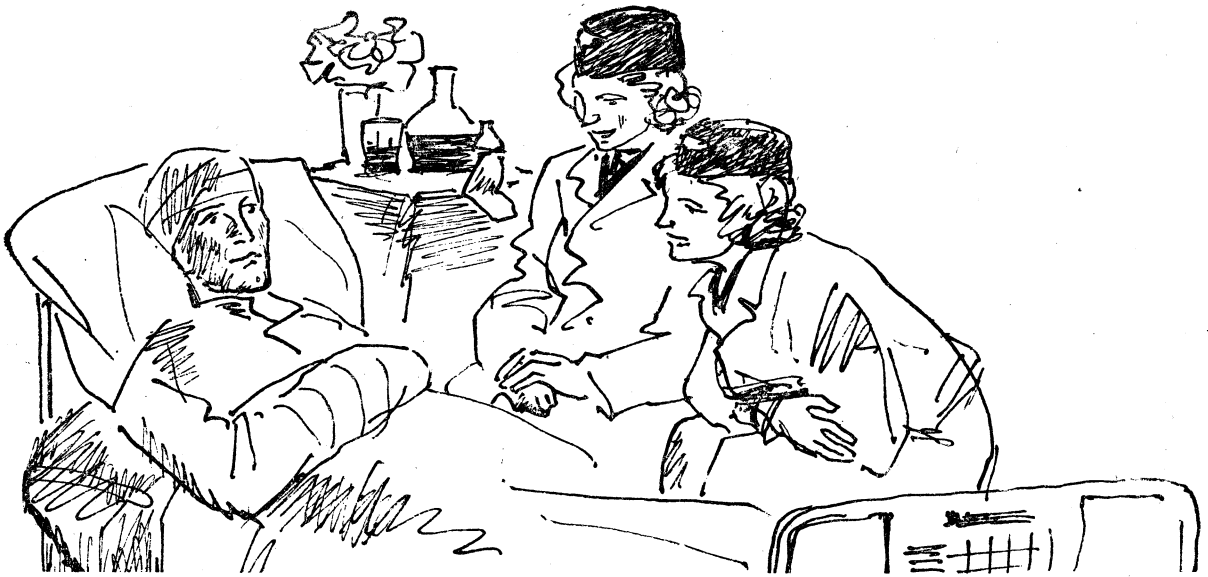
Земля! Вот так удар! Так можно и вспыхнуть! Но страх сразу отлип. Это же земля! Выкрутимся! Сейчас пожарные, наверное, несутся рядом с нами и поливают почему зря из брезентовой кишки наш лайнер.

Подождите! Успокойтесь! Все сделаем быстро! Не мешайте — вы первыми сойдете!

Это продавщицы пробилась вперед и мешают открыть люк. За ними лезут остальные... Обидно! Хотя на несколько еще секунд сдерживать... Спокойно, Андрей! Давление внутри салона спало. Пора открывать. Рви дверку! Еще! Еще! Как кричат продавщицы — волосы дыбом!

Люк припаялся... Заклинило? Рви, Андрей! Кожа с живого, — а рви на себя! Еще!.. Еще... Задохнуться на земле? Черта с два! Надо бы топором! Надо бы топором. Есть! Отскочила...

Расписали бы потолок, что ли? Весь день глядеть, не цевельнувшись, в эту известковую тоску... Сколько я здесь торчу? Почему? Не помню. Дверь люка отскочила, дохнуло свежим воздухом, самолет уже останавливается. Тут, наверное, меня и прихлопнули. Как муху. Грудью о дверную ручку. Раскупорили — весь воздух вон. Грудь в гипсе, пошевелиться нельзя — побаливает. И дышать тяжело. Сдается мне, что пары ребер я не досчитаюсь по выходе отсюда... Людей понять, конечно, можно. У каждого семья, дети. Что лукавить? Жить хочется — мешкать нельзя. Паренек тот, спец, свой человек. Не будь его — не торчал бы я здесь сегодня, в осадок бы выпал.

Кто-то стучится вежливо. Корреспондент нашей летной многотиражки. Цветы приволок и сверток здоровый, килограммов на пять. Наверное, с апельсинами. Цветы, словно я юбиляр.

— Привет! — говорит.

— Привет.

— Как настроение?

— Отличное. Парадно-выходное.

— Это хорошо. И все, кроме тебя, живы-здоровы.

Эх, третий номер, третий номер, а поди ж ты — не помер. Чьи стихи? Да поэта одного. Самоучки. Конечно, напиши. Героизма побольше. Мужества. Один на один — со стихией. Вот заголовок. Или — «обратная катапульта». Только не забудь добавить, старина, что душно было в салоне, и поэтому так старательно рвал я дверку. Хотелось свежего воздуха хлебнуть. Очень хотелось...

— Кто выкинул трап? Какой-то пассажир, молодой парень. Выбросил его и помогал всем выбраться, последним выпрыгнул. Но потом оказалось, что никакой опасности, в смысле пожара, не было.

— Прекрасный паренек! Я ему должен... Только когда еще встретимся! Такие люди — по мне. Говоря словами моего деда-бондаря, они — обручи вокруг бочки.

— В суматохе никто не удосужился узнать имя и фамилию у этого паренька. Вроде бы он на рейс другой поспешил, потому что опаздывал, и уехал с пожарной командой, — рассказывал корреспондент.

— А что ему оставалось делать? Он ни перед кем не в долгу. Жаль, конечно, что фамилии не знаем. Но его по документам можно разыскать, по ведомостям. Разыщем и грамоту вручим...

— Там девушки пришли, Андрей. Впустить?

— Что же ты сразу не сказал? Вечность их не видел. Только реветь им не давай. Мне ведь грудь сотрясать нельзя. Подумают: слабый человек. А еще третий номер.

Они вошли светлые, нарядные и почему-то в белых платьях до самых пят. Я смотрю на них, очарованный их неожиданным появлением и великолепными нарядами. В груди стало тесно от благодарности к этим богиням эфира, спасшим корабль, людей от гибели.

Я хочу сказать им несколько теплых слов или поприветствовать, но слова не могу выговорить, и слова приходят на память такие повседневные и ничтожные, что стыдно их произнести вслух. Поэтому я молчу и приподнимаюсь при их появлении. Ко мне возвращается ощущение свободного полета, невыразимого восторга и любви ко всем людям. Протягиваю похудевшую руку и чувствую блаженное прикосновение девичьего плеча...

— Взгляни вниз, — говорит печально Наташа. — Кавказ под нами!

Но я смотрю на нее.

— Ну и спать ты мастер! — добавляет Арина, а я очумело смотрю на них, еще не совсем проснувшись...

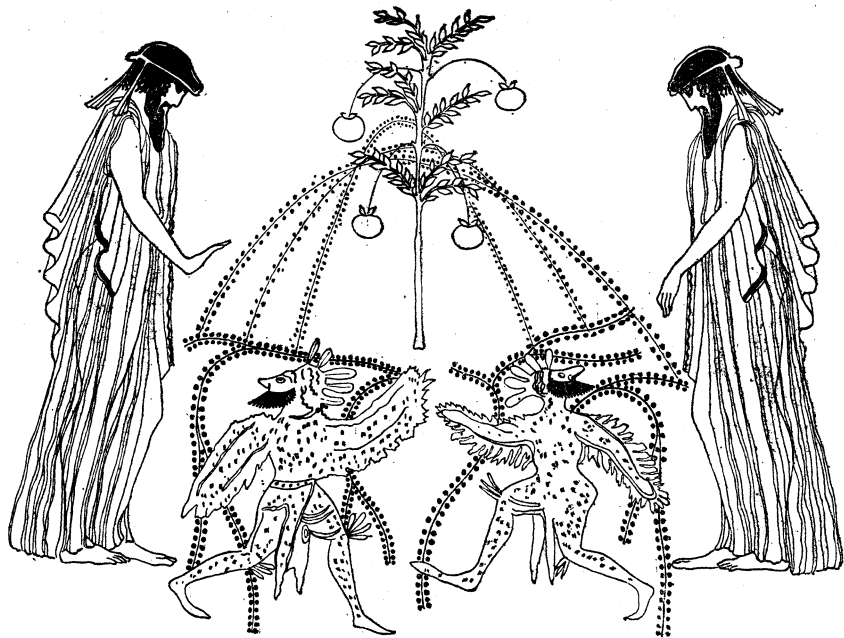
— Тебя вызывает пилот, — сказала Наташа.

Я иду длинным светлым проходом. Внизу неподвижно и сурово застыли белоснежный Эльбрус и теряющиеся в бесконечности ломаные очертания отрогов Большого Кавказского хребта.

Скоро-скоро посадка и море.

РИФЕИ— МИФ И РЕАЛЬ- НОСТЬ

**Игорь
Пьянков**

*Рисунки
З. Баженовой*

РИФЕИ. Что означает это веющее древностью слово? Самый обычный ответ на такой вопрос выглядел бы, пожалуй, следующим образом: Рифеями античный мир именовал Уральские горы. Такое мнение бытует с очень давних времен. В широких кругах образованных людей России, во всяком случае, оно утвердилось еще в эпоху классицизма. Вспомним слова Г. Р. Державина: «С Рифея льет Урал». Наверное, Урал имел в виду и М. В. Ломоносов, когда говорил в своих одах о «верхах Рифейских».

Справедливо ли это мнение? Можно сказать лишь, что оно имеет под собой определенные основания, но не более. История античных воззрений на Рифейские горы — весьма длительна и не проста, и ее, конечно, нельзя отождествить с историей ознакомления с Уральским хребтом, о котором, кстати, античность и не составила для себя сколько-нибудь ясного представления. Что понимали в древности под «Рифеем»?

Прежде всего, несколько слов о самом названии. Правильнее было бы говорить: «Рипы» или «Рипеи» — такие формы употребляли древние греки. Тем не менее, в наше время чаще говорят «Рифеи» — это форма была употребительна у латинских авторов, которые самостоятельными сведениями о Рифейских горах не обладали, а переписывали рассказы о них у греков.

О Рифеях мы знаем только из античных текстов, из сочинений древнегреческих и древнеримских авторов. Но представление о Рифеях значительно древнее и зародилось оно не в античном мире. Об истоках этого представления говорится в недавно вышедшей, очень интересной книге Г. М. Бонгарда-Левина и Э. А. Грантовского «От Скифии до Индии». По предположению исследователей, вполне обоснованному и убедительному, представление о Рифеях с глубочайшей древности бытовало в среде обитателей южнорусских степей. В этих степях жили некогда и предки индийцев. И индийцы, уже переселившись в Индию, сохраняли воспоминания о Рифеях. Действительно, в Ригведе, древнейшем памятнике индийской литературы (конец II тысячелетия до нашей эры), упоминается некая Рипа в качестве мировой горы. О Рифеях знали и более поздние обитатели южнорусских степей — скифы и их соседи. От них-то услышали о Рифеях и греки.

Представление о Рифеях не было каким-то случайным моментом в мировоззрении первобытных степняков. Оно было составной частью целой системы географических представлений, даже, пожалуй, системы мифологической космологии. Вот как Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский реконструируют древний «контекст» представления о Рифеях.

Далеко на севере расположена страна фантастических существ, мрачная и пустынная, непроходимая для человека; далее возвышаются протянувшиеся с запада на восток горы, поднимающиеся до неба, вокруг их вершин вращаются светила; за горами великое водное пространство — Северное море, или Океан; на вершинах гор и на берегу Океана расположена обитель богов, блаженных и душ умерших — область благодатного климата и света, хотя она лежит за страной мрака и холода; солнце там восходит и заходит раз в год, день и ночь продолжается по полгода.

Первые упоминания о Рифеях в греческой литературе появляются в середине VII века до нашей эры. К этому времени относятся и первые контакты греков со степными жителями Северного Причерноморья. Такие контакты могли осуществляться двумя путями. С одной стороны, в середине VII века до нашей эры греческие колонисты достигают северных берегов Черного моря и создают здесь самые ранние греческие поселения. С другой стороны, тогда же волны кочевников, прорвавшихся через Кавказ из южнорусских степей, докатываются до стен греческих городов западного побережья Малой Азии. В Северном Причерноморье или в Малой Азии греки впервые узнали от степняков о Рифеях?

Обычно полагают, что путь, по которому элементы степной культуры проникли к грекам, с самого начала пролегал в Северном Причерноморье. Думается, что для древнейшего времени это не вполне справедливо. Во всяком случае, первые сведения о далеких северных странах попадали к грекам не этим путем и явно не связаны с торговыми интересами причерноморских греческих колоний. Греки в те времена только начинали осваивать Северное Причерноморье, селились преимущественно на островах, а не на самом побережье и, по-видимому, были больше озабочены обеспечением своей безопасности, нежели планами дальних торговых путешествий.

Другое дело — Малая Азия. Первые отряды северных кочевников, киммерийцев, появились здесь, перелезав через кавказские проходы, еще в конце VIII века до нашей эры. В середине VII века до нашей эры неисчислимая орда киммерийских «доителей кобылиц» наводнила Лидийскую землю на западе Малой Азии, взяв ее столицу город Сарды, а вскоре их повозки заполонили и Каистрийские луга близ знаменитого греческого города Эфеса, который также был взят кочевниками. Набегам подвергались и другие города западного побережья Малой Азии,

причем пришельцы из северных степей нередко оседали в них. Такие условия, конечно, открывали широкие возможности для самых тесных контактов степняков с греками. Более близкое рассмотрение обстоятельств, при которых греки впервые узнали о северных странах, подтверждает, что сведения о севере проникли к грекам действительно в связи с событиями в Малой Азии.

Один из первых греческих авторов, упоминающих о Рифеях, — поэт Алкман. О жизни Алкмана мы знаем мало. Известно, что в основном его деятельность связана со Спартой, но родина поэта — Сарды. Начало его жизни приходилось как раз на период киммерийского нашествия и разграбления Сард. Может быть, и родные места Алкману пришлось покинуть именно в связи с этими событиями. В детстве на родине он и мог впервые услышать о Рифеях.

Другой ранний греческий автор, упоминающий о Рифеях, — поэт Аристей. Аристей жил в городе Прокоонесе, расположенном на одноименном острове в Мраморном море, но родом был, возможно, из Эфеса. Аристей Прокоонесский — одна из самых интересных и загадочных личностей древности. Судьба Аристеев была столь необычна, что породила множество самых удивительных легенд. Под их влиянием многие современные ученые вообще отказывались признать реальность Аристеев. Однако последние исследования показали, что отрицать историчность знаменитого прокоонесца нет оснований.

Аристей, служитель Аполлона, решил посетить страну гипербореев, избранников бога, которому он служил. Страна гипербореев считалась излюбленным местопребыванием Аполлона. Самых гипербореев, сказочных блаженных людей, греки помещали в разных уголках Земли, но всегда на крайнем севере. Как определил координаты гипербореев Аристей?

Много бедствий принесли киммерийцы греческим городам Малой Азии, но они же неизмеримо расширили географический кругозор греков. Аристей знал, что киммерийцы, вторгшиеся в Малую Азию, были вытеснены из северных степей скифами, а скифы, в свою очередь, двинулись в эти степи со своей родины под нажимом исседонов. Ранее, до столкновения с киммерийцами, греки и не подозревали, что мир простирается так далеко на север. Естественно, что Аристей, определяя местонахождение страны гипербореев, не мог не принимать во внимание этих новых сведений о далеком севере.

Итак, Аристей отправился в путь. Из своего родного города он

исчез при каких-то таинственных обстоятельствах, будучи «охвачен Фебом» (Аполлоном), — так он сам объяснял впоследствии. После долгого, полного опасностей путешествия добрался до страны исседонов. Идти еще дальше он не смог. Может быть, в связи с этим один греческий поэт позже воскликнул: «Никто из смертных ни по морю, ни по земле не может найти чудесной дороги к жителям гипербореев!»

Возвратился на родину Аристей спустя шесть лет. Здесь он составил поэму, которую позже греки назвали «Аримаспеей», и опять исчез, отправившись в новое путешествие, — на этот раз, наверное, с твердым намерением побывать у счастливых гипербореев. Но назад Аристей уже не вернулся.

Путь Аристеев, видимо, пролегал в направлении, обратном движению степных народов. Этот путь можно предположительно восстановить, опираясь на целый ряд фрагментов, восходящих к «Аримаспее». Переправившись с Прокоонеса на северо-западный берег Малой Азии, Аристей сначала подал в греческие города Артаку и Кизик, а отсюда двинулся на восток, придерживаясь северного побережья Малой Азии. Следуя вдоль «шумного и утесистого морского берега», мимо земли суровых халибов, он достиг Синопы, центра киммерийцев. Затем подал к колхам и перелез через Кавказ, через «поднимающиеся до звезд высоты», минуя потоки реки Буйной (видимо, Кубани). После этого Аристей вступил в скифские степи, а от скифов перебрался к их соседям — исседонам, погнав куда-то в район верховьев «дивного потока вечнотекущего Кампаса» (Тобол, Ишим?), впадающего в Северное море.

В землях, расположенных далее, Аристей сам не бывал, но рассказывал о них со слов исседонов. Действительно, в той части повествования Аристеев, которая передавала рассказы исседонов, сразу чувствуется сильная мифологическая струя. Именно здесь Аристей и говорил о Рифеях вместе с их спутниками, то есть о северной теме мифологической космологии.

Описания Рифеев, сохранившиеся в античных сочинениях, обнаруживают некоторую неоднородность. По-видимому, с самого начала существовало два варианта этих описаний, один из которых был основан на рассказах обитателей Северного Причерноморья, преимущественно скифов, а другой — из рассказов исседонов. Поэтому мы условно назовем Рифей первого варианта Рифеями скифской традиции, а второго — Рифеями исседонской традиции. Впрочем, провести четкую границу между вариантами трудно, так как

поздние античные авторы часто переносили детали описания, присущие одному варианту, на другой.

Алкман, судя по некоторым признакам, говорил о скифских Рифеях: «Гора Рипы, сплошь покрытая лесом, черной ночи грудь». Сообщение Алкмана сохранилось в виде фрагмента, контекст его неизвестен. Но характерны такие моменты, как связь Рифеев с ночью и их лесистость. Ту же традицию имеет в виду великий греческий поэт Софокл, писавший значительно позже Алкмана. Он говорит о «полуночных Рипах, расположенных на самом краю земли, за Понтом (Черным морем), там, где «исток ночи, небесные ворота и древний сад Феба». Другой поэт, еще позже, писал о «горах, поросших соснами, сотрясаемых страшными порывами ветра» (здесь игра слов: «Рипы» по-древнегречески — и название гор, и порыв ветра).

Эти Рипы сыграли большую роль в формировании античных представлений о земной поверхности. Первые карты и описания земного круга греки составили в VI веке до нашей эры. Землю они изображали в виде плоского диска, обтекаемого мощным потоком реки Океан. Поверхность Земли несколько наклонена к югу. По ту сторону Понта простирается необозримая Скифская равнина, уровень которой постоянно повышается в северном направлении. На самом краю Земли равнина круто вздымается вверх — это и есть Рипы, хребт необычайной высоты. Рипы являются «причиной ночи», так как за ними скрывается на ночь солнце, обходя с севера земной круг. Именно поэтому Алкман и называл Рипы «грудью» (или «щитом») ночи, — они отгораживали от солнца ночной мрак. В Рипах берут начало большие реки, текущие в Понт по наклонной Скифской равнине. Обычно с этих гор низводили Танаис (Дон), но иногда там помещали и истоки Борисфена (Днепра).

Такие представления о Рифеях оказались очень живучими и еще в течение многих веков, хотя общие представления греков о Земле и ее форме менялись, античные писатели повторяли рассказы о громадном горном хребте, который высится на севере Скифии. Эти рассказы нашли отражение и в географическом сочинении Птолемея (II век нашей эры), как бы подведшем итог античной географии. В грандиозной компиляции, каким был труд Птолемея, наряду с самыми новыми, самыми свежими сведениями, можно найти и множество сообщений, восходящих к глубокой архаике. Например, Птолемей, соглашаясь с древней традицией, помещает истоки Танаиса в Рифейских горах.

Что касается сопутствующих Рифеям образов, то лишь о немногих из них можно сказать, что они действительно фигурировали в скифской традиции. Такова непроходимая снежная страна у подножья Рифеев и, в частности, в верховьях Борисфена, выше сорокадневного пути вверх по его течению. Именно к этой стране, а не к Скифии вообще, относятся красочные описания суровой холодной земли, что мы находим у Геродота, Гиппократ, Вергилия и других античных авторов. Страна эта необитаема из-за снегопадов и страшных холодов. Снег там падает постоянно, хотя летом и меньше, чем зимой. Холода длятся восемь месяцев, но и в остальное время — не тепло. Говорили даже, что лето там продолжается всего несколько дней, причем не очень теплых. Всегда, ночью и днем, страну окутывает густой туман: «Там солнце никогда не рассеивает бледных теней, — ни тогда, когда на своих конях поднимается высоко в эфир, ни тогда, когда омывает красной водой Океана круто спускующуюся колесницу».

С лесистыми Рипами греки связывали и блаженных гипербореев, страна которых изобиловала лесами и рощами. По той же причине, видимо, к гипербореям и Рипам перенесли знаменитые сады Гесперид с золотыми яблоками, за которыми некогда ходил могучий Геракл.

Какова реальная основа сказаний о Рифеях скифской традиции? Скорее всего, представление о громадном горном хребте, который высится к северу от Скифии, возникло под влиянием того факта, что великие скифские реки текут, в основном, с севера на юг: действительных их истоков скифы не знали, и поэтому вполне резонно могли вообразить, что столь обильные реки текут с каких-то очень больших гор. Лесистость этих гор — также отражение реального ландшафта: скифам было хорошо известно, что к северу от их степей простираются в неведомые дали дремучие леса. Даже сообщение о суровом климате у подножья Рифеев, видимо, явилось результатом реальных наблюдений: чем дальше к северу — тем холоднее.

Аристей первым сообщил об исседонских Рифеях. «Аримаспея», поэма Аристей, в которой рассказывалось о Рифеях и вообще о севере, дошла до нас в виде разрозненных фрагментов, по которым можно лишь приблизительно судить о ее содержании. Но контакты греков с исседонами, правда, теперь уже не прямые, а через посредство скифских торговцев, продолжались и после Аристей вплоть до V века до нашей эры включительно. По этим причинам в исседонской традиции о Рифеях

трудно отделить сообщения Аристей от более поздних сведений.

Как выглядит северная тема исседонской традиции в целом?

Исседоны — народ, обитавший в Зауралье, — имели свой вариант сказаний о Рифеях. В греческой передаче он выглядит следующим образом. Рипей (так именовались горы в этой традиции) — высокий хребт, находящийся где-то далеко «вверху», с которого дует Борей (северный ветер) и никогда не сходит снег. Холодные ветры дуют здесь постоянно «вследствие изобилия снегов, льдов и вод: горы никогда не освобождаются от них». Эти горы иногда называются золотыми.

У подножья Рипеев находится непроходимая страна, в которой земля и воздух наполнены перьями. Они не дают возможности путнику ни смотреть, ни идти вперед. У более поздних античных авторов эта страна так и называлась: Птерофор, то есть Пероносная.

На территории между Рипеями и исседонами обитают странные существа: это могучие люди с лохматым, волосатым телом и «с одним глазом посреди лба». Впрочем, во всех других отношениях они выступают как вполне реальный народ: они богаты конями и обладают стадами овец и быков, они воюют с исседонами и теснят их. Аристей называл этих людей просто одноглазыми, а более поздние авторы, дополнявшие сведения Аристей новыми данными, полученными от скифов, — скифским словом аримаспы, которое имело то же значение — одноглазые.

В стране аримаспов, близ Рипеев, находится местность, именуемая «Клифроном Земли». Обычное значение слова «клифрон» — «запор, застав (дверной)», и название в целом, наверное, могло прилагаться к какому-то труднодоступному горному проходу, ущелью. Но смысл названия учеными толкуется по-разному, иногда его переводят и как «дыхательное горло земли». В указанной местности имеется пещера Борей — отсюда и начинает дуть этот страшный леденящий северный ветер. Более поздние античные авторы перенесли пещеру Борей к истокам Танаиса — к скифским Рифеям.

В стране аримаспов, где-то по направлению к Рипеям, находятся богатые золотые рудники. Золото здесь выкапывают из земли, сооружая себе гнезда, свирепые грифы — «звери, похожие на львов, но с крыльями и клювом орла». Грифы водятся «на лугах богатых аримаспов». Очевидно, это луга золотосной реки Плутона (реки Богатства, а может быть, и реки Аида) — потустороннего царства, близ нее и ко-

чуют аримаспы. Последние ведут жестокую борьбу с грифами из-за золота. По другой версии, аримаспы «собирают золото на поверхности песков», похищая его у гигантских муравьев, которые выкапывают золото, делая себе норы.

За недоступными вершинами Рипейских гор, позади всех этих чудовищных существ и мрачных местностей, живут блаженные гиперборейцы. Это счастливые и справедливые люди, здоровые и долговечные, жизнь которых — сплошной праздник в честь Аполлона, которые не знают ни тяжких трудов, ни кровавых раздоров. Страна гиперборейцев — солнечная, с благоприятным климатом. Солнце у них восходит во время весеннего равноденствия, а заходит — во время осеннего, так что день и ночь длятся по полгода. Здесь находится Северный полюс, мировая ось небесной сферы и самые отдаленные пути движения звезд. Над этими местами сияет созвездие «ледяной повозки гиперборейской Медведицы».

Еще далее, за гиперборейцами, — просторы Северного моря. Это море ни в коем случае нельзя путать с рекой Океаном ранних греческих географов. Северное море называли и Кроновым. Иногда его именовали по-скифски Амайкийским, то есть Ледовитым, морем. По-видимому, это то «божественное, бессмертное море», в которое несет свои воды Кампас, река исседонов.

В Северном море находится остров (или острова) блаженных. Не случайно это море называлось Кроновым: бог Крон считался у греков царем островов блаженных и, одновременно, мертвых. Жителей острова греки также называли гиперборейцами. Жизнь их описывалась в общем в тех же тонах, в каких говорилось о первых гиперборейцах, добавлялись и некоторые новые детали: островитяне обитают «под храмом Аполлона» странной круглой формы и «под рекой Карамбином».

Какова реальная основа сказаний о Рифеях исседонской традиции? Нужно сказать, что эта основа прослеживается здесь так же четко, как и в скифской традиции. Причем мифологический покров, наброшенный на нее, иногда состоит из двух слов — исходного, туземного, и вторичного, греческого. Другими словами, некоторые исходные мифологические образы оказываются переосмысленными по-гречески. Кстати, большой вклад в расшифровку образов этой традиции внёс английский ученый Дж. Болтон.

В исседонских Рипеях, мифической «мировой горе», легко угадываются черты Алтая, с его вечными снегами на вершинах и ледниками, —

Алтая, который с древности именовался Золотой горой.

В перьях «Пероносной страны» уже сами древние греки видели поэтическую метафору, по которой скифские сказки имели в виду, якобы, хлопья снега. Но это не так. Пучина птичьих перьев у подножья «мировой горы» — мотив, издавна известный центральноазиатскому фольклору.

Одноглазые лохматые великаны, враждебные людям, фигурируют в преданиях очень многих народов. Правда, исседоны по каким-то, не вполне ясным для нас причинам наделяют чертами сказочных великанов вполне реальный народ, своих кочевых соседей, со стороны которых они подвергались постоянным набегам.

«Запор Земли» — это, скорее всего, знаменитые Джунгарские ворота, через которые с древности устремлялись на запад орды центральноазиатских кочевников. Джунгарские ворота известны еще и своими ураганными зимними ветрами, которые действительно могли навести на мысль о «дыхательном горле» Земли. У местных жителей существовало и поверье о том, что где-то в районе ворот имеется пещера ветров.

Золотые рудники — также вполне реальная деталь. На территории аримаспов находились крупнейшие древние золотые рудники в районе современного города Степняка, которые разрабатывались во времена Аристеев. Тогда же золото, жильное и в россыпях, добывалось в южных отрогах Алтая, по верхнему течению Иртыша у озера Зайсана. Так что под легендарной рекой Плутоном имелся в виду, скорее всего, Верхний Иртыш.

В лице грифов на сцену выступает чисто греческий образ. Правда, ученые полагают, что и в данном случае Аристей вывел под видом грифов каких-то местных чудовищ, охраняющих золото. Наличие подобных представлений у информаторов Аристеев вполне естественно: вокруг мест добычи золота благодаря фантазии золотоискателей всегда роятся образы сказочных существ. Но судьба исседонских стражей золота все же несколько необычна: превратившись в греческих грифов, они уже в новом облике возвратились к жителям степей, в том числе и к древним алтайцам. Судя по искусным изделиям, найденным в алтайских курганах, образ орлиного грифона был тогда весьма популярен. Что же касается гигантских муравьев, то как тут не вспомнить сказ П. П. Бажова «Жабреев ходок»!

Гиперборейцы — тоже греческий образ. Название «гиперборейцы» ввел в северную тему Аристей. Греки более поздней эпохи справедливо отмечали, что о гиперборейцах не говорили ни скифы, ни исседоны. Но предания о блаженных людях, часто близкие

одно другому даже в деталях, имеются в фольклоре почти всех народов мира, имелись они и у исседонов. Так что Аристей, наверное, без труда опознал в исседонских блаженных греческих гиперборейцев. Однако в описании гиперборейцев исседонской традиции имеются и специфические черты, находившие особенно близкое соответствие в представлениях степных или северных народов. Это местонахождение страны блаженных за высокой горой и деление года на один день и одну ночь.

С храмом Аполлона и рекой Карамбином сопоставляются круглая гора и река животворной влаги, стекающая с вершины горы, — этой влагой питаются блаженные. В описании гиперборейцев имеются и некоторые элементы реальности. Так, например, представление о полугодовых дне и ночи отражает условия приполярных стран.

Наконец, Северное море — это, конечно, Северный Ледовитый океан. Характерна связь Северного моря с островом блаженных. Здесь мы опять обнаруживаем соответствие представлениям северных народов: «вниз», вниз по течению северных рек, впадающих в Ледовитый океан, на острове в этом океане они помещают страну усопших. Слияние же представлений о стране блаженных и стране усопших вообще характерно для греческой мифологии.

Древние греки, усвоив представление о Рифеях, органически включили его в свои представления о мире и в свою мифологию. Поскольку в северной теме Рифеи были связаны с гиперборейцами, Рифейские горы стали искать во всех тех местах, куда греческая мифология издавна помещала гиперборейцев. Так, согласно очень старой традиции, — по-видимому, еще до-рифейской, — гиперборейцы обитали в верховьях реки Истра (Дуная). Сюда, к «тенистым истокам Истра», ходил некогда Геракл, то ли добывая маслину, то ли преследуя златорогую лань. Поэтому Истр стали низводить с Рифейских гор.

По мере расширения географического кругозора древних греков, по мере того, как знания раздвигали пределы «земного круга», расширялся и диапазон поисков Рифейских гор. Их искали на крайнем северо-западе известного грекам мира, отождествляя с Альпами. Одновременно сюда переносили и все сопутствующие Рифеям объекты. Так, некоторые авторы объявили гиперборейцами всех тех, кто жил к северу от Альп, а с островом гиперборейцев недвусмысленно отождествляли Британию. Искали Рифеи и на крайнем северо-востоке обитаемого мира. Наконец, на картах некоторых поздних античных геогра-

фов Рифейские горы протянулись по краю всего северного полукружия Земли, вдоль берега Океана, под которым теперь уже понимали внешнее море. Так были изображены Рифеи на знаменитой карте Агриппы, которую начертили на стенах портика, специально для этого построенного в Риме Августом.

Такова вкратце история представлений о Рифеях в древности. Но читатель спросит: а какое же отношение к Рифеям имеют Уральские горы? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам придется возвратиться на северные берега Черного моря. Многие из греческих поселений, существовавших там, превратились к V веку до нашей эры в крупные, многолюдные города. Одним из таких городов была Ольвия на берегу Бугского лимана. На ее рыночной площади всегда толпился пестрый люд. Тут можно было встретить бывалых торговцев, греков и скифов, не раз предпринимавших путешествия в неведомые, сказочно отдаленные земли. С такими людьми и говорил Геродот, отец истории, когда он посетил во время одного из своих странствий Ольвию.

Рассказ о путешествии к дальним горам, услышанный Геродотом в Ольвии, повествовал, видимо, об одном из установившихся уже традиционных торговых путей Ольвии. Основываясь на словах Геродота, этот путь можно представить так. Покинув Ольвию и переправившись через Борисфен «со стороны моря», торговцы выходили в бескрайние степи. В течение многих дней шли они по степям, а затем через дремучие леса. За это время они переправлялись через Танаис и выходили к реке Оару (Волге), сначала следуя вдоль нее на север, а затем поворачивая «к восходу солнца». Наконец, они вступали в страну с каменистой и неровной почвой, покрытую лесистыми ущельями и скалами, а затем выходили к подножью каких-то гор. Здесь обитали аргиппей, лысые люди, курносые и широкоскулые. Здесь же кончался и путь ольвийских торговцев.

Горы аргиппеев Геродот называет высокими и недоступными, через них «никто не проходил». Эти горы он представляет себе протянувшимися в широтном направлении. Все это не противоречит характеристике Рифейских гор. Более того, ольвийский торговый путь к аргиппеям описывал не только Геродот. Другие описания пути до нас не дошли, но следы их остались в более поздней античной литературе. И вот, судя по этим следам, горы аргиппеев действительно именовались Рифеями.

Ольвийские торговцы не ходили дальше земли аргиппеев. И сколько

Геродот ни искал, он не смог найти людей, которые рассказали бы ему, как очевидцы, о странах, расположенных севернее лысых. Пришлось ему ограничиться тем, что, по словам торговцев, сообщали сами аргиппей. А сообщали они следующее.

В горах за ними обитают козлоногие люди, за горами же — люди, которые спят шесть месяцев в году. В этих последних без труда можно узнать гипербореев. Шестимесячный сон — это, конечно, вариант шестимесячной ночи в стране гипербореев. В античной литературе существовала, по-видимому, и более развернутая версия этого варианта, уподобляющего год дню жизни блаженных людей. Так, например, рассказывали, что гиперборей «по утрам сеют, в полдень жнут, вечером собирают древесные плоды, а по ночам скрываются в пещерах».

Итак, у скифских торговцев и аргиппеев имелся свой вариант северной темы, в которой фигурировали и Рифеи, и чудовищные люди, и блаженные за горами. Но почему так скупо представлена эта тема в изложении Геродота, а Рифеи и совсем не упомянуты? Дело, видимо, в общей рационалистической установке Геродота, выразившейся, в частности, в крайне скептическом отношении к ранним греческим географам, у которых так популярна была северная тема. Он насмехается над их картами, где Земля изображена «круглой, словно она вычерчена циркулем», не верит в реальность реки Океана. Рифеи ему особенно ненавистны: цитируя Аристеев, он опускает упоминание о Рифеях, а рассказывая о скифских реках, заменяет Рифеи, в качестве места истоков рек, озерами. Относительно аримаспов и гипербореев он прямо заявляет, что не верит в их существование.

Горы аргиппеев географически вполне реальны — это Урал¹. Те черты в описании аргиппейских гор, которые не соответствуют реальному Уралу, явно навязаны мифологическим образом Рифеев. Геродот, пересказывая то, что услышал от скифских торговцев, убрал лишь название «Рифеи», но «рифейские» черты аргиппейских гор в его изложении, естественно, переданы полностью: Геродот ведь ничего не знал об Урале из

¹ Об ольвийском торговом пути на Урал рассказывалось в статье Игоря Пьянкова «Путь к аргиппеям» — «Уральский следопыт» № 7, 1968 год.

Добавим здесь, что древний торговый путь к Уральским горам прослеживается не только по письменным источникам, но и по археологическим находкам. Такие характерные предметы, как например, бронзовые зеркала ольвийского производства, обнаруженные в ряде курганов, как бы отмечают вехи этого пути.

других источников. Вполне реальную основу имеет и представление о том, что год на крайнем севере подобен дню — тут, несомненно, отразились слухи о долгих полярных днях и ночах.

Заметим еще, что много позже средневековые мусульманские авторы писали о крайнем севере примерно в том же духе, как и их античные предшественники. Они сообщали, что купцы в их поездках к Уральским горам достигают земли народов юга, за которой до «Черного моря» (Ледовитого океана) простирается пустынная «Страна мрака», описанная точно так же, как и у античных авторов. Сообщали они и о таком месте у полюса, где в году бывает лишь один день — летом и одна ночь — зимой.

Итак, вновь возвратимся к поставленному в начале статьи вопросу: «Что такое Рифеи?» Сделанный обзор древних свидетельств позволяет ответить на него следующим образом: Рифеи — образ древнейшей мифологии, один из элементов картины мира, выработанный мифологической космологией, но этот образ воплощался в реальных горных хребтах. Одним из таких воплощений Рифеев были Уральские горы.

КАРМЕЛЮК

**Исай
КАПЛУН**

В конце 1823 года в «Алфавите о каторжных» Тобольской экспедиции о ссыльных появилась запись: «Лицом чист, глаза серые, волосы русые, росту 2-х аршин 7 вершков...» Так чиновник писал о прибывшем в Тобольск Устине Кармелюке, герое украинского народа, легендарном руководителе крестьянского движения.

Кармелюка неоднократно арестовывали, четырежды приговаривали к ссылке на вечную каторгу в Сибирь, но каждый раз ему удавалось бежать, причем два раза из Тобольской губернии.

В 1822 году У. Кармелюк в кандалах был доставлен в Каменец-Подольскую тюрьму. Здесь он назвался чужим именем — Василием Гавриленко. Из тюрьмы он бежал, но был ранен преследователями и арестован. В феврале 1823 года состоялся суд, по которому У. Кармелюк получил 101 удар плетью, был вторично клеймен и отправлен в Сибирь. Знойную жару, осеннюю слякоть, трескучие сибирские морозы — все пришлось испытать по пути на каторгу.

В Тобольской каторжной тюрьме Кармелюк пробыл недолго. При отправке узников на работы Устин назвался винокуром. Действительно, он знал это ремесло. В конце февраля 1823 года он оказался на Ялуторовском винокуренном заводе. Осмотревшись, через несколько дней Кармелюк начал готовиться к побегу. Подобрал надежных людей. Не прошло и трех месяцев, как он с группой товарищей скрылся. Однако беглецов скоро поймали, жестоко наказали и отправили на медеплавильный завод.

От зари до зари каторжники работали на заводе, а на ночь их закрывали в острог, обнесенный высоким деревянным забором и земляным валом. И здесь Устин не думал долго оставаться. Проспали часовые, не удержали высокие заборы и огромные тюремные замки. Всю осень и зиму шел Кармелюк на родную Подолию. На Украине он вновь собирает крестьянские отряды.

Летом 1827 года Устина Кармелюка схватили. Суд приговорил его к телесным наказаниям и высылке на каторжные работы. Сурово расправились и с его ближайшими соратни-

ками — Ильей Сотничуком и Василием Добровольским. Их клеймили и тоже отправили на каторжные работы в Сибирь.

В конце января 1829 года Кармелюк прибыл в знакомый ему уже Тобольск. Появилась в «Алфавите» новая запись: «Кармелюк Устин, он же Гавриленко, 42 лет, Подольской губернии Литинского уезда, из крестьян, за грабеж по приговору Подольского главного суда наказан кнутом — в работу со знаками».

Вскоре Кармелюка отправили на работу в Курганский уезд на стекольный завод. В марте 1829 года в Тобольск прибыли Василий Добровольский, Илья Сотничук и другие участники крестьянского движения. Всех их направили на разные заводы. Добровольский и другие товарищи по борьбе попали на тот же стекольный завод, где уже находился их батько — Кармелюк, а Илью Сотничука и еще несколько человек определили на Успенский винокуренный завод. Нечеловеческие условия жизни на заводах не сломили волю этих мужественных людей. Они жили мечтой вырваться на свободу. Устину удалось установить связь с Сотничуком и договориться о побеге. В один и тот же день Кармелюк и Сотничук с несколькими товарищами скрылись, о чем говорит запись в «Алфавите о каторжных»: «Бежал(и) 26 мая 1829 года».

Прошло полтора столетия с того времени, как мужественный боец украинского народа, «славный рыцарь», как назвал Тарас Шевченко У. Кармелюка, по воле судьбы дважды побывал в сибирских краях...

НЕТ В МУЗЕЕ ТИШИНЫ

**Александр
ЖУКОВСКИЙ**

Музей, который собран твоими руками, руками ребят... Экспонаты его не отделены от зрителя полированным стеклом.

В руках у меня вытертый пилотский шлемофон. Вот о чем он может рассказать. 9 июля 1944 года старший лейтенант Степан Борозинец, командир эскадрильи, получил задание разбомбить вражескую колонну, которая успела войти в город Слоним. На первом заходе самолет был подбит, но летчик на подбитой машине продолжал на низких высотах бомбить скопище вражеских войск и техники. С. Н. Борозинец пишет: «Выйдя из кабины, обожженный, весь в масле, я почему-то подумал: хорошо бы искупаться в реке, которую видел перед атакой... Я часто задумываюсь — почему мне пришла тогда эта обыденная мысль?»

Бывший летчик штурмовой авиационной дивизии, Герой Советского Союза, полковник Степан Николаевич Борозинец прислал в наш школьный музей свой шлемофон и модель самолета «ИЛ-2»: «На таких самолетах мы несли смертельный груз врагу...»

Музей боевой славы в средней школе № 4 города Слонима создан относительно недавно. И не было традиционной первой находки, с которой все началось. Была только четко продуманная организация. Был сформирован совет музея. Его составили шесть команд из учеников с пятого по десятый класс. Был привлечен актив — всего 62 человека. Первой задачей мы себе поставили — развить корреспондентскую сеть. Нам нужны были активные помощники из того поколения, что действовало на территории Слонимщины в годы войны.

Дорого было первое письмо, которое мы получили от бывшего

парторга авиадивизии полковника Кузьмы Ивановича Гаращенко. Он помог в восстановлении боевого пути дивизии, помог разыскать ветеранов, передал в музей много личных вещей военного времени. Сам изготовил альбом, рассказывающий о боевых эпизодах, прислал интересные магнитофонные записи.

Сегодня круг наших друзей неизмеримо вырос. Более чем в шестьсот адресов пишут ребята; им отвечают архивы и государственные музеи, военкоматы, различные ведомства и организации, друзья из социалистических стран.

Нам, учителям-историкам, важна следопытская работа. Мы на собственном опыте убеждаемся, что с каждым новым достижением в работе музея крепнет в ребятах чувство Родины. История страны предстает перед ними в конкретных, живых образах.

Удивительные события открываются за той или иной вещью, документом, попавшим в руки красных следопытов. Небольшая заметка, напечатанная во фронтовой газете, рассказала ребятам о подвиге гвардии ефрейтора 118-го стрелкового полка Николая Мирошника, повторившего в боях за Слоним подвиг Александра Матросова. А несколько лет назад о ефрейторе Мирошнике знали лишь, что он похоронен в братской могиле, в центре города. Сейчас же в школьном народном музее есть три документа, свидетельствующих о подвиге комсомольца Николая Владимировича Мирошника, уроженца села Должик Харьковской области.

Бывшая партизанка отряда Дзержинского Надежда Владимировна Добриян рассказала следопытам о пионере Васе Крайнем. Однажды в разведке он заменил у

пулемета павшего бойца и метким огнем наглухо прижал к земле карателей, прикрыл отход партизан. Когда патроны кончились, фашисты схватили израненного мальчика. Он умер от пыток, не нарушив партизанской клятвы. По предложению комитета комсомола школы, совета пионерской дружины и совета народного музея исполком Слонимского горсовета переименовал одну из центральных улиц нашего города в улицу имени пионера-партизана Васи Крайнего. На ней установлена мемориальная доска.

Память героев, павших в боях, чтят памятники и обелиски. Среди тысяч героев, не имеющих своей могилы, оказался капитан Александр Михайлович Осипов. 857 боевых вылетов его эскадрильи — это целая география фронтов. Последний вылет был 19 февраля 1945 года, в районе Грабово. Восемь «Илов» и четыре «ЯК-9» вступили в бой против 18 вражеских самолетов. Осипов сбил три вражеских стервятника, когда загорелась его машина. Это был 83-й личный вылет комэска. Штурмовики с красными звездочками топили корабли с живой силой и боевой техникой противника в водах Гданьского залива.

В воспоминаниях о капитане Осипове читаем: «Движение кораблей между Гданьском, Гдыней и полуостровом Хель очень интенсивное. Со всех сторон бьет огнем противовоздушная артиллерия врага. Поврежденный самолет капитана Осипова — хорошая мишень для нее. Машина вот-вот взорвется в воздухе... Не раздумывая, комэск решает на подвиг, который еще в первые дни войны совершил капитан Гастелло: направляет свой горящий самолет на вражеский корабль и разбивается на его палубе...»

Министерством морского флота СССР принято ходатайство юных слонимчан, поддержанное советом ветеранов 199-й штурмовой Слонимской авиадивизии и Алатырским горкомом КПСС (место рождения героя) — о присвоении одному из балтийских кораблей имени Героя Советского Союза капитана А. М. Осипова. А городской Совет города Гданьска, при содействии юных слонимчан, присвоил одной из улиц востраивающегося жилого района «Засна» имя комэска.

В музее тихо... Но в нем всегда можно услышать голос истории, голос войны. И наша сегодняшняя жизнь отзывается на него.

г. Слоним,
Белорусская ССР

ВСТРЕЧА

Иван
ЗАПОРОЖЕЦ

Вот и железнодорожный переезд. Вдоль стальной ленты дороги тянутся складские помещения. Справа — элеватор, ближе к переезду — заводские мастерские из белого кирпича, с огромными окнами. Почти все так же. Вот только мастерских не было, и здание элеватора было одно, а теперь два...

Обождая, пока через переезд прогрехочет состав, Иван Тимофеевич уверенно зашагал по деревянному настилу.

Он узнавал местность. Узнавал узорные изгороди, тяжелые свисающие ветви яблонь и вишен. И старый-престарый, с каменным срубом колодезь... И густой сад во дворике до того знаком, будто был он тут всего несколько дней назад. А прошло тридцать пять лет!

...Когда стрельба немного стихла, в мутном от снегопада квадратном проеме погреба, над головами притаившихся в нем людей выросла фигура фашистского солдата. Приглядевшись к темноте погреба, он немного отпрянул назад. Резко взметнул вверх правую руку. Граната... Еще мгновение — и полыхнет огненный смерч.

— Пан!.. Пан!.. Здесь дети! Киндер, дети!..

Мгновение отодвинулось ровно настолько, чтобы фашист среагировал на отчаянный крик. Он еще выше занес над головой гранату... И вдруг рука его бессильно опустилась, а сам он обмякшим мешком повалился вниз головой, прямо на головы спрятавшихся в погребе людей.

Январским рассветом сорок третьего года, когда лохматые хлопья снега смешали небо и землю,

легкой рысью вошел в Уразово отряд кавалеристов. Ряд за рядом — лошади, орудия... Эскадрон должен был прорвать линию фронта, войти в тыл врага и внезапно захватить станцию. Дальнейшая задача была — удержать ее до подхода наших сил.

На окраине остановили местного жителя, напугав и обрадовав его одновременно своим появлением.

— Дед! Сможешь провести незаметно к станции?

— Отчего ж не провести? — сразу пришел в себя ошеломленный дед.

Без особого шума станция оказалась в руках кавалеристов. Оставив два взвода на вокзале, командир эскадрона Иван Ларенко с другими бойцами захватил складские помещения. Отстреливаясь от нападавшего со всех сторон противника, кавалеристы быстро заняли круговую оборону. Очистив от фашистов элеватор, установили там пулемет.

Из поселка к железнодорожному переезду мчались автомашины с немецкими солдатами. Меткий орудийный выстрел — и от них остались пылающие костры.

Начавшее светать небо прорезал луч прожектора, и вскоре до бойцов донесся басовитый рокот моторов.

— Там ихний аэродром, — объяснил командиру неизвестно как оказавшийся в гуще боя местный житель. — Моторы прогревают...

К этому шуму примешался новый гул: шли танки или бронетранспортеры. Вскоре они стали видны — немецкая самоходка и несколько бронетранспортеров продвигались к железнодорожному переезду. Разведчики начали отходить...

ЛОЕМСКИЕ

**Владимир
БЛИНОВ**

Как только началась стрельба, Александра Васильевна Глуценко с девятилетней дочерью Зиной, с соседкой Клавдией Ивановной Скороходовой и другими спрятались в погреб. В их доме и увидели бойцы из эскадрона Ларенко фашиста с занесенной гранатой. Выстрел грянул раньше, чем опустилась граната...

Долго отбивались кавалеристы. Им было приказано удерживать станцию и участок железной дороги Москва — Донбасс всего несколько часов. Но шли уже вторые сутки... В захваченных складах оказалось огромное количество боеприпасов.

Конники продержались до прихода наших. Те из них, кто остался в живых, получили новое задание: захватить немецкий аэродром. 25 самолетов и около 400 автомашин — таковы были итоги этой смелой операции, за которую командир был награжден орденом Боевого Красного Знамени, и бойцы его тоже получили награды.

...И вот гвардии майор в отставке Иван Тимофеевич Ларенко, бывший командир эскадрона 13-й гвардейской Ровенской кавалерийской дивизии, снова видит Уразово. Видит таким, каким оно было в зимние дни 1943 года. Уразовские следопыты разыскали его в далеком городе Каменске-Уральском, и поселковый Совет пригласил ветерана посетить памятные для него места.

С волнением открыл он калитку в старый дворик. От дома шли две женщины, одна из них, помоложе, держала за руку девочку.

— Здравствуйте, хозяйючки! Узнаете ли?..

Мать внимательно вглядывается в пожилого сидящего человека:

— Ларенко! Командир кавалеристов!..

В старом дворике радостная суета. Женщины и плачут, и смеются, зовут соседей:

— Смотрите, смотрите — кто к нам приехал!..

*п. Уразово,
Белгородская область*

До Лоймы добрались только к вечеру. Надо было в одной из деревень — Тарасовской, бывшей Иевлянской — увидеть учителя истории Владимира Дмитриевича Шехонина. Долго искать не пришлось — его на селе знали все.

Школьный краеведческий музей, устроенный заботами Шехонина и его товарищей-учителей, помещался в глухом полуподвале старой пристройки. Музей, начавшийся давно, со старой-престарой прялки, с каждым годом разрастается, а новых помещений у школы не было. Ребятишки, обрадовавшиеся затее, много чего натащили в музей. Древние лоемские бабки, расщедрившись, вытаскивали из деревянных, кованых по углам сундуков домотканые и пестрядинные рубахи. От них пахло тленом и нафталином. Сюда же, в музей, тащили черепки от глиняной посуды и позеленевшие бронзовые погремушки, выщербленные топоры и обрывки кожаных ремней с медными бляхами, ржавые железки уже непонятного назначения и красивые бусы.

Если на первых порах для музейных редкостей хватало одного определения «старинный», то со временем проглянулись и назначения, и рабочий век, и нынешняя ценность. Вот тогда на селе и поняли, что многими из найденных, например, в земле предметов пользовались, оказывается, еще в XI — XII веках. Стали понимать и другое: у Лоймы есть своя история — древняя, интересная, необыкновенная.

Шехонин повел меня на берег Лузы. Остановились на ровной площадке, возвышавшейся над поймой реки.

— Загадки древней Лоймы далеко не разгаданы. Здесь, где мы стоим, было Лоемское или, как его еще называют, Юрьино городище. Был ли в здешних местах такой князь — Юрий? Кто и зачем напал

на его городище? Дружина или племя оборонялись? Пока на эти вопросы нет ответа. Но старики донесли легенду до нашего поколения...

Владимир Дмитриевич неторопливо зашагал по бывшему городищу, пристально вглядываясь в остатки земляного вала, словно желая разом разгадать все загадки. Мне стало жутковато... Будто я сам попал в то далекое время, когда неизвестные племена бились в кровавой и страшной сече.

— Старики и теперь называют это поле Юрьиним. Находили тут меч и шлем, но оружие не попало в музей — его успели перековать. Сын пономаря дореволюционной лоемской церкви Попов, учившийся в свое время в Вологодской семинарии, утверждал, что своими глазами видел в церковных архивах сообщение о князе Юрии, Юрьиним городище и о гибели всей дружины.

В глубину веков ведут следы нынешней Лоймы. Дома с пристройками, крыши, узоры наличников, утварь — все в этом селе не так, как в соседних. Лоемские деревеньки сильно отличаются от южных коми сел, не говоря уже о северных. Коми село обычно растягивалось на добрый десяток километров вдоль дороги. У дома ни подворья, ни огорода, потому что главное в хозяйстве — рыбалка, охота и другой промысел. Сами избы рублены прочно, стоят сурово и грубо, без украшений, которыми славится, скажем, костромское или вологодское село. А здесь, в Лойме, замысел как будто оттуда и брали — с Поволжья и Вологды. Огороды, кусты сирени и рябины под окнами, палисадники. И из традиций народа коми кое-что уже позаимствовано... На особицу от здешних сел — Лойма.

— Князь Юрий сидел в городище, — рассказывал тем временем Шехонин. — Место удобное для отражения, со всех сторон окружено оврагами. Пришло племя чуди, болгар, а может какое другое — и на-

пало на городище. Легенда говорит: такое побоище было, что ручей стал красным... Не желая сдаваться, дружина подрубила столбы, на которых держалось городище. Рухнули строения, похоронив и защитников, и пришельцев... Вот так рассказывают старики.

Историком Владимир Дмитриевич Шехонин стал, можно сказать, не по своей воле. Пришел с войны без руки. По годам вроде молодой, а на вид — двадцать лет ни за что не дашь. Время на войне емкое... Уже и седина была.

За Днепром Шехонин попал со своим пулеметом в жуткую схватку. Запомнилось: фигуры немецких автоматчиков, будто заводные, и еле заметный дымок над стволом их переднего танка. Потом «максим» рванулся из рук, и память у пулеметчика как отрубилась. Очнулся — над ним немец стоит. Сказал: «Рус капут» и пошел дальше.

Но «рус» не был «капут». Трое суток полз Шехонин до своих, мучаясь ранами и истекая кровью. Дополз чуть жив. Почерневшую руку в госпитале ему отрезали, а другие раны остались вмятинами и шрамами.

Вернулся в село без руки, да живой. А что дальше? Пошел в школу учительствовать в младших классах, отослал документы в Сыктывкар, в педучилище. Из Лоймы в Сыктывкар чаще тогда ходили пешком. Мало было машин, да и какие машины — весной и осенью по дороге можно было на лодке плыть. А путь неблизкий — 220 километров. Шехонин брал санки, грузил их учебниками, сухарями и сушеной картошкой, чтоб всего хватило на месяц, — и шел. Походы эти, в слякоть и мороз, сильно запомнились. За шесть лет окончил педучилище, двухгодичные учительские курсы, пединститут — и все заочно.

С войны он пришел в сорок четвертом. В том же году похоронка известила о гибели брата Александра. А подробности стали известны многие годы спустя, благодаря школьникам-следопытам из Вильнюса и сотрудникам Белорусского государственного музея. Александр Шехонин участвовал в 72 танковых атаках. В последнем бою, когда в роте осталось всего две машины, Александр на своем танке пошел на противника тараном и погиб смертью храбрых. Посмертно награжден орденом Ленина.

Переживая вместе с Шехониным все заново, я думал о них — о мертвых, живых, о лоемских... О том, как незримая, но прочная нить традиций, связывая времена, обнаруживает мощный народный характер.

— Легенды о чуде, дорусском населении Севера, бытовали повсе-

местно, — объясняет мне кандидат исторических наук Элеонора Анатольевна Савельева. — По одному из вариантов чуда, будучи языческой и не желая принимать православие, погребла себя вместе со своими резными идолами в деревянных храмах. Русский же вариант легенды гласит о том, что кочевые племена чуди нередко нападали на славянские поселения. И тогда, как, возможно, произошло в Юрьинском городище, жители после самоотверженной, но неравной борьбы вынуждены были заживо погрести себя. Иначе плена не избежать, а «мертвые сраму не имут...»

Археолог Э. А. Савельева много лет посвятила раскопкам и изучению северных памятников старины. В Лойму ее привело письмо Шехонины, и три летних полевых сезона она руководила Прилузским археологическим отрядом.

Древний могильник, раскопанный экспедицией, — и не славянского, и не коми-зырянского происхождения. Об этом говорят и этнические признаки — обнаруженные детали одежды, украшения, элементы погребального обряда. Найдена посуда, чуждая зырянам, пермякам и удмуртам. Ассимиляция зырян со славянами произошла гораздо позднее, в XVII веке. Но кому же тогда принадлежали вещи из могильника, расположенного в ста метрах от Юрьинского городища? Может, то была своеобразная этническая группа?

И это может быть. Посуда, например, похожа на утварь северных и волжских угро-финнов. Украшения, вид костюма — сближают с водью, прибалтийским племенем. Подвески со многими мотивами славянского быта характерны для костромского Поволжья тех времен. Есть украшения и чисто славянского происхождения.

Юрьино городище отнесено по некоторым признакам к более раннему, чем происхождение могильника, периоду — XI век. В общем, лоемская загадка пока остается загадкой.

Владимир Дмитриевич Шехонин как учитель-историк, пытающийся по-своему проникнуть в загадку, предпринимал многое. Обращался в Сыктывкар, Киров, Вологду за советом. Искал лоемские фамилии, похожий быт. Искал — и не находил. На своих уроках он давал разыгрывать детской фантазии — и ребята рисовали Юрьино городище, бой дружины с пришельцами. А поводом для упомянутого письма в Коми филиал АН СССР послужило поразившее Владимира Дмитриевича событие: совхоз надумал на месте могильника строить пилораму. После экспедиции Э. А. Савельевой положение потихоньку улучшается, хотя опасность окончательного разруше-

ния могильника и городища еще не исчезла.

Рассказывают, что Лоймой и раньше не раз интересовались археологи. Еще до революции не сохранивший память о себе чужак из Петербурга предлагал большие деньги за участок Юрьинского поля, угрожая уступить полосу для раскопок. Хозяин не согласился. Обиженный чужак (а может быть, ученый) в сердцах будто бы сказал: «Под вами клад лежит, а вы его топчете!» Люди Лоймы — Шехонины, Куликовы, Иевлевы, Чужмаровы — народ предприимчивый и инициативный. За удалой характер и не совсем обычный для здешних мест образ жизни их называют «коми-русские».

Как-то Шехонин со своими учениками устроил поход в городок Лальск Кировской области. Он решил поискать «связь времен» через общих предков, через фамильное родство. Однако покинули они Лальск разочарованными: ни Шехониных, ни Чужмаровых, ни Сюткиных, ни других лоемских фамилий там не оказалось. А городок рядом — каких-нибудь сто километров, на той же Лузе, и достаточно древний.

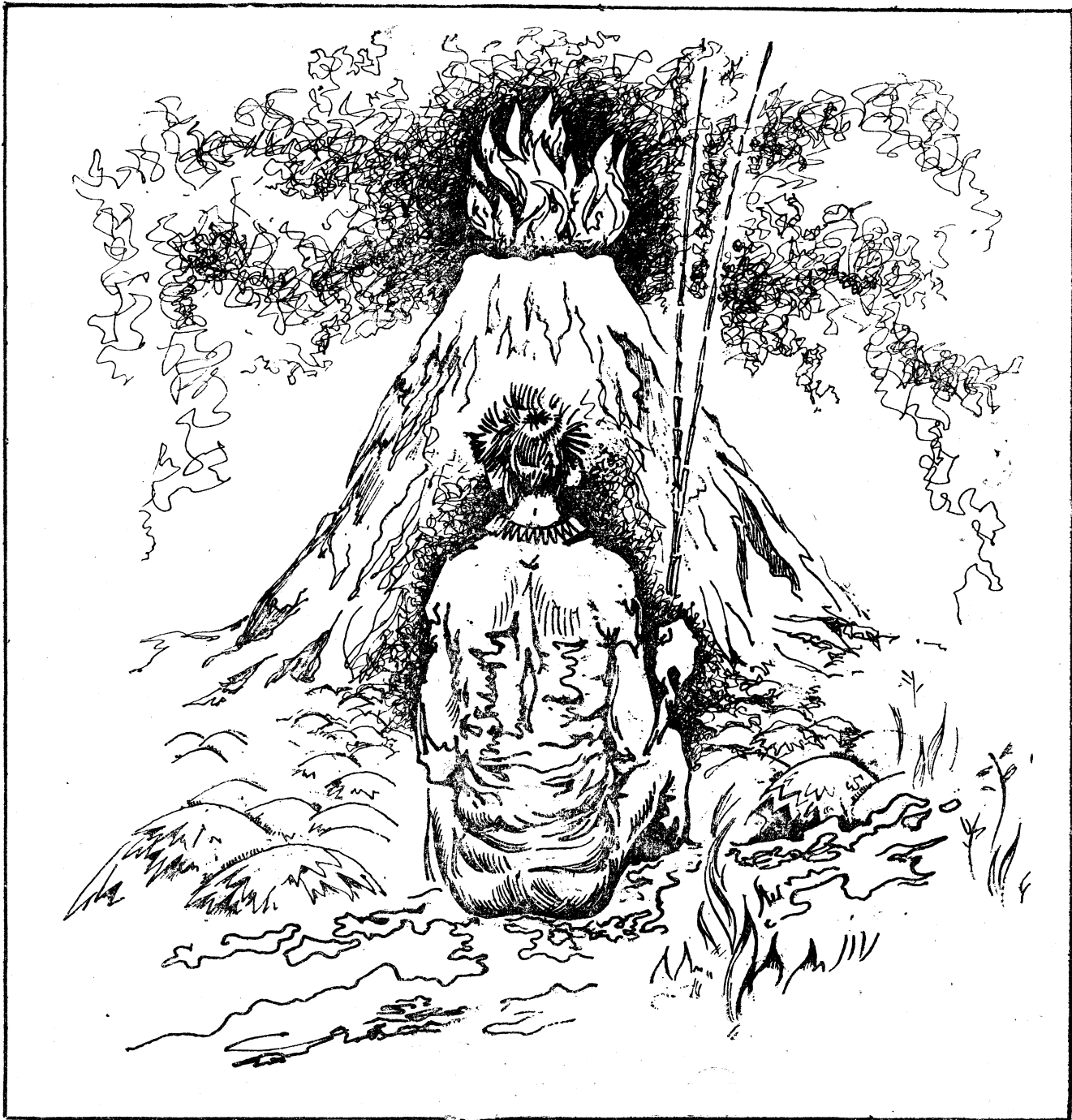
Откуда же они — лоемские?.. Откуда дома такие — избами не назовешь, с костромскими и коми мотивами, сплетенными так своеобразно? Откуда узоры полотенец — причудливое сочетание исконно русских петухов с елочными переборами коми национального орнамента? Откуда?..

В Лойме сегодня живут богато. Крепкий совхоз. Телевидение сюда пришло. Скорее будет асфальтированное шоссе — только ветку ответи осталось от магистрали Сыктывкар — Мураши. Не только мотоциклы, машины имеют здешние жители. И одеваются — дай бог.

Еще одно: в последние годы свадеб на селе больше стало. Новое поколение не хочет покидать родного села.

г. Сыктывкар

ГУСЛЯР-НЕАПОЛЬ

Кир. БУЛЫЧЕВ

Рисунки
А. Банных

Рассказ

Серый рассвет застал Корнелия Удалова на поросшем кустами берегу речки Чурмени, впадающей в озеро Копенгаген. Удалов сложил на траве удочки и осмотрелся. Пусто. Никого нет.

Погода стояла мерзкая, гриппозная, сырая, и, видно, все рыбаки решили отсидеться дома. Тем лучше. Больше достанется ему.

Удалов размотал леску, наживил крючок и закинул первую удочку. От поплавок пошли по воде круги, неподалеку тяжело плеснула рыба. Настроение было хорошее, деловитое.

И тут Удалов увидел дым. Дым поднимался над лесом в полукилометре от рыболова. Видно, кто-то, приехавший еще с вечера, жег костер.

Через час, поймав небольшого подлещика, Удалов снова взглянул в сторону чужого костра. Тот все горел. Столб густого дыма вырастал до низких облаков, и там его разгонял мокрый ветер.

— Как бы он лес не поджег, — сказал Удалов тихо, чтобы не спугнуть рыбу.

Прошел еще час. Костер горел по-прежнему, столб дыма вроде бы даже подрос.

К одиннадцати часам Удалов смотал удочки, взял ведро с уловом, к сожалению, не таким богатым, как хотелось бы, и пошел в сторону дыма, хоть к шоссе идти было совсем в другую сторону. Дым его беспокоил своим постоянством.

Идти было трудно. Удилища задевали за ветви орешника, сапоги скользили по мокрой траве. Скопища лисичек и отдельно стоявшие мухоморы оживляли общую унылую картину, но Удалов шел не по грибы и этих ярких пятен почти не замечал.

Он прошел больше километра, а дым почти не приблизился. Это его очень удивило.

Река осталась далеко позади. Приходилось перескакивать с кочки на кочку, и Удалов пожалел, что не оставил удочки у воды. Пройду еще сто шагов, сказал он себе, и, если не дойду, вернусь.

И тут с неба посыпался пепел.

Удалов не сразу догадался, что это — пепел. Сначала он обратил внимание на то, что дождь — грязный. Капли оставляли на руках и одежде серые следы, словно с неба капал птичий помет. Сообразив, что грязь происходит от дыма, Удалов понял, что это — лесной пожар, и лучше бы уйти подобру-поздорову, пока не поздно, а из города пускай пришлют вертолет. Он и разберется.

Удалов остановился и кинул последний взгляд на дым. Дым закрыл полнеба.

Разрываемый между любопытством и опасе-

нием, Удалов сделал еще несколько шагов вперед.

Перед ним открылась большая болотистая, в кочках, поляна, поросшая по краям черникой. В центре ее поднимался к небу столб дыма. Но костром тут и не пахло. Это было иное явление природы.

Посреди поляны возвышался небольшой вулкан. Он не достиг еще вершин деревьев, но внешним видом напоминал громадные и страшные вулканы Явы и Камчатки. Струйки лавы стекали по его ребристым бокам, и над кратером бушевало небольшое устойчивое пламя, как будто там горел примус.

Вид вулкана не испугал Корнелия. Ему уже приходилось видеть немало чудесного. Однако сердце Удалова наполнилось уважением к всемогущей природе. Он присел на ствол поваленной сосны и стал смотреть.

Раньше вулканов в Великом Гусляре и его окрестностях не наблюдали. И вообще считалось, что этот район не подвержен землетрясениям и извержениям. Но в конце концов и там, где теперь высятся огнедышащие горы, когда-то расстилались безобидные равнины.

Удалов, наделенный живым воображением, представил себе, как вулкан растет, увеличивается до размеров Кавказских гор, погребает Великий Гусляр под слоем вулканического пепла, как убегают из города его жители, неся на руках пожитки и детей и стараясь прикрыться плащами и полотенцами, подобно несчастным на картине художника Брюллова «Гибель Помпеи». Впрочем, ему стало жалко не столько город, сколько себя, руководителя стройконторы, ибо знай он заранее о гибели Великого Гусляра, не было бы нужды перевыполнять план по асфальтированию. Но с другой стороны, Удалов понимал, что наличие вулкана на центрально-русской низменности — замечательная возможность для науки и экономии государственных средств, потому что не надо будет направлять специалистов на отдаленную Камчатку, когда настоящий вулкан находится под боком.

Вулкан ухнул, и из него вылетел фонтан оранжевых искр. Удалов почувствовал, как в лицо ему пахнуло нутряным жаром Земли. Он приподнялся, чтобы вовремя отступить. Вулкан выкатил на вершину большой округлый камень и пустил его по откосу. Камень ухнул в болото, и вода зашипела, окутывая его паром.

Сколько хозяйственных возможностей лежит в использовании вулканического тепла, думал потрясенный зрелищем Удалов. Например, в стирке белья.

Вулкан выплюнул еще несколько каменных глыб. Оранжевое пламя крутилось над его вершиной. Скоро он достигнет верхней кромки леса, а там, гляди, его обнаружат и из города.

Нет, вулкан не был ужасен. Работал он до-

вольно лениво, хоть и красиво. Пепел, смешанный с дождем, оседал грязью на плащ Удалова, и он подумал о тех неприятных словах, которые ему придется выслушать дома. Ксению мало волнуют вулканы и другие объективные причины.

Пламя над вулканом разгоралось, переливаясь зеленоватыми и белыми всплесками, и Удалову чудилось, что в сполохах его играют огненные ящерицы. Вот так, думал Удалов, первобытные люди смотрели на огонь и придумали чертей... В лицо дышало жаром, спереди плащ обсох.

Порой из жерла вулкана вылетали камни, но Удалову они пока не угрожали. Где-то внутри, под ногами, слышался зловещий гул, и земля едва заметно тряслась, словно крупный зверь просился на свободу.

Удалов все откладывал свое отступление. За время его отсутствия кто-нибудь другой увидит вулкан и станет первооткрывателем. Это было бы несправедливо. Лучше уж я подожду, уговаривал себя Удалов, пока из города прилетит вертолет, послежу, чтобы не загорелся лес.

Огненные сполохи крутились и мельтешили над вершиной вулкана, словно живые. И Удалов представил себе, глядя на них, что где-то в глубине раскаленной Земли живут странные огненные существа. Когда-то они были хозяевами Земли и носились, как искры, по ее расплавленной поверхности, но потом, после того, как Земля остыла, были вынуждены отступить вглубь. А почему нет? Ведь жизнь так многообразна. Вот бы установить с ними контакт, поговорить, как и что, обменяться сведениями. Ведь для этих внутренних жителей Земли вулканы — окошки в мир. Они, может, и не подозревают, что снаружи существует жизнь. А может, они считают, что люди — узурпаторы, что вся Земля принадлежит вулканическим жителям по древнему праву. И они, как только им представится возможность, выскакивают изнутри на потоках лавы и жгут людей почем зря, чтобы доказать свои права.

Белые огоньки все метались и метались над вершиной вулкана. И Удалов, уже признавший их за вулканических жителей, сказал вслух:

— Это еще неизвестно, кто первый на Земле поселился. Может быть, Земля сначала была холодной, а потом только разгорелась. Есть такая теория.

Белых огневинок стало больше. Удалов насчитал их с десяток. Форму их угадать было трудно — ну какая может быть форма у языков пламени?

— Чего же вы? — спросил Удалов. — Хоть бы сигнал подали!

И тут ему показалось, что огневики подают сигнал. Они выстроились в кольцо. И тут же кольцо распалось.

Чтобы подтвердить, что понял, Удалов нарисовал пальцем в воздухе кольцо.

Тогда огневики показали ему крест.

Удалов нарисовал в воздухе крест.

Контакт налаживался. Вулкан ухал и разгорался.

Огневики, чтобы у Удалова не оставалось никаких сомнений, соорудили на мгновение равнобедренный треугольник, что никак не могло быть игрой природы, а говорило о их разуме и сообразительности.

— А дальше что? — спросил Удалов. — Прямой контакт невозможен. Я, честно говоря, не выдержу его без асбестового костюма. А в общем хотел бы пожать вам руку по причине всеобщего братства.

Тут огневики, с помощью своих товарищей, подоспевших из раскаленных глубин вулкана, сложились в надпись «SOS». И Удалов понял.

— Спасите наши души, — сказал он. — Всемирно известный сигнал бедствия. Ну что же, ко мне многие обращались, и я никогда не отказывал.

И он уселся поудобнее, дожидаясь, что еще придумают огневики в плане общения с человечеством.

В мельтешении огневинок мелькнуло что-то темное. Темное вылетело из вулкана и приземлилось неподалеку от Удалова. Это был шар, сантиметров десять в диаметре. Сверкающий. Раскаленный. Шар шипел и крутился.

— Не взорвется? — спросил Удалов.

Но огневинок уже не было видно. Пламя над вершиной вулкана постепенно тускнело, уменьшалось, и Удалов понял, что его опасения, будто рядом с Великим Гусляром вырастет гора ростом с Казбек, не обоснованны.

Вулкан смирялся. Гул и дрожание земли прекратились. Дождь принялся с новой силой. Удалов собрался с духом и подошел к шару. Шар быстро остывал. Минут через десять его уже можно было взять в руки, перекачивая с ладони на ладонь, как горячую картофелину.

Поперек шара шла черная полоска. Когда шар остыл, Удалов попытался его развинтить, полагая, что он внутри полый. Но тут над головой послышался легкий треск, и вскоре в пелене дождя образовался вертолет, прилетевший из города по тревожному сигналу.

Исследованием шара Удалов занялся дома. Он с трудом дотерпел, пока жена его Ксения, ничуть не взволнованная рассказом о настоящем вулкане в окрестностях города, но очень сердитая за испачканный пеплом плащ, улеглась спать. Удалов вышел на кухню, зажег там свет и на кухонном столе развинтил шар. Из шара выскочила, изрядно напугав Удалова, пружинка, сделанная из узкой упругой полоски какого-то ме-

талла. Пружинка развернулась и легла на кухонный стол. Вслед за ней выкатился шарик поменьше. На пружине была надпись на русском языке: «Просьба. Передать содержимое шара в кратер вулкана Везувий (Италия). Страдаем от недогрева. Есть жертвы».

Удалов перечитал послание. Потом спрятал шарик поменьше в карман накинутаго поверх майки пиджака.

Да, несладко им приходится, подумал он. Наблюдается недогрев. Может быть, всего и осталось тепла две-три тысячи градусов. Удалов не смог сдержать улыбки, подумав, что огневики от такой смертельной температуры забнут и страдают.

Ну что ж, надо людям помочь. А как помочь? Вот старались огневики, нашли Удалова, может, последнее тепло на вулкан ухлопали. А как теперь переправить шарик в Италию? Послать его почтой на имя итальянской Академии наук? Попросить их, чтобы кинули письмо итальянским вулканическим жителям от советских вулканических жителей? Но что сделают в ответ итальянские академики? Вернее всего решат, что и в Советском Союзе есть свои сумасшедшие. По крайней мере, на их месте Удалов подумал бы именно так. Нет, ничего не остается иного, как самому съездить в Италию.

Утром Удалов, не выспавшийся после полной раздумий ночи, сказал Ксении:

— Слушай, Ксюша, как ты относишься к моей поездке за границу?

— Пил вчера? — спросила Ксения.

— Я серьезно говорю.

— И я серьезно.

Ксения Удалова планировала на воскресное утро большую стирку, и идеи Удалова, от которых дома один вред, ее раздражали.

— Например, в Италию, — сказал Удалов. — В город Рим и даже Неаполь. В город миллионеров.

— Поезжай, если сам миллионер, — ответила Ксения. — Максимке брюки купить нужно. На нем все горит.

Удалов только вздохнул. Иного он и не ждал. Но сдаваться было нельзя. И он спустился этажом ниже к своему старому другу Александру Грубину.

— Здравствуй, Саша, — сказал он Грубину, который в свободное время вырезал на рисовом зерне «Песнь о вещем Олеге». — Ты как относишься к идее жизни внутри Земли?

Грубин, не отрываясь от окуляра микроскопа, сказал коротко:

— Положительно.

Грубин относился положительно к любой жизни. Будь она внутри Земли, на Марсе или во впадинах Тихого океана.

— Вчера я рыбу ловил, — сказал Удалов, — на Чурмени. И вдруг увидел, что рядом извергается вулкан.

— Этого быть не может, потому что наш район не вулканический.

— Не спорь, — ответил твердо Удалов. — Если я говорю вулкан, значит вулкан. Его уже обнаружили. Не сегодня-завтра здесь будет экспедиция. С Камчатки вызывают.

— Действующий?

— Конечно, действующий. А то как бы я его нашел? — удивился Удалов. — Только когда я уходил, он уже погас.

— И ты мне ни слова?

— Не до тебя было. Извини, но не до тебя.

— Почему?

— Да потому, что огневики меня просили одну вещь для них сделать, а я никак не придумаю.

— Огневики?

Грубин поднялся во весь свой внушительный рост. Он казался еще выше, чем был на самом деле, по причине заметной худобы и за счет косматой шевелюры.

— Это я их так называю. Тех, кто в вулкане живет.

— В вулкане никто жить не может.

Грубин еще сопротивлялся. Здравый смысл в нем восставал против слов Удалова. Хотя ему очень хотелось бы, чтобы в вулкане кто-нибудь жил.

— Живут они в вулкане. И страшно мерзнут, — настаивал Удалов. — Что-то там с обогревом неладно. И они просили меня, чтобы я сгонял в Италию. Там возле города Неаполя стоит вулкан Везувий. Слышал? Надо, чтобы те, из Италии, подбросили нашим угольку.

— Стой! А какие они из себя, огневики?

— Огневики? Ну как тебе сказать? Как будто белое пламя. Бегают быстро. И форму меняют.

— А может, их и не было?

И тогда Удалов достал блестящий шар.

— Это видел?

Удалов развинул шар, и, когда оттуда выскочила пружина, Грубин вздрогнул. Удалов улыбнулся, потому что уже забыл, что и сам ночью испугался этой пружины.

— Читай, — сказал он Грубину.

Когда, наконец, Грубин убедился, что внутри Земли живут разумные существа, они вдвоем сели сочинять просьбу дать им как передовым труженикам за наличный расчет туристские путевки в Италию. Написав такие заявления, снабдив их соответствующими печатями, характеристиками и даже просьбами о скидке за счет профсоюза, они отправили бумаги в область и стали ждать.

Ответ пришел через три месяца. Все эти три месяца Удалов с Грубиным очень волновались,

ходили в лес смотреть, не пробудился ли вулкан, но вулкан уже давно превратился в холм посреди болота, и даже странно было представить, что в его раскаленном жерле металась огневики.

Ответ был положителен для Удалова. Что касается Грубина, то ему предложили подождать еще год, так как число путевок ограничено. Так что Грубин, буквально иссыхая от горя, обратился в последний день перед отъездом к Удалову с такими словами:

— Послушай, Корнелий,— сказал он.— Я, конечно, понимаю, что путевка именная и вместо тебя мне поехать нельзя, хотя, конечно, я бы поручение огневиков выполнил лучше.

— Это почему?— удивился Удалов.— Ты их даже в глаза не видел. Тебе они, может быть, и не доверяют. Ведь меня избрали.

— Ты оказался рядом, вот и избрали,— отмахнулся Грубин, *который хотел говорить совсем об ином.

— Нет, не скажи,— ответил Удалов.— Я весьма подозреваю, что они приурочили это извержение к моей рыбалке.

— Я не о том,— сказал Грубин.— Я думаю, что мы плохо выполняем долг перед наукой.

— Это почему?

— Мы с тобой обязаны сообщить о встрече с огневиками в Академию наук.

Удалов сел на чемодан, чтобы закрыть, и лукаво прищурился.

— Если бы они хотели, то и это поручили бы мне. Наверное, они считают, что рано. И я думаю, что, если выполню их главное поручение достойно, продолжение последует. Они проникнуты доверием к человечеству в моем лице.

— И что?

— А ты представляешь, сколько внутри Земли полезных ископаемых? Они нам их покажут. И еще они смогут работать для людей в самых раскаленных местах.

...К тому времени, когда туристская группа достигла города Неаполя, Удалов сознательно сблизился с гидом— итальянским студентом Карло, юношей маленького роста и тонкого сложения, который учил русский язык в университете, а на каникулах подрабатывал с туристами. Восхождение на вулкан Везувий в программу поездки не входило, и гид мог пригодиться Удалову для выполнения плана.

До обеда группа в полном составе осмотрела сверху Неаполитанский залив. Над Везувием поднималась струйка дыма. Говорили о судьбе Помпеи, а Удалов видел не Везувий, а свой небольшой вулкан, над которым поднималась такая же струйка дыма. На вечер были билеты в театр на одного неаполитанского певца, а между обедом и певцом оставалось некоторое время. Удалов, охваченный страшным нетерпением от-

того, что желанный Везувий был виден из окна его номера, подстерег в коридоре студента Карло и сказал ему:

— Пошли, выпьем, буржуазия.

Студент всплеснул руками и ответил:

— Нельзя. Еще день. Мы с тобой это будет сделать после театра.

— После театра само собой,— сказал Удалов.— Заходи.

И в голосе его была такая необычная твердость, что студент только поглядел на плотного русского туриста и последовал в номер.

— На,— сказал Удалов, наливая ему полный стакан из привезенной бутылки.— Пей.

— А ты?

— А я тоже выпью.

Удалов решил, что и ему не мешает выпить.

→ У меня к тебе просьба,— сказал он Карло, наливая себе во второй стакан.— Сгоняем на Везувий.

— Что?— удивился Карло.

— Ты пей, пей, здесь еще осталось.

Карло послушно выпил стакан до дна, поглощал воздух открытым ртом и сказал по-итальянски что-то непонятное. Потом добавил по-русски:

— Нельзя на Везувий.

— Почему?

— Есть опасно.

— Ты внизу останешься. Я только взгляну.

— Нет, нельзя.

— Почему?

— Нет время.

— На такси поедем.

— Советский турист немного небогатый,— сказал прозорливый Карло.

— Ты знаешь, студент, что я ничего не покупал. Даже жене не везу подарка. Хочу удовлетворить мечту своей жизни, посмотреть на вулкан вблизи. Все деньги, что от такси останутся,— твои.

— О, нет,— сказал Карло, который был, в принципе, добрым парнем.

— Пей,— сказал Удалов, доливая из бутылки остатки водки.

— Не надо мне деньги,— сказал студент.

— Мир и дружба,— согласился с ним Удалов.— Поехали быстро.

Карло допил, и они поехали на такси к вулкану Везувий, и Удалов, не отрываясь, смотрел на счетчик и умолял его не спешить.

Такси, естественно, до вершины не доехало. Пришлось вылезти. Удалов поспешил наверх по протоптанной тропинке.

Карло шел сзади и уверял, что дальше идти опасно, но в походке Удалова была такая целеустремленность, что Карло лишь восклицал что-то про деву Марию и карабкался вслед, удив-

ляясь, какие странные люди приезжают из Советской России.

Было знойно. Воздух был тяжелым, словно перед грозой. Не доходя до вершины шагов триста, Карло утомился и присел на камень. Может, он опасался извержения. Но Удалов на него и не глядел. Вершина была близка. Он ощущал в кармане маленький шарик.

На вершину в этот момент наплыло сизое облачко, и Удалов последние шаги перед кратером прошел на ощупь. Но страха он не испытывал, потому что очень спешил закончить дело.

Карло сидел под самым облаком, несколько беспокоился за русского и глядел на прекрасный Неаполитанский залив. Он думал о том, как полезно ходить пешком и заниматься физическим трудом. В вулкане что-то тихо урчало, и Карло решил, что извержения, слава мадонне, сегодня не будет.

Русский не возвращался.

— Эй! — крикнул Карло. — Ты есть где?

Удалов не отвечал.

В эти мгновения он сквозь просвет в сыром облаке увидел кратер и метнул туда шарик. Тяжелый шарик провалился в озеро лавы и исчез. Удалов решил подождать, не появятся ли какие-нибудь указания.

Указаний не было. Пахло серой.

— Получили? — спросил Удалов громко, надеясь, что местные огневики его услышат.

Никакого ответа.

— Что передать нашим? — крикнул Удалов. Но вулкан ему не ответил.

И тут Удалов понял, что итальянские огневики не понимают по-русски. Тогда он крикнул в другую сторону:

— Карло! Ты здесь?

Услышав голос из облака, далекий, но отчетливый, студент откликнулся.

— Я здесь.

— Спроси по-итальянски, не будет ли ответа. Я жду.

— Кому спроси? — удивился студент.

— Им скажи. В вулкан. Да где ты, в конце концов? Иди сюда.

Тогда студент в самом деле встревожился. Он быстро взобрался к Удалову.

— Пойдем вниз, — сказал он мягко.

— Нет, ты сначала спроси.

И студент понял, что с таким человеком на краю кратера Везувия спорить не следует. И он что-то спросил.

— Не так, — сказал ему Удалов. — Громче. Чтобы они слышали.

Карло совсем оробел, однако спросил громко по-итальянски у кратера: не будет ли ответа.

Но ответа не дождался.

Обратный путь они проделали молча. Удалов был разочарован и думал, что лучше бы купил жене модные туфли. Карло тоже молчал и клялся себе, что никогда не будет водить на вершину Везувия русских туристов...

На аэродроме в Гусларе Ксения, которая еще не знала, что муж не привез никаких подарков, встретила Корнелия тепло, с объятиями. А потом к Удалову подошел Грубин и, пожав руку, спросил тихо:

— Ну как, удалось?

— Я выполнил свой долг,— ответил Удалов.

Вечером, спасаясь от упреков Ксении, решившей, что муж пропил всю валюту с прекрасными итальянскими киноактрисами, Удалов спустился к изнывавшему от нетерпения Грубину.

— Странная она у меня женщина,— сказал он Грубину.— Ну какие могут быть киноактрисы в туристской поездке?

— Правильно,— согласился бесхитростно Грубин.— Зачем им на тебя смотреть?

— Не в этом дело,— поправил друга Удалов.— Они бы, может, и посмотрели, но мне было некогда. Я все деньги на такси прокатал, к Везувию ездил.

— Значит, все в порядке?

— Боюсь, что нет. Не получил ответа. Только зря путевку покупал. А Максимке брюки покупать надо.

Грубин выслушал грустную историю о похождении Удалова. Тут под окном раздался голос общественника Ложкина:

— Грубин, Удалов у тебя?

— А что?— спросил Грубин.

— Товарищи собрались. В домоуправлении. Слушать будем, как наш представитель Италию посетил...

— Еще чего не хватало,— мрачно сказал другу Удалов.— Я же на Италию и не смотрел даже. Сначала волновался, как бы Везувий не пропустить, а потом расстраивался, как все вышло.

Он вздохнул и пошел читать лекцию об Италии. Хорошо еще, помнил кое-что из написанного о ней в энциклопедии. Только трудно пришлось, когда стали задавать вопросы о политическом положении.

Два дня Удалов ходил мрачный, с женой не разговаривал, выступил с беседой в стройконторе, потом в школе № 1. На третий день стал привыкать к роли специалиста по итальянским проблемам. Грубин сопровождал его на все беседы и тоже уже много знал об Италии. Он пытался рассеять грусть Корнелия и в субботу заговорил о рыбалке.

Удалов сначала отказался. Но тут пришли из

детского сада и с фабрики-кухни. Требовали, чтобы выступил. И Корнелий решил, что лучше уж рыбалка, чем новые доклады.

С рассветом двинулись на старые места.

И только они размотали удочки, как Корнелий выпрямился, принюхался к воздуху, прислушался к зарождавшемуся в глубине земли дрожанию и сказал тихо:

— Начинается.

Грубин поднял голову, проследил за взглядом Удалова.

За деревьями поднимался столб дыма.

— Извержение,— с торжеством сказал Грубин. Слово сам его устроил.

На этот раз вулкан поднялся в низине, у самой реки, так что добраться до него не стоило трудов.

— Что я говорил!— воскликнул Грубин.— Показывай теперь, где твои друзья.

— Да вот они,— сказал Удалов.

И в самом деле, над вершиной вулканчика в оранжевом пламени радостно суетились белые сполохи. При виде вышедшего на открытое место Удалова они, не тратя времени даром, сложились на секунду в полукольцо, напоминающее букву «с».

Потом не без труда образовали угловатую фигуру— две вертикальные палочки и над ними перекладина. Это было похоже на букву «п». Буква «а» у них вышла очень похожей на настоящую.

Удалов шевелил губами. Грубин произносил буквы вслух.

— Эс... и... б...

Огневики собрались в кучку, вздрагивали, словно вспоминали, какая еще буква им нужна.

— О,— подсказал им Грубин.

Огневики сложились в колечко.

«СПАСИБО».

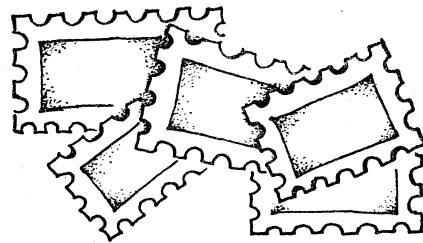
— Не стоит благодарности,— тихо сказал Удалов.

Вулкан постепенно погас.

- По следам викторины
- Эти страшные филаганы...
- Издано в Швеции

Фантасты и филателия

«Серия марок «Космическая фантастика» широко известна. А вот известны ли вам фантастические произведения о филателии и филателистах?»

«Здесь и похвастаться особенно нечем,— отвечая на третий из второй группы вопросов прошлогодней викторины, посадила одна наша читательница.— Буду рада прочитать, что нашли другие любители фантастики...»

Да, вопрос этот оказался по-настоящему сложным. Настолько сложным, что другой наш читатель, шестиклассник Игорь Волков из Экибастуза (Павлодарская область), смог ответить на него лишь фразой: «Я сам собираю марки о космосе и фантастике», а 19-летний Александр Почуев, давний наш друг из города Донского (Тульская область) вынужден был признаться: «Я могу назвать только свой рассказ...» Филателия — почти белое пятно в фантастике, не случайно не только А. Почуев, но целая группа читателей именно этой теме посвятила свои микрорассказы,— один из них мы публикуем в этом выпуске «Калейдоскопа».

Кстати, не случайно, очевидно, и скудость фантастики, связанной с филателией. Вот как объясняет это десятиклассник Олег Николаев из Мурманска: «Приключенческих книг по этой теме знаю несколько, а фантастических нет... Да и вообще, какие могут быть НФ произведения о филателии? Ведь в будущем марки потеряют назначение средства платежа. А то, что не восполняется новым, постепенно хиреет и отмирает. На смену непрактичной почте придут новые, более совершенные средства связи...» К чести Олега, он все-таки вспомнил и фантастическое произведение — рассказ М. Рейнольдса «Пари» («Есть там один филателист — Вассилис...»), — лишь знающие москвичи В. Вельчинский и Л. Филатов, призеры нашей «викторины-76», тоже назвали этот рассказ — в числе шести «выловленных» ими...

Итак, почти белое пятно... Но ведь все-таки — почти, кое-что мы, с помощью читателей, все-таки нашли! Что же именно?

Прежде всего, это произведения, герои которых — филателисты. Мы уже упомянули «Пари» М. Рейнольдса. Таков и «Человек, прошедший сквозь стены» М. Эме: обладатель этой странной способности с увлечением коллекционировал марки. Особенно рельефно это его при страстие показано в одноименном фильме,— напоминает нам В. Бригадир (Мурманск)...

Увлекается филателией один из героев повести К. Домбровского «Остров неопытных физиков» (а всем им, к слову сказать, немало крови попортил недалекий, но хитрый и, главное, очень жадный торговец марками Иенсен).

И чрезмерно общительный (не ставший, однако, от этого симпатичнее) Григорий Вольский в рассказе К. Булычева «Вымогатель» с начальных классов собирает марки, а помимо них — также и все прочее; безудержная эта страсть едва не привела его к печальному финалу, который ничему-то, тем не менее, его не научил...

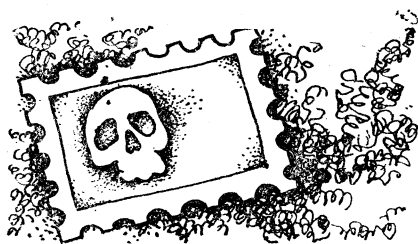
Собирают марки и герои рассказа Г. Альтова «Создан для бури». Здесь, кстати, рассказывается любопытная история французской марки, изображающей первый катер на подводных крыльях; катер был изготовлен еще в прошлом веке, а марка — незадолго до второй мировой войны.

Коллекция «древних» марок, датированных еще 1940-ми годами, фигурирует в рассказе Э. Лудвига «Маленький преступник». Это и в самом деле старая коллекция,— ведь действие этого невеселого (совершенно в духе романа Р. Брэдли «451° по Фаренгейту») рассказа происходит в 2056 году...

Наконец, собирала марки и... стиральная машина в рассказе С. Лема «Стиральная трагедия». Разумеется, то была типичная лемовская, отнюдь не стандартная машина: пакостливая бродяжка и побирушка, она названивала по телефону различным лицам, подражая голосу своего «электродателя», и выпрашивала у них в долг деньги...

Во всех перечисленных случаях увлечение марками с той или иной стороны характеризует героев — но,

пожалуй, и только. Между тем, можно выделить целую группу произведений, в которых филателия существенно влияет и на сюжет, на развитие событий.

Так, в старом — довоенном еще — романе С. Беляева «Истребитель 22» с помощью марок обменивается информацией со своими заграничными хозяевами шпион-филателист Башметов (сообщающий, между прочим, ничего не подозревающему сослуживцу такую любопытную деталь: «...в Клондайке, Ванечка, двести лет назад вместо штемпеля к посылке приклеивали рысье ухо с кисточкой!»).

С помощью марок (точнее, нанесенного на них клея) распространяют зловещий биостимулятор «D5X» преступные творцы «умиротворенного» общества в повести П. Валё «Стальной прыжок».

Шестиклассник Алик, в полной мере оправдывающий название посвященного ему романа Л. Белова «Этот несносный Ноготков», наглотавшись в кабинете отца-биолога приятных на вкус таблеток и оттого став «гипнотизером и телепатом», успешно выдает обыкновеннейшую спичечную этикетку — за редкостную марку...

Марки из недалекого прошлого вывозят незадачливые путешественники по времени в рассказе «Машина времени» М. Кита. «Сейчас тогдашние марки значительно повысились в цене, так что расчет был, — сообщает один из них, выступающий в роли рассказчика, но тут же сокрушается: — Однако настоящего барыша не получилось...»

При помощи экзотических марок отвлекают внимание ассистента, бдительно охраняющего экзаменационную новинку, герои рассказа К. Филалковского «Цереброскоп».

Неведомые силы (похоже, сама Вселенная?) пытались подкупить марками одного из героев повести А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света». Герой был стоек: не поддавался. А вот для Аполлона, заматерелого обывателя провинциального городка в повести тех же Стругацких «Второе нашествие марсиан», марки заслонили все на свете, — даже, пожалуй, и само это нашествие...

Редкая мальдивская марка падает в руки героя повести Л. Тре-

ера «Приключения воздухоплателя Редькина». Редькин планирует продать эту марку на аукционе и на вырученные деньги построить школу для маленьких дикарей далекого тропического островка. Но марка оказалась фальшивой — и пришлось герою искать другие пути для осуществления своей благородной мечты...

Когда выходят новые марки, завязтые коллекционеры покупают их, наклеивают на конверты и посылают друг другу в первый день продажи. Дата продажи стоит на почтовом штемпеле. Такие конверты называются «конвертами гашения первого дня», они никогда не распечатываются — ведь вместо писем в них лежат чистые листки. Но вот герой рассказа Д. Финнера «Игра стоит свеч» вдруг обнаруживает в своей родовой (начатой еще дедом) коллекции конверт, которого прежде не было. Датирован он 1894-м годом, а внутри него — не чистый лист бумаги, как полагалось бы, а... записка от приятеля, нашедшего «лаз» во времени и теперь благоденствующего в спокойной атмосфере «добрых старых времен»...

И, наконец, крайне редкие произведения о будущем филателии. В целом-то оно, увы, не беспечально; мы привели суждение О. Николаева — не согласиться с ним трудно.

Однако, если верить К. Булычеву, филателисты сохраняются и в отдаленном будущем! Почтайте веселую его повесть «Путешествие Алисы» — вы найдете в ней и упоминание о том, что «коллекционеры Солнечной системы собираются в первое воскресенье каждого месяца на Марсе, на плоскогорье у Большого канала», и сообщение о планете, где могучее братство любителей всяческих диких животных взяло власть в свои руки («вся промышленность той планеты выпускает лишь альбомы для марок, пинцеты и аквариумы»), и даже забавное описание большого космического базара на планете Блук («восьмой сектор Галактики»). Секция филателистов занимает на этом базаре километровую площадку, уставленную складными столиками, которых здесь, по словам старожилы, 14 300. «За столиками сидели филателисты — по двое, а где и по

четверо. И они менялись марками. Те, кому не досталось места за столиками, обменивались стоя или просто гуляли вокруг». Знакомая картина, не правда ли?... Зато марки в будущем — удивительны. Так, «Алиса купила серию объемных движущихся марок с изображением сирийских птиц», не менее удивительный «альбом для фиксианских марок, который сам устанавливал марку на нужное место, только поднеси к нему». Раздобыла она также две марки с планеты Шининеру, на которых изображение появлялось только по четным числам...

Что ж, К. Булычев — сказочник добрый, «обижать» филателистов ему не хочется...

В более, можно сказать, минорных тонах рисуется будущее марок в повести В. Шефнера «Девушка у обрыва».

Марки здесь, раз уж их функция исчерпана, отменяют, как отменили и деньги, но... поскольку филателисты всего мира устраивают грандиозные митинги, Всемирный Почтовый Совет постановляет: пусть марки существуют, однако не как знаки оплаты. И каждый обитатель Земли с этого момента получает право выпустить за свою жизнь три своих собственных марки — «общим тиражом не более 1 000 000 экземпляров»...

И еще одно произведение — рассказ П. Амнуэля и Р. Леонидова «Третья сторона медали» (он, кстати, печатался первоначально в нашем журнале, — 1968, № 1). Вопреки названию рассказ полностью посвящен маркам. Суть же его, в немногих словах, в следующем.

Благодаря серии марок, на которых репродуцированы марсианские миражи (герой-рассказчик убежден: невозможные на этой планете!) с полотен погибшего художника, обнаруживается: на Марсе неведомыми пришельцами оставлен маяк для землян — мнемограф, временами «всплывающий» на поверхность планеты и воспроизводящий в виде оптических иллюзий заложенную в нем информацию...

Таковы и в самом деле немногочисленные «филателистические истории» фантастов. Возможно, конечно, что нам удалось «засечь» не все из них: в сетях, которые сообщали тянули-потянули и вытянули наши читатели, могла оказаться местами слишком крупная ячя, да и сведения, полученные редакцией, не всегда конкретны.

Во всяком случае, мы будем рады, если кто-либо из читателей сможет дополнить наш обзор.

В. БУГРОВ

Гибель «Голубого Маврикия»

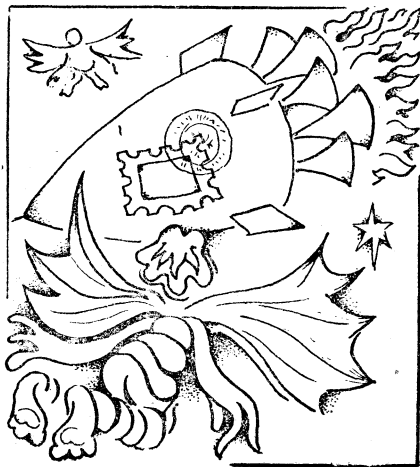
На планету Карминная Гвиана, где готовилось торжественное открытие филателистической выставки, слетелись тысячи разумоидов.

Выставка была приурочена к знаменательной дате: ровно пять земных столетий назад были отменены доплатные почтовые ракеты.

Центральное место на выставке занимала экспозиция почтовых ошибок, опечаток и казусов всех времен и народов. Экспозиция расположилась в огромном зале полусферической формы. Наиболее ценные экспонаты — «Голубой Маврикий» (древняя марка землян, сохранившаяся в единственном экземпляре), шумевший венерианский шедевр «Пизанская башня» (башня на марке по ошибке падала не в ту сторону) и огромная черно-фиолетовая марка Почтового Союза, специально для выставки выпущенная с грубой опечаткой (вместо заурядной эллиптической галактики из созвездия Печи на ней отпечатали знаменитую Крабовидную туманность), — были подвешены на несгораемых квази-нитях в центре зала.

Великий Почтарь — выборный глава почтовиков — аннигилировал ленточку у входа, и толпа разумоидов хлынула на территорию выставки.

Кольшущаяся масса знатоков столпилась вокруг драгоценных

экспонатов, восторженно ахала и оживленно обсуждала полезность опечаток и благодетельность ошибок.

Вдруг в зал, смятая толпа, ворвались ужасные космато-лохматые чудовища. Нецензурно шурша крылами, яростно размахивая клыстерами, они проложили дорогу к центру зала.

— Злостные филаганы!.. — испуганно выдохнула толпа.

Да, это были они — филателистические гангстеры, наводящие страх и ужас на всех разумоидов объединенных галактик. Это они подстерегали почтовые ракеты в темных закоулках нуль-пространства, налетали внезапно и злобно, чтобы безжалостно слизнуть шершавым языком марку с узаконенного борта. Ракеты приходили к адресатам без марок, контрольные посты лихорадило и накоротко замыкало, очередной Великий Почтарь приближался к «увольнению по собственному желанию» задолго до наступления пенсионного возраста...

По дорожке, склеенной из ранее слизанных марок и теперь расстеленной филаганами, сквозь оцепеневшую толпу к центру зала стремительно пронесся Предводитель. С довольным урчанием он слизнул «Голубой Маврикий» и, проглотив бесценную реликвию землян, повернул к выходу. Филаганы умчались вслед за ним в неведомые пространства. Разумоиды застыли в гостром безмолвии, разумоидки лежали в обмороке, а Великий Почтарь удалился писать заявление об увольнении...

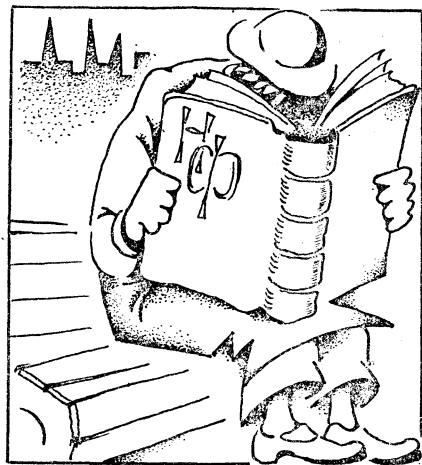
На следующий день по всем менто-, мнемо-, мысле-, телепа-, телеви- и радиоканалам объединенных галактик было передано экстренное ультимативное заявление Сера-Бертоля Хромпика, Предводителя филаганов:

— Разумоиды всех галактик! Восемнадцать веков назад повсеместно были отменены спички: их заменили зажигалками рижского производства (планета Земля). Мы считаем это несправедливым. Мы требуем возобновить выпуск спичек в коробках с нарядными цветными этикетками! Если объединенные галактики не удовлетворят наше требование, мы и впредь будем слизывать почтовые марки во всех их проявлениях. Мы слижем также и «Пизанскую башню», и все прочие старые и новые достопримечательности почтовиков!.. Dixi! Я кончил. Чао!

...Сер-Бертоль Хромпик и его филаганы были страстными коллекционерами спичечных этикеток.

В. и А. ЕГОРОВЫ
[Тбилиси]

Несомненный успех

Шведское «Общество Жюль Верна» по традиции ежегодно присуждает лучшей НФ книге, изданной в стране, свою премию. 8 февраля этого года вечно живому Жюлю Верну «исполнилось» 150 лет... День 8 февраля, когда по традиции вручается «премия Жюль Верна», оказался хорошим днем и для советской фантастики: лучшей книгой года была признана антология советского научно-фантастического рассказа «Весна света», в которой шведский читатель впервые познакомился с произведениями как маститых советских фантастов (Д. Биленкин, К. Булычев, Г. Альтов, И. Варшавский, С. Гансовский, Г. Гор, А. Днепров), так и молодых авторов (В. Колупаев, А. Балабуха, В. Григорьев, М. Чудакова). Составил антологию «Весна света» молодой московский критик Вл. Гакон.

В голосовании приняло участие почти 4 000 шведских любителей фантастики, причем подавляющее большинство отдало предпочтение именно сборнику советской фантастики. Вот что сказал председатель шведского «Общества Жюль Верна», писатель-фантаст, критик и издатель Сам Люндвалл: «Советская научная фантастика слишком долгое время была совершенно неизвестна на Западе... Награда безусловно свидетельствует о том, что скандинавские читатели высоко оценивают советскую научную фантастику!»

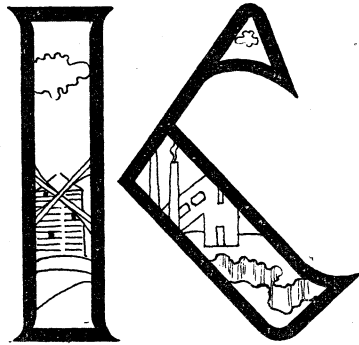
В. ЧУРИКОВ

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Краткий словарь географических названий Урала

Александр
МАТВЕЕВ

Оформление
Э. Баженовой

КУВАНДЫК, город на левом берегу Сакмары в Медногорском районе Оренбургской области (город с 1953 года).

Это название пытались вывести из казахского *куанг* — «засушливый», «выгоревший», однако живописные, покрытые лесами и лугами, места вокруг Кувандыка вряд ли могли так называть.

Совсем странно поступает Р. Г. Азнагулов из Уфы. Он делит слово Кувандык на три компонента: марийское *ку* — «камень», финно-угорский именной суффикс *ая* и башкирский словообразующий суффикс *дык*. В итоге Кувандык якобы — «Каменистое место».

Суффикс *дык* здесь действительно есть, но более правы те исследователи, которые видят в топониме Кувандык производное слово от казахского глагола *куану* или башкирского *кыуаныу* — «радоваться», то есть «Радость» или «Место радости».

Народная легенда о том, что это название происходит от башкирского личного имени Кыуандык («Мы обрадовались») свидетельствует о том, что в основе названия может быть и антропоним.

КУДЫМКАР (в памятниках письменности также Кудымкор), административный центр Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области. Расположен в

устье реки Кувы, притока Иньвы. В XVI веке здесь была небольшая деревня. В 1933 году Кудымкар стал рабочим поселком, в 1938 году — городом.

Направшивается прозрачная этимология: *ку* (*ва*) плюс *дым* — «около», «близ», «место; прилегающее к чему-либо» плюс *кар* — «город», то есть «Город около Кувы».

Другой возможный вариант: Кудым — личное имя, вероятно, иноязычное, то есть Кудымкар — «Город(ок) Кудыма». Это согласуется с коми-пермяцким преданием о чудском богатыре и жреце Кудым-Оше, жившем некогда там, где сейчас город, и коми-пермяцкой фамилией Кудымов.

Еще один путь предлагает В. А. Никонов: реку раньше называли Кудым. Этот топоним можно сравнить с северноудмуртским *куд* — «боло-то».

КУМАК, левый приток Урала. В Оренбургской области несколько населенных пунктов с тем же названием, и среди них рабочий поселок Кумак. Есть еще аул Кумак в Актюбинской области Казахской ССР. Из казахского *кумак* — «мелкопесочный» или «песчаное место» (*кум* — «песок», вспомните название пустынь Каракум и Кызылкум).

КУМЕРТАУ, горы и город на юге Башкирской АССР, центр угледобывающей промышленности. Город образован в 1953 году. Башкирско-татарское *кумер* — «уголь», *тау* — «гора», то есть «Угольная гора».

КУНАШАК, село (райцентр) на севере Челябинской области у одноименного озера. В татарском языке *куным* — «ночлег», *куну* — «ночевать», в башкирском *кунуу* — «ночевать».

Продолжение. Начало см. в №№ 1—3, 5—7.

Поскольку в тюркских языках *ак* часто выступает как суффикс, указывающий на место, можно толковать «Место ночлега».

Рассказывают, что здесь когда-то проходил караванный путь из казахских земель в пермские. На берегу озера путники останавливались на ночлег.

КУНГУР, город в Пермской области у впадения Ирени и Шаквы в Сылву. Острожек Кунгур был основан в 1648 году на правом берегу Ирени, выше ее устья, близ речки Кунгур (Кунгурки), правого притока Ирени. Но после нападения башкир и кунгурских татар в шестидесятых годах того же столетия его перенесли в устье Ирени на более удобное для защиты место. В 1781 году Кунгур стал уездным городом.

По мнению Н. К. Чупина, город получил имя по реке, и это трудно оспорить. Правда, по писевой книге М. Кайсарова (1623—1624 годы) речка, у которой был основан острожек, первоначально называлась Камгур: «А вотчина карьевских остяков речка Камгур от вершины до реки Ирени по обе стороны на 10 верст, да от речки Камгура вниз по Ирени до Сухова врагу». Но сейчас уже не проверить, насколько точен был переписчик, а он мог ошибиться, ведь городок сразу стал называться Кунгуром.

Есть и наивные объяснения, например, из татарских слов *куну* — «ночевать» и *гар* — «пещера», в целом — Кунгур, то есть «Ночлег в пещере». Творцы этого объяснения явно пытались как-то связать название и самый известный физико-географический объект близ Кунгура — Кунгурскую ледяную пещеру.

При толковании этого интересного топонима нужно учитывать, что по историческим данным в бассейне Ирени обитали кунгурские татары, что здесь много тюркских географических названий и что слово Кунгур распространено в топонимии Урала: Кунгур — башкирское название озера Щелкун южнее Свердловска, Кунгурка — левый приток Чусовой и гора около деревни Макаровой, близ Свердловска.

Значит, топоним Кунгур обозначает какое-то довольно обычное явление. Это позволяет вспомнить предположение Е. Д. Золотова, который считал, что в основе названия Кунгур татарское слово *конгыр* — «бурый» (у Золотова — «смуглый»). Сам Е. Д. Золотов утверждает, что вода в Кунгуре (приток Ирени) темная и на вкус неприятная, так что крестьяне не пьют ее.

Данные других тюркских языков не противоречат этому толкованию: по-башкирски «бурый» — *кунгыр*, по-казахски — *конгыр*, *конгур* — «бурый», «темный», «темно-бурый»,

причем в казахской топонимии, как установил Е. Койчубаев, слово *конгур* (в русской передаче *конур*) встречается на каждом шагу, особенно в названиях летовок и зимовий.

Однако название Кунгур необязательно прямо связано с окружающей географической средой. Это тюркское слово широко распространено как антропоним — личное имя (прозвище) и этноним — название рода или племени. Известна тюркская по происхождению фамилия Кунгуров. В Татарской АССР есть деревня Конгыр, которая по-русски называется Кунгурово. В одном русском документе 1654 года пишется: «в Тубинскую землю к князям Коюну и Кунгуру».

А в казахской топонимии антропоним и этноним Конур встречается очень часто: тут и Конурбай — «Конурский бай (богач)» и Байконур — «Богатый Конур».

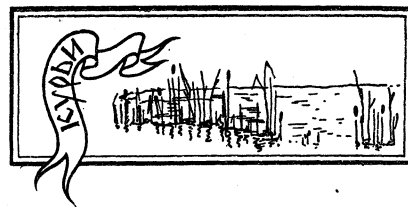
И еще одна деталь: в языке половцев *конгур* — «рыжеватый» (одно из значений татарского *конгыр* и казахского *конгыр*, *конгур* — «русый»). Это позволяет понять, как возникло тюркское личное имя и обозначение родо-племенной группы. Половецкое слово особенно интересно потому, что одно из названий половцев (а также племенной группы туркмен) сарык происходит от *сары* — «желтый», «светло-рыжий». Теперь понятна и русская калька *половец*, то есть *половий* («светло-желтый», «бледно-желтый»). А по китайским источникам кыпчаки, к которым относятся и половцы, были голубоглазыми и светловолосыми.

Вот куда мы добрались от Кунгура — до половцев и Байконура! Но это еще не все. Оказывается, тюркское слово монгольского происхождения: в монгольском языке *хонгор* — «буланный», в бурятском *хонгор* — «соловый».

КУРГАН, город, центр Курганской области. В 1662 году на берегу реки Тобол близ огромного кургана, который назывался Царев Курган, была основана слобода Царезо Городище. Известен ее основатель — русский крестьянин Тимофей Невежин. Предполагают, что раньше на том месте, где сейчас город, находилась татарская крепость.

С течением времени слобода стала называться Курганской, а в 1782 году преобразована в уездный город Курган.

КУРЬИ, село и курорт в Сухоложском районе Свердловской области на реке Пышме. От русского диалектного слова *курья* — «речной залив».

Географический термин *курья* очень широко распространен в топонимии Урала и Сибири: населенных пунктов и рощиц с названием Курья, Курьи множество. Этот термин проник на Урал издавна. Он был заимствован русскими у местного финно-угорского населения в бассейне Северной Двины, где в топонимии обычны названия вроде Нюккурья или Тойнокурья.

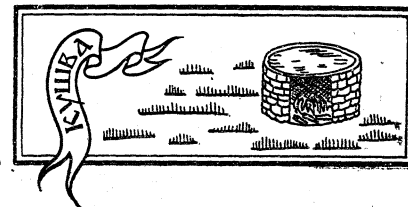
В языке саамов Кольского полуострова *курр* — «длинное узкое углубление», «заливчик» или «ложбина». Те же значения имеет и финское слово *куру*.

КУСА, правый приток реки Ай и город в Челябинской области к северо-западу от Златоуста. Ранее — поселок Кусинский завод (чугунолитейный завод основан в 1778 году).

Возможно, от башкирского *кюсеу* — «кочевать»: сравните в башкирской топонимии *Кюс юлы* — «Дорога кочевья». Значит, «Кочевье», «Кочевая», «Кочующая»?

КУШВА, название четырех небольших рек в Свердловской области (притоки Туры, Лобвы, два притока Тагила — Большая и Малая Кушва). На реке Кушва, впадающей в Туру, близ знаменитой горы Благодать, в 1735 году был заложен Кушвинский металлургический завод. С 1926 года — город Кушва.

Географический термин *ва* — «вода» указывает на коми-пермяцкое происхождение, но первая часть названия трудна для объяснения. Еще автор «Пермской летописи» В. Шишонко предполагал, что Кушва — «Голая вода» (коми-пермяцкое *куш* — «голый»), но мотивировку названия в полной мере разъяснить не удается. Возможно, права А. С. Кривошекова-Гантман, по мнению которой здесь коми-пермяцкое существительное *куш* — «голое, обнаженное место», «поляна», «пустошь».

КЫН, левый приток Чусовой (Пермская область). По реке Кын назван рабочий поселок Кын на железной дороге Чусовая—Бакал и село Кын, ранее Кыновский металлургический завод, основанный в устье реки Кын во второй половине XVIII века, но впоследствии закрытый.

Название коми-пермяцкого происхождения (кын — «мерзлый»).

КЫШТЫМ, город в Челябинской области на реке Кыштым. Первоначальное поселение возникло в середине XVIII века, когда началось строительство кыштымских заводов. С 1934 года Кыштым — город.

Г. Ф. Миллер пишет в «Истории Сибири»: «Кыштымами же по-татарски называются такие народы, которые обязаны другому народу покорностью и платежом дани». В русских документах XVII века, повествующих о взаимоотношениях русских с местным коренным населением Сибири, этот термин встречается довольно часто.

Еще один путь: в татарском и башкирском языках есть слово *кышкы* — «зимний», при усвоении которого русским языком могла произойти замена второго *к* на *т* (диссимиляция). С точки зрения смысла такое объяснение тоже вполне приемлемо: у кочевников были и зимние становища.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПЕСНИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Есть в Воронеже тихая улица — имени Пятницкого. На этой улице стоит 37-я школа. М. Е. Пятницкий родился под Воронежем и здесь создал свой знаменитый хор. Ребята решили, что им, его землякам, нужно больше других знать о деятельности известного музыканта, более других изучать народное творчество. В школе был открыт музей М. Е. Пятницкого, а потом родился ансамбль народной песни «Желаннушка».

Собирают и пропагандируют русские народные песни ребята уже семь лет. Каждое лето выезжают в экспедиции по родному краю.

...Спели они «Соловушку» в селе Александровка. Деревенские певцы, склонные думать, что песни, бытующие в их селе, в том числе и эта, никому не принадлежат, очень удивились, узнав от ребят, что «Соловушке» около полугода лет и что написал ее современник Пушкина и Кольцова крепостной артист Н. Цыганков. Старые певуны решили научить девчат своему варианту песни. Девочки встали между ними так, чтобы у каждой бабушки была своя ученица. От запева к запеву

стирались грани между двумя не похожими коллективами — хор слился в один...

В распутицу шли они раз в дальнее село Старая Чепня. В селе все жители утверждали, что бабка Полина знает и поет много народных песен. А бабка, когда ее нашли, заупрямилась — не хочет петь, и все тут...

— Знаешь ли, бабушка, как поют о Емельяне Пугачеве? — решили девочки «распеть» ее сами.

— Это чей же? Проськии Амелян?... Погодите, чья же у них фамилия? Кабы по-уличному, а по фамилии не упомяну...

— Да нет, бабушка, не тот это Емельян... — и спели ей песню о народном герое.

Слушала — глазом не моргнула. А как закончили — начала вдруг собираться из дома. Девочки совсем забеспокоились:

— Куда же вы, бабуся?!

— За сестрой схожу. Она джое славно песни играет. А я уж какая певунья... Посидите маленько...

Вот так и идет работа. Ходят девушки по селам, записывают песни, раскладывают на голоса, стараясь подражать бабушкам — их тембрам, подголоскам.

Как самую высокую оценку приняли они слова одной из деревенских песенниц: «Что же вы к нам-то за песнями приехали, коли больше нас их знаете!...»

Светлана
СМИРНОВА

СПАСТИ ДЯТЛА

Размышления над письмами о природе

**Леонид
ФОМИН**

Хороший разлив был прошлой весной в верховьях Чусовой. Давно не примечали старожилы такой воды. За одни лишь сутки уровень в реке поднялся до критической отметки. И Федор Иванович Жаров, чей дом стоит на берегу, весь день сидел с женой на бревнах под окошками с приготовленной на всякий случай лодкой и тревожно поглядывал на вешки, воткнутые уже у самой завалины: с паводком шутки плохи...

Я начал разговор с половодья вовсе не потому, что хотел удивить чем-то необычным, а чтобы отметить тот всеобщий восторг от большой (увы, теперь уже нечасто) воды, от цветущей черемухи, от ясных, звонких весенних небес, когда стар и мал выходят на берег полюбоваться разливом. Красота земная не приглядывается...

Тогда же, в эти славные майские дни мы ушли с мальчиком Пашей в пойменные луга, долго бродили среди воды по островам и островочкам, наконец, потеряли единственный мелководный проход и сели на поваленную березу. Солнце склонилось над гривой угористого сосняка, розовым и алым высветило разливы, и мы радостно молчали, каждый думая о своем. Над нами пролетали по-весеннему шаловатые утки, где-то за лесом кричали журавли, качалась на стремнине вся в желтых барашках верба, и рыдала, рыдала на закат горлица...

Все это мне припомнилось, когда я читал почту «Уральского следопыта». Писем много: от школьников, рабочих, учителей, пенсионеров. Их объединяет одно — забота о сохранности лесов и полей, рек и озер.

«По роду работы мне много пришлось ездить по стране, видел немало красивых городов и, разумеется, сравнивал их с родным Каменском-Уральским, — пишет в редакцию житель этого города Л. ХОМУТОВ. — И должен с радостью сказать, что Каменск-Уральский прекрасен. Нет, не по архитектурному облику, а по своему неповторимому природному оформлению. Природа щедро украсила его чудесными речками, прозрачными родниками, сосновыми и березовыми лесами...»

А далее Л. Хомутов с горечью сообщает, что красота эта год от

года скудеет: вырубают леса, застраивают некогда живописные берега, да и сами сильно обмелевшие реки — Исеть и Каменка — постепенно превращаются в сточные каналы.

Автор письма справедливо замечает: «Понятно, что непрерывно растущий город не может уместиться в тесных границах, какие он занимал до сорокового года. Поэтому леса, бывшие на окраинах, оказались внутри его. А их оздоровительно-медицинское значение выросло и продолжало расти прямо в пропорциональной зависимости от городского развития. Расширяясь, город по возможности не должен уничтожать ни одного деревца, ни одной живописной скалы. То есть не должен наносить непоправимый вред самому себе. Это же подарок природы, готовые парки и зоны отдыха!»

С письмом Л. Хомутова прямо-таки перекликается тревожное сообщение жителя города Кызыл-Орды Е. ПОГАДАЕВА. Он говорит, что еще не так давно в Сыр-Дарье водилось множество рыбы, в камыщах обитали кабаны, дикие козы, другие звери, много пернатой дичи. Куда все это делось? Истребили браконьеры? Не похоже. И — вывод: не стало хватать воды...

Загрязнение водоемов, истощение их водных ресурсов, обеднение прибрежных зон — об этом пишут читатели в редакцию «Уральского следопыта», и почти у всех содержится призыв: как можно скорее положить конец неразумному хозяйствованию, с возможной осторожностью, а главное — с дальновидностью подходить к решению тех или иных народно-хозяйственных задач.

В своих заметках я не берусь вскрывать причины положения на малых и больших реках — это общеизвестно, и на этот счет немало всевозможных постановлений. Я хочу поговорить о другой стороне проблемы — об эстетическом влиянии природы на человека, особенно на молодого.

В новой Конституции записано: «Граждане СССР обязаны беречь родную природу, охранять ее богатства». Надо ли говорить, насколько многогранно и емко значение этих слов. Здесь можно иметь в виду и материальные блага, и духовные цен-

ности, и национальное достояние. Тако оно и есть, но я бы добавил еще одну, непреходящую и незаменимую ценность — истоки нравственного здоровья человека.

Наверно, не будет новым мое убеждение, что дети, выросшие среди природы, добрее сердцем, отзывчивее душой, они бережнее относятся ко всему, что их окружает. Такие дети немногословны, как бы скрытны, и часами могут смотреть на плывущие зори, на радужные переливы вечерних плесов, на глубокую синь полуночного неба — воистину дети природы! Девочка или мальчик, которые в свои десять-двенадцать лет не удивятся яркому, первый раз увиденному цветку, не высадят в газон ни одного кустика, не воспитают котенка или щенка, наконец, не дослушают до конца самый сокровенный бабушкин рассказ, вырастут не то чтобы ущербными, а обедненными. Нет, общество даст им и образование, будут они здоровыми, разносторонне развитыми и все-таки не испытают в полной мере радости открытий, упустят что-то очень важное, которое, возможно, и не восполнится за всю жизнь.

Помните из хрестоматии: «Плакала Саша, как лес вырубали, ей и теперь его жалко до слез...» Ну-ка, найдите мне такую Сашу среди городских ребят. Ведь не поддается осмыслению: одни салят деревья, ухаживают за ними, а другие губят их, так, от нечего делать. Почему? А «вредитель» и сам на это не ответит. Не приучен беречь и охранять живую красоту. Вот почему тронул меня однажды призыв-обращение на одной из улиц Свердловска: «Спасибо тому, кто посадил дерево, дважды спасибо тому, кто вырастил его и сберег».

А в лесу? Если человек незаконно спилил дерево, его привлекут к ответственности. А если горе-турист срубил для палаток и прочих бивачных нужд десяток березок, его не то что простят, а просто не обратят внимания. Разумеется, те же туристы. Теперь помножим этот факт минимум на двадцать раз (среднее количество дней в году выезда на природу). Да плюс еще на полмиллиона (среднее количество туристов, выезжающих за пределы городов только в одной Свердловской области). И картина рисуется печальная... Причем, делается все это вблизи крупных городов, в местах массового отдыха.

Еще пример. Если человек незаконно отстрелял зайца, глухаря (не говоря уже о лосе), его тоже накажут, и здорово. А вот кто понесет ответ за тысячи убитых дятлов, соек, дроздов, чаек, другой пернатой и непернатой живности, которая не входит в разряд «промысловых» или «дичи» и остается как бы вне закона? Не раз доводилось мне встречать

в лесу «охотников» с новейшими ружьями, увешанных патронташами, ножами-ятаганами, бухающих направо и налево. В основном это молодежь и не какая-нибудь несведущая, а по всем признакам образованная, чем-то полезным занятая в будни — и с таким обогим, ну прямо примитивным пониманием отдыха на природе, красоты земли.

Откуда это? Неужели, скажем, мы, люди старшего поколения, если не прошедшие войны, то вдалстала хлебнувшие ее горечи в детстве, евшие крапиву, лебеду, не сумели своевременно рассказать-поведать нашим детям о великой всеисцеляющей силе природы, привить бережное и любовное к ней отношение?

Оказывается, не сумели. Детям свойственно подражать, и они смотрят на нас...

Шагает однажды по городскому скверу молодой могучий мужчина, на одном плече покачиваются лыжи, на другом — стройная, срубленная под самый корешок елочка. Сзади поспешают два юных сына, точь-в-точь как папа: тоже с лыжами и тоже с елочками на плечах, только совсем маленькими.

— Где купили? — спрашиваю мужчину.

— Купил? — удивляется тот и показывает на часы. — До Нового года всего полсуток, а посмотрите, что продают на елочных базарах. Палки! Срубил, вон там срубил, если хотите! — и кивнул на недалекую гору, густо засаженную теми самыми елками...

Неприятно, обидно мне было за взрослого человека и жаль его малолетних детей. Нет, такой отец вряд ли привьет сыновьям любовь к земле.

И тогда же всплыл в памяти другой случай. Друг мой наклонился в седле и сломил ивовый побег. Ехавший рядом молодой пастух манси остановил коня, строго спросил:

— Пошто сломал?

— Что? — не понял друг.

— Пошто ветку сломал, спрашиваю?

— Так это же погонять лошады!

— Узда есть, ремень есть — погоняй. Ветку кушать не будешь, а ветка, костер не положишь. Тут бы птичка села, мурашник забрался, а расцветет ветка — семячко обронит, новый куст вырастет. А ты сломал!..

Здорово запал мне в голову этот упрек. Казалось бы, уж где-где — в тайге, и ведь не дерево, а ветка, всего лишь побег — и тут рачительный житель планеты усмотрел несправедливость: не губи без надобности. Только из-за экономии печатного места я не привожу здесь длинного и поучительного монолога пастуха, прямо-таки пригвоздившего к позорному столбу человека, сломившего без дела одну-единственную ветку...

Вспоминаю деревенского мальчика, которого родители на лето увезли в Ленинград. В большом городе все было новым, неожиданным. Однако мальчика скоро начала утомлять рукотворная роскошь парков, садов, неистово угнетал сверкающий фонтанами и бронзой Петродворец. Мальчика уже ничто не увлекло, не удивляло, и он настойчиво запросился домой. Великолепие дворцов, ухоженных скверов, диковинные цветы и деревья не могли заслонить неброской красоты калинового куста на росном лугу, тихозвонной речки Гренихи, пестроцветья июньской поляны. Вернувшись домой, он сразу же убежал к реке, погладил, потрогал перильца плотика, посидел в лодке, поплескал горстями на лицо воду, а потом вдруг заплакал...

Как же мы должны беречь родную природу... Пока мы условно отвечаем и за срубленную березку, и за убитого дятла, и за вылитую в ручей канистру отработанного масла — за всю живую и неживую природу. Берем от нее, сколько хотим. А она ранима... Тихо, молча, как больная мать, иссыхает помаленьку, увядает, год от года все больше меняясь в лице, и мы не сразу замечаем гибельных перемен.

Член правления Каслинского общества охраны природы (Челябинская область) А. САНАТИН с болью рассказывает в своем письме о последствиях лесного пожара: «Под ногами я увидел странный бугорок, что-то округлое, опаленное огнем. Наклонился и поднял мертвую птичку с обгоревшими перьями. Это была жаворонок сгоревшая перепелка. В небольшом углублении-гнезде лежало три крохотных, без следов ожогов, птенца. Они, очевидно, задохнулись от дыма. Мать-перепелка, спасая детей, сгорела сама. А рядом был сухой прохладный яр...»

Подобных писем тоже немало. Всем известно, какое бедственное положение в засушливую пору складывается в лесах. Пожары! Губительны они для всего живого, не говоря о самих лесах, о неопределенных материальных потерях. А ведь кажется все невинным. Ну подумаешь, слил из машины масло, пусть в ручей, пусть в траву — смоем, зарастет! Кто в лесу считал «ничейных» дятлов? А тут и вовсе пустяк — бросил непогасшую спичку. Что теперь, путнику и покурить нельзя?

И опять приходится прибегать к простой арифметике: помножьте эти «случайности» на тысячи раз...

Помню, как возмущался однажды знакомый режиссер, просматривая сюжет любительского фильма. На экране веселые туристы прощально машут костру. Не тушат, а именно машут, а кое-кто еще и подбрасывает сушняк. Через минуту они уйдут, а костер будет гореть. Через десять минут от высокого пламени займется

еловая ветка, гигантским факелом вспыхнет вся ель. Через час...

Последнего в кадре не было. Но не надо много фантазии, чтобы представить дальнейшее. Могло, конечно, и не быть беды. А если все же ель вспыхнула? И не потому ли возмущался режиссер, что всего лишь двумя днями раньше он поставил по местному телевидению передачу о героическом тушении лесного пожара. А ведь туристы, предлагая фильм, не думали о самообвинении...

«Дорогая редакция, — пишет семиклассница ЛАРИСА КАПРАНОВА из далекого поселка Ясное на Сахалине. — Мы с сестрой Леной купили попугая, но одного сразу же загрыз кот, а другой через месяц умер от грусти... Еще у нас была черепаха, но она тоже умерла — простудилась на улице... Расскажите, как ухаживать за дикими животными дома?»

Как ухаживать за дикими животными дома? Надо ли? Все ли готовы к этому и знают ли, что воспитанный в неволе, пусть и при тщательном уходе, зайчонок, бельчонок, грач, скворец неизбежно обречен на гибель? Выращенные в человеческих условиях животные утрачивают многие жизненно важные инстинкты, снова оказавшись на воле, они не способны самостоятельно прокормиться. Я уже не говорю о том, что прятаться, защищаться от врагов так же необходимо для жизни, как и уметь находить пищу. А эти качества у животных развиваются и закрепляются только в родной среде. Вот и получается, что любовь наша к лесным малышам, искреннее желание помочь им, обращаются для них бедой.

Как молодые животные попадают к человеку? Почти всегда приносят их детям взрослые. «Наклонился я за красноголовиком, а рядом с ним, под папоротником, — серый пушистый шарик. Я и накрыл его шляпой...» — с восторгом рассказывал мне один такой «радатель» природы, поймавший зайчонка-листопадника. «Так ведь он же без матери был!» — откровенно удивился грибок на мой упрек, зная ничего не зная о том, что зайчата с первых дней жизни предоставлены самим себе...

Каюсь до сих пор, как прошлым летом, не удержавшись от соблазна, пошел посмотреть «ручного» барсука к одному деревенскому лоботрясу. «Еду я, значит, на мотоцикле, — рассказывал Вася, — а по дороге, под фарой бежит этот барсук, — лохматый, чернушый весь, потешный, в общем. И ведь что интересно, никуда не сворачивает, так и дует по дороге. Я, конечно, поддал газу — и шмяк его колесом! Закувыркался он, завизжал, как поросенок, — и в лес, дурак, после времени-то. Тут я и накрыл его, значит, пиджаком...»

В крольчатнике за железной сеткой, забившись в угол, сидел худой, израненный, со свалывшейся шерстью... енот.

— Кто его так уделал?

— А бежать, дурак, вздумал! Прогрыз вон там доску — и унырнул. Собаки в огороде поймали. Кое-как отбил! Хорошие у меня собаки...

Не за малые деньги я выкупил этого несчастного зверя, унес далеко в лес, но не уверен, что он выжил...

С «приручением» диких животных случаются и печальные курьезы. В поселке Медном, близ Свердловска, тракторист местного торфопредприятия поймал, опять-таки ослепив фарами, месячного лисенка. На день запер его в сарае, а вечерами водил на поводке в лес. Тракторист был охотником и мечтал натаскать лисенка, как легавую собаку, для охоты по боровой дичи. И «натаскал». Только вместо дичи, уже выросший прекрасный лисовин, неизменно приносил хозяину... куриц, в том числе и его собственных.

Судьба этой лисы также закончилась трагически. Не боясь людей, она забежала в юго-западный район города, где и была заправлена на глазах у многих бродячими собаками...

Приходят в редакцию письма, в которых авторы, сообщая о каком-либо возмутительном факте, пытаются облечь его в форму рассказа.

Вот строки одного из них:

«Затрепали кусты, хрустнул валежник, лосиха прынула в глубину тайги. На поляну вышли люди.

— Глянь, лосенок!

— Где?

— Вон, у куста!

Муж и жена, подсочники Режевского леспромхоза, подошли к дрожащему мокрому комочку — рыжему лосенку. Мать стояла поодаль в густотели елочника, томясь и мучаясь.

— Давай возьмем, выкормим, а к осени зарежем, — предложила женщина. — Хорошая телочка, мяса много будет...

— Угу... — согласился мужчина и взял теленка...

Вдумайтесь: «к осени зарежем». А ведь это не плод фантазии, реальный случай. Действительно, неизвестно, чем бы закончилась эта отвратительная история, не окажись рядом ответственных людей — старшего егеря Покровского охотхозяйства Василия Вакеевича Гудкова и председателя Артемовского исполкома горсовета Валентина Егоровича Пчелина. Полуживого, заморенного лосенка — практичные супруги кормили его из расчета одну банку сгущенки на неделю — егерь определил на жительство у себя, и сейчас ему ничто не угрожает, разве что растет он без всяких перспектив на будущее.

Но здесь даже и не в этом суть. Как же отнеслись должностные лица

к поступку рабочих, разоривших семью лосей? Заслуживают ли они наказания, а если заслуживают, то почему не понесли? В самом деле, какая разница — или незаконно убить взрослого лося, или вот таким путем взять от матери беспомощного детеныша на мясо? Мне кажется, ответственность здесь должна быть одинаковой, если не большей в последнем случае.

Этот рассказ «Уралочка» с приложением фотографии лосенка прислал житель Свердловской области Г. ЧУСОВИТИН.

Письма... Многие изложенные в них частные заботы перерастают в предмет широкого общественного звучания и требуют незамедлительного вмешательства или пристального изучения. Болото... Казалось бы, какая в нем прелесть, а вот житель села Кленовское Нижне-Сергинского района Свердловской области И. ЛУТКОВ рассуждает об этом так:

«В нашем районе имеется прекрасное болото, покрытое лесом (Разрядка моя. — Л. Ф.). В старину здесь жили лебеди, а в настоящее время каждый год прилетают и выводят потомство журавли. В болотном лесу водятся лоси, гнездятся глухари, рябчики и тетерева.

Какова же дальнейшая участь этого маленького естественного заповедника? Теперь по всей площади болота начисто вырубается лес, и оно подлежит полному осушению. Этим занимается по своей инициативе Кленовский совхоз...»

За строками письма угадывается тревога страстного патриота своего края, тревога человека, понимающего, как важно сохранить хотя бы на отдельных, малых, никому не нужных участках первозданное лицо земли.

Тут в самый раз сказать о микрозаповедниках, которые находят все большее распространение в нашей стране. Об этом подробно написал учитель биологии из города Омска В. ШРАМ.

Он пишет, что еще в прошлом веке многие ученые наблюдали жизнь природы в близости от городов. Это были пустыри, развалины, поля, луга, словом, все, что необходимо для обитания разных видов животных, насекомых, произрастания трав и деревьев.

В наше время усилиями энтузиастов это доброе дело продолжается. Автор приводит широкий перечень уже действующих микрозаповедников. Территорией для них послужили непригодные для хлебопашества и животноводства земли, заброшенные хутора и деревни. Ведь именно там, где меньше всего бывают люди, происходит естественный кругооборот в природе. А это ли не условия для работы ученым да и юннатам!

Эталоны дикой природы имеют

и чисто практическое значение. В Омской области в одном из совхозов сохранен участок целинных земель с буйным разнотравьем, где нашли пристанище колонии шмелей, пчел и других насекомых — опылителей кормовых культур.

В заключение В. Шрам пишет: «Отрадно, что везде проявляется забота об охране природы. Но делается это пока стихийно. Хорошо бы это инициативное дело узаконить, разработать ему соответствующие методические рекомендации и поставить на научную основу...»

Очень правильные мысли! Вот, видимо, о чем хотел сказать и предыдущий корреспондент из села Клевовское.

«Я учусь в девятом классе, мне уже пора выбирать профессию. А я еще не выбрала. Вообще я очень люблю заниматься животными. Так вот, я хочу, чтобы моя профессия была связана с ними. Не смогли бы вы подсказать, какая это профессия и где ей можно обучиться?» — обращается с просьбой в редакцию АЛЛА ЛЕБЕДЕВА из подмосковного города Электросталь.

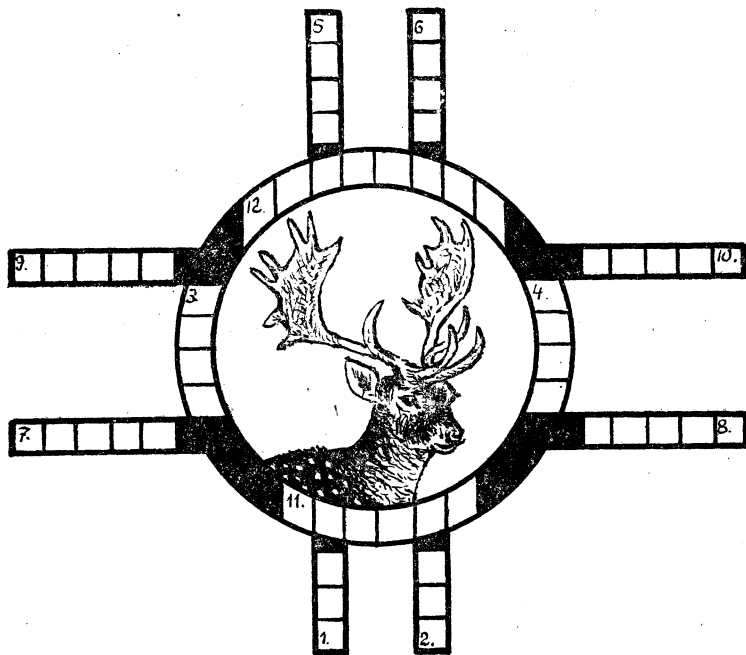
«Люблю заниматься животными», «Люблю животных»... Эти слова часто встречаются в письмах читателей «Уральского следопыта». Это прекрасно — любить животных! Но ведь любовь к ним, а стало быть, к природе, заключается не только в содержании их рядом с собой, в домашних условиях, где они никогда не будут такими же прекрасными (и уж само собой, не раскроются во всей глубине своих «характеров»), как в естественных условиях. Не лучше ли, вооружившись блокнотом, фотоаппаратом, кинокамерой отправиться в лес, в поле, на болото — туда, где изначальная, полная взаимосвязи жизнь природы, где все идет по своим законам, своим чередом, где истинная природа? Это не только изучение, а великая радость общения с прекрасным.

В добрый путь, следопыты!

Зоовикторина

Велик ныне интерес у людей к животным, к живой природе. Читатели «Уральского следопыта» постоянно просят рассказать о том или ином звере, и сами рассказывают в письмах о волнующих встречах с дикими животными. Мы публикуем зоовикторину А. Микулина, проверьте, дорогие природолюбцы, свои познания мира животных.

Внесите в клетки названия животных.

- Самое крупное на Земле животное.
- Родственник многих пород крупного рогатого скота, последний представитель этого вида погиб в начале семнадцатого века.
- Животное отряда парнокопытных, живет по всей Европе и в нашей стране. Голова его изображена на рисунке.
- Парнокопытное животное, живущее только на острове Сулавеси. На грани полного исчезновения.
- Мышевидный грызун, самый маленький из своего семейства, живет преимущественно на деревьях и на кустарниках.
- Представитель крупных хищников из семейства кошек.
- Непарнокопытное животное высокогорий Колумбии, Эквадора и Венесуэлы.
- Сумчатое животное, любимец австралийцев.
- Грызун, родина которого Южная Америка. Европейцы называют его морской свинкой.
- Самый мелкий хищный зверь. Распространен почти по всей территории нашей страны.
- Сумчатое животное Австралии. Второе его название нульбенгер. Сладкоежка.
- Животное из отряда неполнозубых. Величиной с собаку, обитает в лесах Центральной Америки.

Рисунки
З. Баженовой

**Виктор
БАНЬКИН**

Позвонушка

Забросила меня судьба летом на пару дней в далекое от больших дорог сибирское село, где жил поразительного трудолюбия человек, мастер на все руки: тракторист, комбайнер, механик. Вот о нем-то, Иване Лукиче, мне и надо было написать корреспонденцию в центральную газету.

Выйдя из пропыленного газика у полевого стана отделения совхоза, где убирал пшеницу старательный хлебороб, я увидел невдалеке голопузого мальчишку с огненной головой, даже не покосившегося в сторону машины.

Улыбаясь каким-то своим мыслям, малец то и дело подносил к уху незнакомое мне растеньице с мелкими буроватыми листиками и еле приметными цветочками — голубоватыми пупырышками. Тряхнет стебельком и внимательно прислушается.

«Чем заворожил мальчишку неказистый этот кустик?» — хотелось спросить мне директора совхоза, но тут из-под навеса от большого дощатого стола направился к нам крупный детина с рыжеватой вьющейся бородкой.

— Везет вам: вот и сам Иван-воин! Видать, отобедался, — бросил через плечо директор. — Подброшу сейчас вас обоих на его загонку. И, пытайте нашего богатыря сколько душе угодно.

До позднего вечера — на диво сладостно-светлого в эту пору года — пробыл я с Иваном Лукичем на его степном корабле.

А при возвращении на полевой стан ненароком заметил в руке комбайнера только что сорванный с обочины дороги махонький кустик — точь-в-точь такой же, какой видел днем у голопузого мальчика с огненно-рыжей головой.

— Что за растение? — спросил я. — Давеча, едва вышел из «газика», увидел малыша с таким же кустиком. Он зачем-то подносил его к уху...

— Да это вы моего шустряка Гришуню повстречали, — устало усмехнулся Иван Лукич — совсем еще молодой мужик, стесняющийся, когда его величали «Лукичем». — Растеньице с виду невзрачное, но имеет свой секретец. Многим равнодушным к природе людям тот секрет и невдомек... Поднесите-ка стебелек к уху и потряхните слегка. Послушайте.

Поднес я к уху жесткий стебелек с жесткими листиками. Тряхнул. И поражен был малиновым перезвоном. Почудилось: в руках у меня не кустик неведомого растения с пуговками-точками непахучих цветочков, а десяток-другой невидимых для глаз серебряных бубенчиков.

— Как называется удивительный цветок? — немного погодя спросил я комбайнера.

— Ласково окрестили этот знак: «позвонушкой», — ответил Иван Лукич. Короткая летняя ночь уже обволакивала землю призрачной мглой, тревожа засыпающий мир далекими глухими зарницами, и я не видел отчетливо лица моего спутника, но душевная улыбка улавливалась в интонациях его грудного голоса. — Много радости приносит наша позвонушка детишкам.

Улетая через день самолетом в Москву, я увозил с собой букетик чудодейной позвонушки.

Ветка жасмина

В этом году и весной, и летом в нашем дачном садике было особенно цветасто.

В середине апреля по краям извилистой тропы, тянувшейся от дома до кухни, замельтешили маргаритки, не боявшиеся холодных ночей. Вслед за тем раскрылись и анютины глазки, похожие на редкостных бабочек. В конце же месяца на солнечной полянке утром однажды раскрылись нарциссы. Хрупкие белые звездочки были видны издали среди скудной пока зелени.

Недели две в мае благоухала нежно сирень. Ее тяжелые, лиловатые гроздья свисали низко-низко.

Бирюзовыми облачками, опустившимися на землю, казались «островки» неприхотливых незабудок. Цвели обильно и шиповники; вокруг пунцовых, белых, алых махровых роз все время увивались пчелы и шмели. А тюльпаны? Они жарко горели на солнце церковными лампадами.

Потом раскрылись пахучие чашечки жасмина. У нас два куста. Один, в тени под липами, всегда цветет раньше другого, стоящего посреди участка.

Вот этот, поздний, куст жасмина преподнес нам редкостный сюрприз. Он цвел обильно, сверху донизу осыпанный крупными снежинками, расточая щедро тонкий, ни с чем не сравнимый аромат.

Сколько букетов стояло на даче, сколько таких же пышных букетов раздали соседям справа и слева, и по другую сторону проезда, а он, куст этот, оставался все таким же радостно белым.

Однажды в ночь завертел, закружил бесшабашный ветер. Он буянил до рассвета. Утром вся земля вокруг жасмина была обильно усыпана снежными хлопьями. Куст стоял голым, как бы стыдясь своей наготы. Нет, листья не опали, большие и сочные, они топорщились в разные стороны, но без пахучих чашечек куст выглядел жалким, обворованным.

Прошло около полумесяца. И вот в конце июня, как-то утром, проходя мимо жасмина, я вдруг оторопело ахнул.

На зеленом кусту броско выделялась снежной белизной крупная ветка. Откуда появились вновь эти благоухающие чашечки?

Несколько дней любовались мы с женой запоздало расцветшей веткой жасмина, одной-разъединственной на всем, давно осыпавшемся, кусту.

Много было за лето и осень всяких цветов в саду: и маков, и гвоздичек, и «царских кудрей», и огромных, чуть ли не по чайному блюду, глазастых ромашек, и золотом горящих ноготков, и пушистых астр, а вот эту позднюю веточку жасмина я не могу забыть даже сейчас, когда за окнами лютует январская стужа!

**Михаил
ДЕМЕНОК**

Синичка и женьшень

Осенний лес. Белоногие березы с шапками золотых листьев, виноградные лозы с иссиня-черными сочными ягодами, игольчатые осколки инея на зеленой, как изумруд, отаве. Не хватает только песенки, шибетания птиц, которые уже улетели в теплые края. Но что это? В неширокой ложине, где все еще зеленеют «елочки» амурского папоротника, вдруг посыпались тонкие трели: ци-ци-ци!

«Взглянуть бы на тебя», — с этой мыслью я направился к ложине. Смотрю — возле колючего стволика аралии раскачивается из стороны в сторону коричневая веточка, увенчанная бутончиком красных ягод, а над ним, то падая, то взлетая, порхает синичка в своем неизменном голубоватом сюртучке. «Ягоды бузины, вероятно, склевывает!» — подумал я и шагнул к веточке с красными ягодами. «О, диво!.. Женьшень!» — вырвалось у меня. Я невольно опустился на камень и внимательно стал рассматривать целебное растение в осеннем наряде. На буром морщинистом стебле возвышался над землей зонтик из желтых, испещренных жилками, пятилапчатых листьев, а под зонтиком — коричневая упругая стрелка с бутончиком красных мягких ягод-костянок. Признаться, это второй по счету женьшень, который мне довелось увидеть поздней осенью.

«Спасибо тебе, птичка-невеличка, за редкий трофей!» — мысленно поблагодарила я синичку и сделала топориком зарубку-метку на сухом ильме возле стебля женьшеня. Ягоды женьшеня я намеренно не тронул: пусть синичка склевывает их и разносит по лесу...

Деревянная наковальня

Когда случается подняться на Ротную гору — самую высокую вершину, то не премину пройти по северному ее склону, который я назвал «дендариум» за обилие растительности. Здесь, на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря, на площади всего в несколько гектаров растут деревья и знойного юга, и севера: кедр, орех, бархат, граб, диморфант, ель, пихта, дуб, береза и даже ясень. Тут же встречаются колючие стволы дальневосточной пальмы аралии, элеутерококк и лиана-актинидия, лимонник, виноград...

На днях я проходил по «дендарию». С вершины Ротной горы прилетали время от времени мощные порывы ветра, и тогда рядом с медно-красными великанами-кедрами раздавались глухие удары: «Бух-бах!» Это падали спелые шишки. Поднял одну в капельках золотистой смолки и, присев на валежину, стал вылушивать вкусные орешки.

Ветер постепенно утих, и воцарилась немая тишина. Вдруг слышу: «Сту-стук, сту-стук!» Кто это мог быть? Пошел тихонько на звуки. Смотрю, стоит в окружении великанов-кедров толстый высоченный диморфант, темная кора на котором изрезана, как шрамами, глубокими трещинами. И одну из трещин старательно простукивает клювом черноголовый дубонос.

При каждом ударе из трещины вылетают и падают на землю желтые скорлупки от кедровых орешков. Услышав шорох сухой листвы, птица снялась и улетела. Я осмотрел трещины на коре, обнаружил в них десятки целых, не расколотых орешков. Оказывается, черноголовый дубонос приспособил глубокие трещины на коре диморфанта, как зажимы. Прилетит после меня дубонос, и снова заработает деревянная наковальня. И птица будет лакомиться орешками.

Про медвежат

Однажды по вечерней зорьке я вышел к подножию гривастой сопки, обросшей вековой щетиной мощных дубов, и сразу же услышал гулкий треск ломающихся сучьев. Эти звуки были мне знакомы, и, не сходя с тропы, я мог убедиться, что нынче уродились желуди. Я-то знал, что нарушителем вечернего покоя был не кто иной, как гималайский белогрудый медведь, снимающий урожай с дубов.

Через несколько дней мой путь пролегал опять мимо той сопки, и я поднялся на нее. Все было так, как я и думал. Дубов восемь начисто лишились вершин — медведь обломал. Но было странным для меня не обнаружить на этих дубах непреходящих «орлиных» гнезд из веток. Обычно во время желудевых налетов медведь, обламывая ветки, кладет их под себя, устраивая комфортабельное сиденье-гнездо. На этот раз ветки кучами валялись на земле.

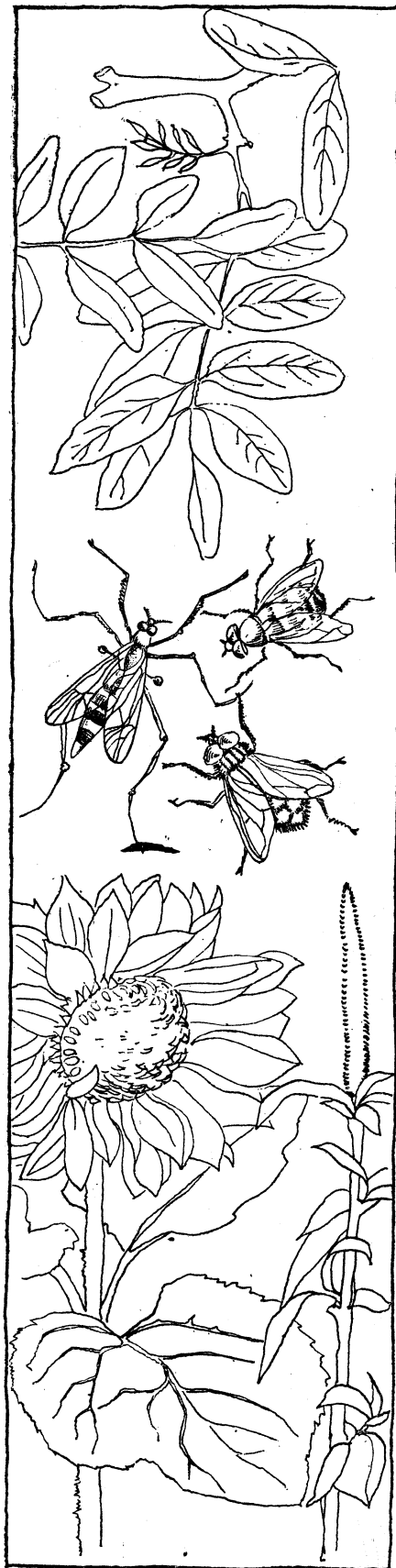
И тут я догадался: здесь лакомился не один медведь, а целое семейство.

Мое предположение оправдалось, когда я вышел на болотину. Там я обнаружил один большой и два маленьких медвежьих следа. Здесь же увидел сломанную липку маньчжурскую. Затем заметил еще шесть сломанных под корень липок. Было над чем поразмыслить. Что липки — дело рук медведей, не вызывало сомнений. Но зачем они это сделали? Ведь молодую липовую кору медведи не едят.

Возле одного из поваленных деревьев на пятачке взрыленной земли я увидел когтистые следы медвежонка, и они-то приоткрыли очередную тайну.

...В тот вечер медведица посадила свое семейство под дубом, а сама залезла наверх и стала сбрасывать ветки. Медвежата сначала решительно не понимали, зачем этот шум и треск. Но когда мать спустилась с дерева и принялась с хрустом скусывать с веток круглые шишечки, медвежата последовали ее примеру.

Теперь, как только мать залезала на дуб, медвежата с нетерпением ждали, когда сверху упадет ветка. Иногда они даже сами пытались залезть на дерево, но медведица за такое самовольство наказывала увесистым шлепком, а ведь известно, какая «легкая» у нее лапа...

Но вот вся семья наелась и отправилась гулять. Медведица-мать задержалась ли на водопое или прилегла отдохнуть где-нибудь в сторонке. А неисправимые медвежата, пользуясь случаем, решили все-таки выяснить, как это мамаша «обламывает» ветки. На дубы лезть они не отважились, а с разбега прыгали на тонкие липки. Молодое деревце, не выдержав двухпудовой тяжести малыша, с треском рушилось на землю.

Вот так обед, начатый косялками на дубовой сопке, закончился в молодых зарослях маньчжурской липы. Медведи едят медведи...

**Александр
ШПИЯКИН**

Охота на заборе

На заборе парка греются на серых досках мухи. Вот муха с красными глазами, а вот блестящая, зеленая. А серая, тощая муха с длинными лапами — хищная. Это — ктырь. Здесь — тоненькая нежная сирфида с желтыми полосками на спине. Вся эта коллекция мух греется и словно слушает, как поют кузнечики в последние летние дни... Вдруг на одну муху налетела оса, да промахнулась.

Скоро другая охотница села у моих ног, этой повезло: к груди ее прижата муха. Оса дергает брюшком, словно запыхалась. Она полетит теперь в нору, положит личинку, затем наловит еще мух и снесет на них яички. Из них выведутся личинки и будут есть свою пищу, и есть так, что нервные узлы парализованных мух останутся целыми, и «мясо» всегда будет свежим. Личинки вырастут, окуклятся, новые осы выйдут из них...

Иду дальше, смотрю на пикирующих ос. Охота у самого носа, на заборе. Люди мало кто замечают эти интересные события у насекомых. Ну, а насекомые еще меньше обращают на людей внимания...

Крыс Борька

Мой товарищ, шахтер, рассказывает много интересного о своей работе.

В обед шахтеры собираются, приносят бутерброды, молоко, хлеб. А кто-нибудь говорит: «Сейчас Борьку позову, — кричит, — Борька, Борька!» И, правда, что-то гремит на угольной горке, это по осыпи выползает крыса. В свете ламп ее шерсть кажется серебряной. Крыса осторожно бежит к людям. Зверек мигает белыми невидящими глазами, он давно ослеп в темной шахте. Борька встает на задние лапы, двигает носом, нюхает, растопырив усы.

В шахте встречаются такие крысы, попавшие под землю по старым ходам и штрекам. Наверху они неприятны, но здесь, под землей, зверьки оказываются забавными и добрыми. Стоит Борька и напоминает гнома. Ребята громко смеются, но зверек не боится, а моется, опускает голову, облизывает грудку.

Крылатое счастье

Река будто стоит, но вон видна плывущая травинка. Трясогузки бегают по листьям рогоза, и, когда листья тонут, перепрыгивают на другие. Одна птичка пробует бежать даже по тине, но проваливается. Так и скачут повсюду трясогузки, словно играют, ловят над остывающей рекой насекомых.

Стая ласточек носится над водой, тихонько вереща. Вот две мчатся навстречу друг другу. Но никогда эти маленькие летуны не столкнутся. Я стою в лодке среди летающих ласточек и трясогузок. Скоро вот эта ласточка, родившаяся под крышей, возможно, моего дома, улетит на юг, и словно кусочек счастья улетит от меня.

«Цып-цып» и «Кс-кс»

Весной все цыплята погибли, остался лишь один. Старушка кормит его и зовет: «Цып-цып-цып!» А первым бежит... котенок. Он живет в курятнике и ест вместе с цыпленком моченый хлеб. Котенок и цыпленок дружат.

Осенью, когда я приехал из экспедиции, котенок стал небольшой кошечкой, а цыпленок — маленькой курочкой. Вместе они лежали на земле и грелись. Под столом эта парочка пряталась от дождя, котенок терся о бок своей пернатой подруги. Как-то старушка позвала: «Кс-кс-кс» — и первым прибежал на крик куренок, а потом уже кошка. И они ели из одной тарелки.

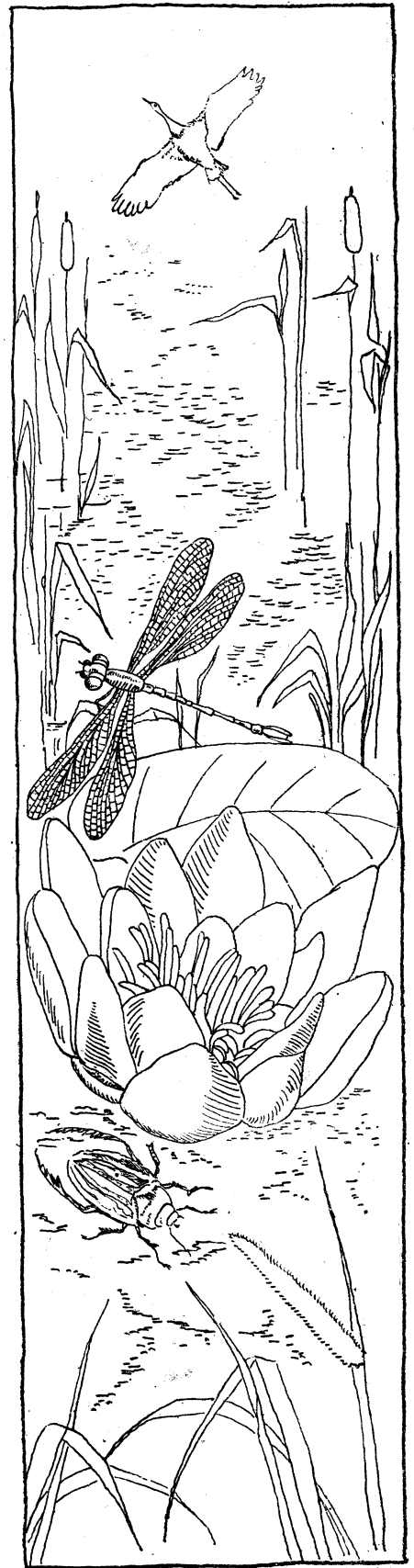
Клоп и красный фонарь

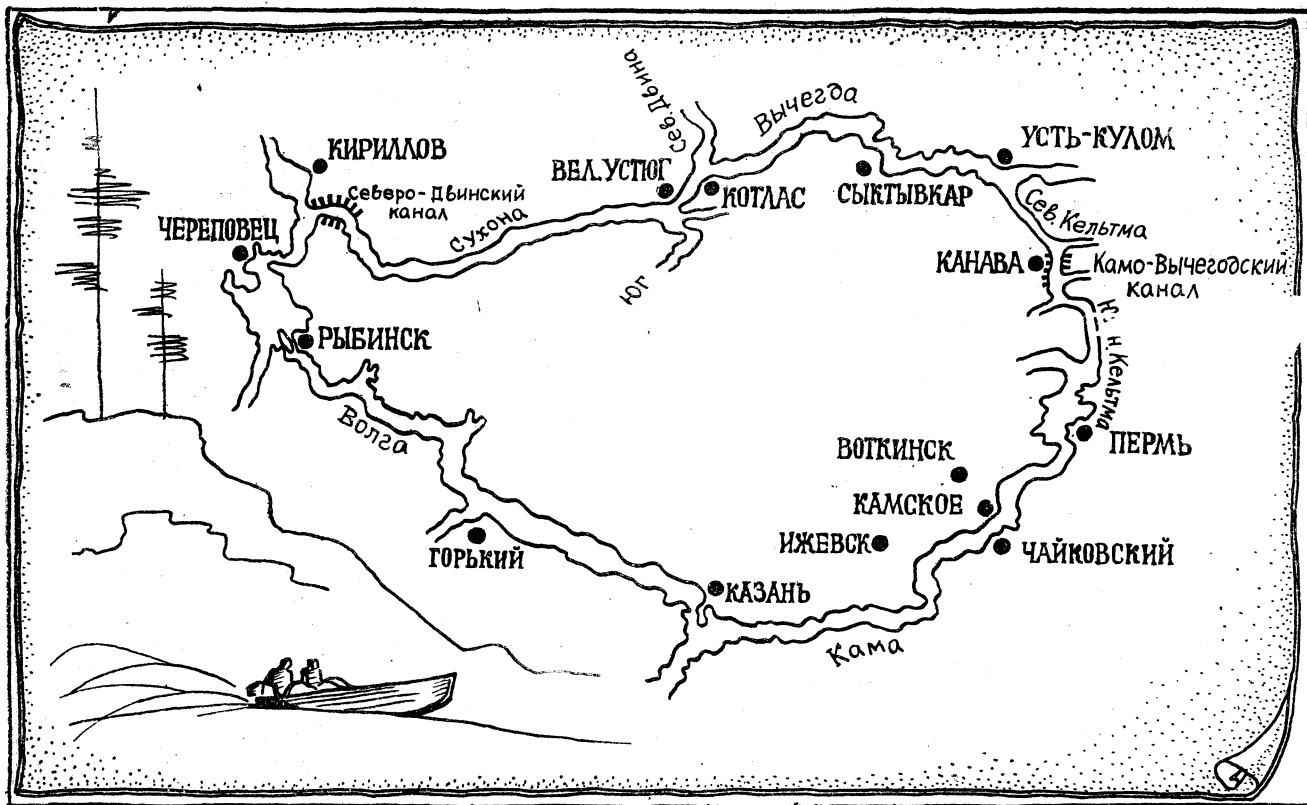
Я печатал фотографии. Вдруг по кювете с проявителем побежал клоп черно-белый, пятнистый, наверное, из сада залетел. Бежал он на свет красного фонаря. Поскользнувшись на капельке, клоп свалился в проявитель. Взял его пинцетом и, как фотоснимок, промыл в воде, посадил сушиться на бумагу. Но спасенный, посидев секунду, снова помчался на огонь фонаря.

Положил я в рамку лист фотобумаги, включил увеличитель, и на белизне появился контур будущей фотографии. И тут клоп забежал на снимок, постоял и умчался. Проявил я портрет и внизу увидел белый силуэт насекомого — узкое тельце, лапки, усики. Испортил снимок! А, может быть, наоборот?

Клоп добежал до фонаря и стал, наверное, думать, что же теперь ему делать со светом, к которому он так стремился.

А снимок с контуром увековечившего себя клопа я храню.

ПРОШЛИ ДЕСЯТЬ РЕК

**Василий
ТОЛМАЧЕВ**

Об этом маршруте мы узнали из журнала «Катера и яхты» еще в 1973 году. Его называют Восточно-Европейским кольцом. Проходит он по водному пути: Кама—Волга—Рыбинское водохранилище—Шексна—Череповецкое водохранилище—Северо-Двинский канал—озеро Кубенское—река Сухода—Малая Северная Двина—Вычегода—Северная Кельтма—Камо-Вычегодский канал—река Джурич—Южная Кельтма—Кама. Уже тогда пятеро членов нашей водно-моторной секции ДОСААФ попробовали осилить этот маршрут, но прошли лишь часть, протяженностью в 1770 километров.

Спустя три года началась подготовка к новому походу. Мысль пройти весь маршрут не оставляла нас. В обкомы ДОСААФ областей и республик разослали письма—просили сообщить места заправок топливом, правила прохождения шлюзов и каналов. Поход решено было совершить на моторной лодке «Казанка-2м», с двумя подвесными моторами «Вихрь-20». Поскольку моторы были выпуска 1968 года, мы

сделали им капитальный ремонт.

Экипаж состоял из трех человек: Владимир Рябов, Анатолий Усатенко, Василий Толмачев. Все мы—инженеры Воткинского машиностроительного завода.

Выехали из Воткинска с сопроводительным письмом и 160 литрами топлива. Место базирования—Камский залив. Сгрузили с автомашины вещи—и ахнули: целая груда... Куда же их столько грузить?! Пришлось отказаться от полностью собранного запасного мотора. Взяли только запчасти: поршневую группу, редуктор, катушки зажигания, стартер, свечи зажигания... Проверили матчасть, опробовали моторы. На почте села Камское сделали в крейсерской книжке отметку об убытии.

Вышли в Камский залив. Тотчас же выяснилось, что груз в лодке рассредоточен неправильно—из-за этого мы никак не могли выйти на режим глиссирования. К тому же, редуктор правого мотора «обработал» неожиданным стуком. Пришлось возвращаться. Сменили ре-

дуктор — оказалось, в нем неудачно реставрирована шестерня. Еще раз провели ревизию в вещах, оставив самое необходимое. По-новому погрузили.

Вот теперь идем нормально. Без особых приключений прошли шлюз Воткинской ГЭС. Определили скорость движения, по расстоянию и времени плавания между городами Чайковский и Сарапул — 43 километра в час. В райцентре Каракулино взяли 170 литров топлива.

Устраивали канистры с топливом в лодке все вместе, даже рулевой отвлекся... Никто из нас не смотрел вперед по курсу, и река тут же отомстила за оплошку. Помню удар, от которого посыпались искры из глаз. Поднимаю голову и вижу перед собой левый берег, а отходили от правого... Моторы режут. Катер наш выбросило на два метра от воды. А из рюкзака несется нежнейшая музыка — это от удара включился приемник «Океан»...

Вот так «десант на берег»... Счастье, что он оказался еще полон, и мы все трое отделались легким испугом и царапинами. Могло быть хуже.

Район Набережных Челнов проходили в темноте. На рейде полно теплоходов, барж. Береговые огни мешают различать створные знаки и бакены. Трудно было идти.

Под Чистополем наш экипаж ждали сразу два «сюрприза». Под водой задела какой-то стальной трос, сломали винт и на обоих корпусах стартеров получили трещины. И еще — неожиданности фарватера. По руслу Камы, где начинается Куйбышевское водохранилище, оказалось множество островов. У нас на карте не отмечено ни одного... Пришлось сообразовываться с обстановкой.

И вот — Волга! Прошли Казань, Чебоксары, Горький. У Балахны, на мелководье, занялись текущим ремонтом. Уровень воды — то больше, то меньше, в зависимости от движения судов по фарватеру. Видимо, на Горьковской ГЭС ограничили расход воды, и мы, не заметив, когда уровень стал опускаться, оказались почти на суше... Около двух часов потом «догоняли» воду. Лодку пришлось передвигать при помощи рычагов, подкладывая доски.

Под Костромой отказал правый мотор: разрушились зубья вал-шестерни редуктора. В запасе у нас такой детали не было. Оставив лодку на берегу, мы отправились на такси в Кострому, прихватив с собой неисправный редуктор. В «Рембыттехнике» нам и рады были бы помочь, но у них тоже не оказалось запасных деталей. Пришлось ехать в «Спорттовары» и покупать новый «Вихрь».

В Череповцеком водохранили-

ще по достоинству оценили удобство шлюзования для маломерных судов. На подходе установлены там правила и световое табло: красный свет — «Стоять на месте», зеленый — «Приготовиться» и «Приглашаем к шлюзованию». На водохранилище слабое волнение. Но полил вдруг такой ярый ливень, что мы вынуждены были встать на якорь.

Дальше — Северо-Двинский канал. Целых пять шлюзов. Когда проходили последний, диспетчер предупредил: на Кубенском озере, куда мы держим курс, ночью был шторм. Предупреждение оказалось не лишним. Озеро не успокоилось, по нему гуляли волны высотой с метр-полтора. Пока шли по волне, все было нормально. Но вдруг заглох один из моторов, лодка повернула против волн — и на нас не осталось ни одной сухой ниточки...

Под Великим Устюгом попали в молевой сплав. Нас сильно ударило, оба мотора заглохли, и лодка быстро стала наполняться водой. Запустив один мотор, еле добрались до берега. Когда выгрузили вещи и подняли лодку, увидели на днище две рваные пробоины. Наверно, наскочили на скобу, вбитую в бревно. Заделали пробоины деревянными клиньями, положив под них резину и жель, подтянули винтами. Хотели отремонтировать на судоремонтном заводе, который находится в устье Сухоны, — отказ... Так, с пробоинами, и двинулись дальше.

На одной из стоянок, недалеко от берега, березовым бревном оторвало якорь. Еще не легче!.. От Сыктывкара до Сторожевска строил нам всякие каверзы молевой сплав.

В райцентре Усть-Кулом взяли на борт еще 270 литров топлива. Его должно хватить до первого населенного пункта Пермской области. Местные жители говорят, что на дальнейшем отрезке маршрута, в Северной Кельтме и Камо-Вычегодском канале, уровень воды очень низкий — не пройти нам со своей габаритной лодкой. Крупномасштабной карты у нас не было, и мы подробно расспросили тамошнего шкипера. Он просветил нас обо всем.

Молевой сплав леса запрещен здесь года два-три назад. Но на реке много топляков, песчаных мелей, перекатов и завалов. Плыдем на одном моторе — только так можно передвигаться. Вместо якоря приспособили трак от гусеницы трактора. Местами река резко уменьшается в ширине до 20—25 метров, и того уже. Интересно, что при такой ширине, вернее ужине, и при небольшой глубине реки местные жители — коми умудряются транспортировать по реке сено: они делают из двух длинных, узких лодочек подобие катамарана и пристраивают к нему легкий подвесной мотор.

Каждую сотню метров приходится очищать винт от намотанных водорослей. А мели и перекааты сплошь и рядом, так что приходится выходить из лодки и тащить ее волоком.

До первого населенного пункта Пермской области добрались, когда в баке оставалось 3,5 литра топлива. На Каме, около деревни Кедровка, прошли еще запань, заполненную древесиной, — два с половиной часа усердно работали баграми. На несудоходной запани Керчевского рейда «ехали» на тракторе по берегу. Пройдя Камское и Воткинское водохранилища и переждав шторм в районе Осы, экипаж благополучно вернулся в исходный пункт своего плавания — село Камское.

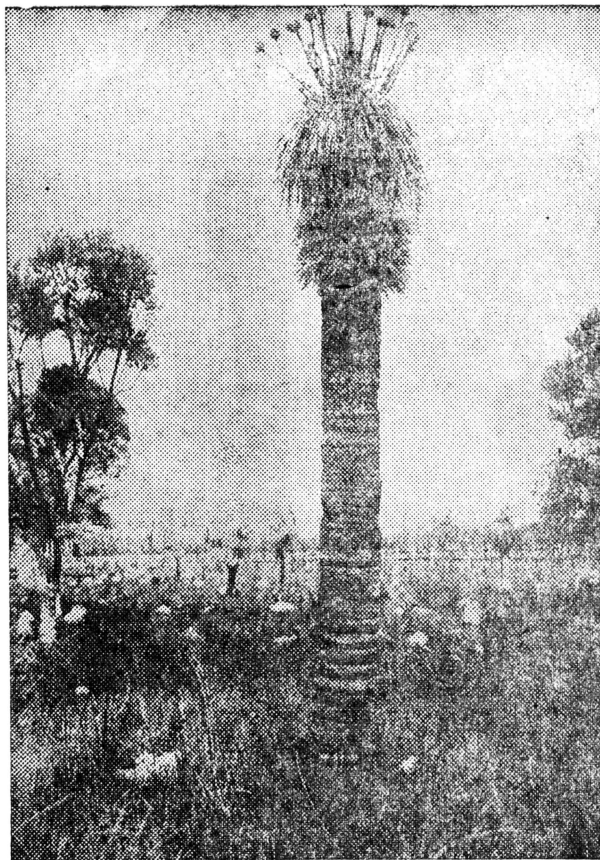
Итак, Восточно-Европейское кольцо мы замкнули за 35 дней. Прошли 4500 километров, из них 4100 — на крейсерском режиме за 141 час ходового времени, 400 километров — на одном моторе за 60 ходовых часов. На заправку потратили 33 часа. Израсходовали за время похода 3150 литров топлива.

При прохождении маршрута вышли из строя два отремонтированных редуктора, два стартера, сломаны пять винтов, весло, правая половина лобового стекла, потерял якорь. О количестве срезанных шпонок не говорим.

Опыт подсказывает нам: плавать на такие расстояния следует на проверенной, хорошо отлаженной и испытанной матчасти, а не на таком старье, какое было у нас.

Вывод делаем в пользу новых маршрутов. Потому что, каковы бы ни были технические трудности, — в таких путешествиях мир открывается сердцу и сердце открывается миру. В начале похода у нас была только карта с точками населенных пунктов. Теперь же о каждом маленьком отрезке маршрута мы можем рассказать — о незабываемой смене картин природы, о городах и деревнях, открывавшихся глазу, о людях, которые могут скрасить любое утомительное путешествие, потому что встреча с ними — и помощь, и радость, и открытие.

Ксантарей

Впервые в нашу страну доставлена австралийская ксантарей. Ее возраст — 10 лет, а высота всего лишь три сантиметра.

Это удивительное древовидное растение очень медленно растет. На своей родине за 600 лет ксантарей достигает в высоту не более трех-четырёх метров. Ее ствол, покрытый толстым слоем черной смолы, заканчивается густым пучком тонких зеленых листьев, напоминающих листья злаков. На вершине расцветают красивые цветки-бубенчики, похожие на барабанные палочки.

Ксантарей поселилась в одной из оранжерей Ленинградского ботанического сада.

На снимке: ксантарей 600-летнего возраста.

ЧЕЛЯБИНСКОЕ

Челябинское ЗОЛОТО

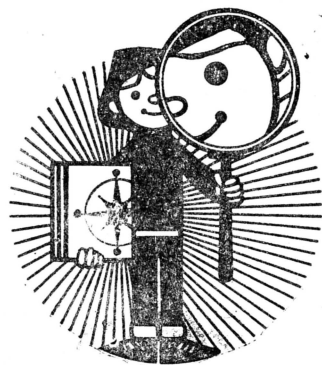
...В 1886 году, когда закладывался собор на площади, носящей сейчас имя Ярославского, один из подрядчиков решил промывать песок, взятый из-под фундамента, и обнаружил там золото. Да в таком количестве, что обещал местной городской управе построить два собора, если они разрешат ему открыть здесь карьер. Но отцы города отказали и, пожалуй правильно сделали, а там была бы на месте нынешнего оперного театра огромная яма.

В 1956 году, когда сооружалась набережная у кинотеатра «Родина» и земснарядом углублялось русло реки Миасса, взяли на пробу песок со дна реки. Он оказался золотосодержащим. Правда, золота в нем было немного — всего 0,6—1,4 грамма на тонну песка.

В конце минувшего века близ Челябинска, на прииске Васильевском в селе Шершни, добывалось немало драгоценного металла.

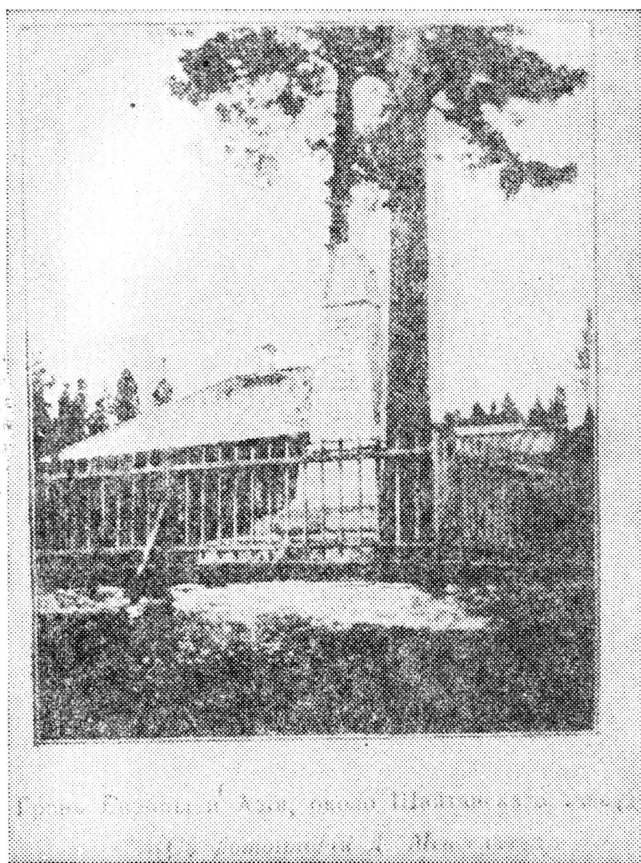
До революции добывали россыпное жильное золото около станции Полетаево, в районе поселка Каштак и села Долгодеревенского и в других местах. В 1909 году в Челябинском уезде было добыто девять пудов золота. В дальнейшем из-за нерентабельности все челябинские прииски были закрыты.

Александр КОЗЫРЕВ

МИР

НА ЛАДОНИ

Хобби великого химика

В историю русской фотографии имя Дмитрия Ивановича Менделеева также может быть вписано навечно — он был одним из учредителей первого Русского фотографического общества.

Летом 1899 года Д. И. Менделеев совершил поездку на Урал. Итогом экспедиции стал сборник «Уральская железная промышленность в 1899 г.».

В заключении книги Д. И. Менделеев писал: «Надеюсь, что издание это выиграет именно тем, что отводит немало места фотографиям, правдивость которых описывает местность и некоторые обстоятельства пути лучше, чем могло бы сделать перо».

Действительно, книга эта насыщена фотоснимками: есть внешний вид заводов и устройство цехов, пейзажи уральских лесов и рек, пограничные столбы Европа — Азия, типы людей. Есть даже 15 «фотографических снимков каторжников, снятые в тобольском остроге и показывающие их занятия в острожных мастерских».

На снимке: граница Европы и Азии близ Шайтанского завода. С фотографии Д. И. Менделеева.

Евгений БИРЮКОВ

Чугунный

ГНОМИК

В ансамбле чугунного каслинского павильона, что хранится в Свердловской картинной галерее, есть забавные старички-гномы. Один из них, когда павильон экспонировался на Всемирной выставке в Париже, держал в руках какой-то ящичек. Это был самый совершенный тогда фотоаппарат «Кодак». Чугунный гном рекламировал американский фотоаппарат.

Всего гномов было, кроме коммивояжера, рекламировавшего «Кодак», — пять: с лотком (старатель), с ребенком, с горшком, с молотком (рудознавец).

В преysкурантах выставки были указаны все данные о гномах: рост — 60 сантиметров, вес — без малого пуд, а стоимость — 14 рублей. Лишь немногие изделия, кстати, стоили тогда в Париже дороже.

Кто автор гномов — неизвестно. Как попали гномы в Россию — нигде не упоминается. Гномы для нас — иностранцы, в русских сказках они не встречаются. Вероятно, статуэтку гнома завезли иностранные специалисты — их было в России много тогда. Были они, обрусевшие немцы, и среди скульпторов Каслинского завода...

Отливку, формовку и окончательную отделку гномов делали, однако, местные мастера. Один из них — Кузьма Дмитриевич Тарасов — в 1900 году ездил в Париж. Он привез из Парижа миниатюрного чертика. Чертик с легкой руки Кузьмы Дмитриевича сразу покорила русского покупателя. Отлитый из чугуна, он долгие годы разгуливал по ярмаркам Российской империи.

На снимке: гном с «Кодаком».

Киты-первопроходцы

Первым судном, прошедшим в 1932 году полностью Северный морской путь в одну навигацию, был, как известно, ледокольный пароход «Сибиряков». Однако первыми, возможно, еще за тысячи лет до этого, такие свободные переходы из Атлантики в Тихий океан совершали... киты. Наблюдения, которые собрал, обработал и опубликовал в 1856 году в своем труде «Физическая география моря» американский гидрограф Мори, доказывали, что киты, неудачно загарпуненные в Гренландском море, с гарпуном в теле вскоре появлялись в... Охотском море. По существующим тогда среди китоловов международным обычаям, охотники на каждом гарпуне, брошенном

в кита, выбивали дату, обозначавшую день охоты и название корабля.

Китобои, заходившие на охоту в высокие арктические широты, иногда видели, как айсберг вдруг шел против течения. Мори объяснил это наличием сильного глубинного подводного течения. Киты знали о нем. Некоторые виды китов жили только в холодных водах Арктики и никогда не заходили в экваториальный пояс. Мори писал 125 лет назад, что это «доказывает только случайное существование — если угодно — канала, по которому проходят киты...» Но мы теперь знаем, что это — не канал, а Берингов пролив шириной чуть ли не в сто километров.

Николай ЗАЙЦЕВ

Понедельник — день тяжелый... Почему?

Мы часто говорим: «Понедельник — день тяжелый...» А откуда взялась эта идиома? Ответ можно найти в старых церковных книгах.

В рукописной книге XVI века говорится: «Месяца марта постися первые недели в понедельник, среду, пяток (пятницу), месяца июня постися две недели в понедельник, среду и пяток».

Крестьянский труд тяжел был всегда, в любое время, а в дни поста и подавно.

Древние астрологи считали понедельник — день Лунны — несчастливый. Эта «мудрость» пришла на русскую землю в готовом виде — ее носителем была религия, христианство.

Великий князь Владимир, познав истинного бога и приняв святое крещение, велел всем подданным сделать то же.

Чтобы вразумить их и утвердить в вере, Владимир вменил в обязанности всем без исключения каждый воскресный день приходиться в церковь... Тех же упорных, которые не выполняли этого повеления и не являлись в храмы христианские, подвергал чувствительному наказанию, которое выполнялось в понедельник.

Батогами да плетью, выходит, насаждалось на Руси христианство. По понедельникам секли неверующих. Вот и стал понедельник тяжелым днем...

Юрий РЯЗАНОВ

Нашел гриб — обрадовался

Все скрытно в лесу: поют птицы, а не увидишь, где они, много растет грибов, да не сразу найдешь их.

Прячутся грибочки под листочки, под колючие лапы елей, за трухлявые пенечки, за мшистые кочки.

А увидел гриб — обрадовался. Обрадовался находке и полез сквозь чашобу. Добрался, наклонился и... Коричневая шляпка, да не подберезовик, красная, да не подосиновик.

— Тыфу, зря старался, — и с досады хлоп его. Не спеши, не тронь гриб, если он неизвестный или поганый, значит, не твой, не для тебя рос.

Лишь настоящему грибку все впору: нашел поганый — не сердится на него, не ломает понапрасну, нашел незнакомый — знакомится. А познакомился с хорошим — вот тебе и радость.

И опять не спеши. Не срывай гриб, а срежь или сломи. Крепкий и ядерный — под корень, перестоялый и ненадежный — под шляпку. Да вокруг посмотри, листву повороши, под елку загляни и не уйдешь из лесу пустой: нашел один гриб — найдется и другой.

Грибы подберезовики почти всегда парой — старый да малый.

Во мху — моховички.

В осинниках — подосиновики, в ельничке — рыжики.

А из всех грибов самый знатный гриб в лесу — боровик, или белый. На колени перед ним встанешь, траву разведешь, бархатистую шляпку погладишь...

Самые ядовитые и вредные грибы — поганки бледные. Осторожно, не спутайте их с белыми сыроежками. Собирайте уж лучше сыроежки с коричневыми, зелеными и желтыми шляпками. Их прозвали синявками.

Как-то нашел я такого крепыша-подосиновика! Ножка толстая, шляпка — коричневый берет. Хорош! «Постой, — думаю, — куда не уйдешь». Ставлю корзину, достаю альбом, рисую. Стоит гриб подбоченясь, шляпку-берет набок сдвинул. Чудо грибочек был! Я так увлекся, пока рисовал, что и срезать его позабыл. Но спохватился и воротился. А гриба уже нет.

— Сбежал, — смеюсь я. Да куда ему бежать? «Стоит Антошка на одной ножке...» Просто попал, кому-то в корзину попал.

Анатолий
ТУМБАСОВ

Рисунки автора

Осенний хоровод!

Твои ордена, комсомол!

Впервые марки, посвященные комсомолу, появились в 1938 году, к 20-летию ВЛКСМ.

В 1928 году в ознаменование 10-летия ВЛКСМ и за боевые заслуги молодежи на фронтах гражданской войны комсомол получил свою первую боевую награду — орден Боевого Красного Знамени.

Орден Трудового Красного Знамени был вручен комсомолу в 1931 году за ударный труд и социалистическое соревнование в годы первой пятилетки.

25-летие комсомола отмечалось в грозные годы Великой Отечественной войны. Министерство связи СССР выпустило серию почтовых марок, посвященных юбилею. Многие советские марки этого периода посвящены отважным комсомольцам Героям Советского Союза — З. Космодемьянской, В. Талалихину, А. Матросову, А. Чекалину, молодоговардейцам.

В октябре 1948 года, к 30-летию ВЛКСМ, была выпущена серия из шести марок.

К 30-летию, за самоотверженный труд по восстановлению и дальнейшему развитию народного хозяйства СССР и за выполнение плана послевоенной пятилетки, комсомол был награжден орденом Ленина.

В 1958 году 40-летие комсомола было отмечено выпуском красочной большеформатной серии марок. На пяти миниатюрах отражено участие комсомола в гражданской и Великой Отечественной войнах, на промышленных стройках и целине. В правом нижнем углу на красном знамени изображены уже пять наград комсомола.

Третьим орденом Ленина комсомол был награжден в 1956 году за освоение целинных земель и успехи во всех отраслях хозяйства, науки и техники.

В честь юбилейной даты в 1968 году была выпущена интересная серия из шести марок. На каждой марке один орден и рисунок, за какие заслуги был награжден комсомол. На последней 12-копеечной марке орден Октябрьской Революции, которым был награжден комсомол к 50-летию.